

Дмитрий Колодан

Зеркала

Книга первая
МАСКАРАД

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Колодан, Д.
К61 Зеркала. Книга первая: Маскарад / Дмитрий Колодан — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 272 с.

Добро пожаловать в Венецию! В город тайн и загадок. В город каналов, масок, зеркал, праздника и легенд — всего того, из чего и рождается настоящий Маскарад.

Томка Кошкина собиралась в обычную туристическую поездку. Но случайная встреча в поезде с таинственной бородатой женщиной меняет все. И вот уже привычная жизнь рушится подобно костяшкам домино... Девушка оказывается втянута в опасную игру, ставки в которой гораздо выше жизни. Игру, которую уже не одну сотню лет ведет зловещий доктор Коппелиус — карлик в птичьей маске и с тростью украшенной серебристой фигуркой Голубя...

Только причем здесь самая уродливая собака в мире?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

ISBN 978-5-904454-65-4 © Рыков К., 2012
© Колодан Д., 2012 © Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ПРОЛОГ

ТЕНИ В ЗЕРКАЛАХ

Сперва расставим декорации. Итак: остров Мурано, Венецианская Республика, середина восемнадцатого столетия. Для любителей точности: зима 1756 года. Для зануд: четверг.

Ночка выдалась та еще. Буря разошлась не на шутку. Ветер завывал громче всех дьяволов преисподней, грохотал оконными ставнями. Дождевые капли звонко стучали по стеклам. И где-то далеко гулко звонил колокол на кампанелле Санта-Мария э Донато, возвещая приход высокой воды.

Но в доме мастера-зеркальщика Пьетро Аретти было светло и жарко, как в плавильне. Дрова громко трещали в печи; от сухого жара дрожал воздух, и оплывали многочисленные свечи. В мастерской висел сладковатый запах жидкого воска.

Сам мастер сидел в массивном кресле, укутавшись в меха, и смотрел на огонь.

Несмотря на жар в комнате, мастер Аретти мерз так, что стучали зубы и дрожали руки, а по вискам катились капли ледяного пота. Не помогала даже толстая соболиная накидка из далекой Московии. Аретти поежился и потянулся к чаше с горячим вином со специями. Но напиток, хоть и обжигал горло, ничуть не согревал.

— Бруно! — хриплым голосом позвал Аретти. — Где тебя черти носят, мерзкий мальчишка?

Он закашлялся. Вино выплеснулось на пол; от кроваво-красной лужи повалили клубы пара.

— Бруно!!!

Прошла вечность, прежде чем Аретти услышал шаги. На пороге комнаты появился тощий мальчишка-подмастерье с медным тазом в руках.

— Явился, наконец, — просипел Аретти. — Что это ты притащил?

— Вода с уксусом, синьор, — сказал Бруно. — Лекарь сказал каждый час обтираться, чтобы сбить жар... А утром он придет и сделает кровопускание.

— Сбить жар? — звук, который издал мастер, с натяжкой мог сойти за смешок. — Да мне холодно, как в ледяном сердце ада! А ты притащил обтирания?!

Бруно пожал плечами.

— Так сказал лекарь. Лучше его послушаться, синьор, он человек ученый и знает толк в таких делаах.

— Молчи, неблагодарный *diavoleto*! — Аретти в сердцах хлопнул ладонью по столу. — Будь проклят тот день, когда я подобрал тебя на помойке.

Аретти хотел, чтобы его голос прозвучал грозно — как и полагается мастеру разговаривать с учеником. А вышло что-то вроде серии жалких хрипов. Бруно покачал головой:

— Вы не подбирали меня на помойке, синьор. Мой батюшка отвалил за мое обучение гору золотых дукатов. И исправно платит каждый месяц.

— Молчи, сопляк! Не забывай, с кем... — Аретти снова закашлялся, да так сильно, что согнулся пополам. — У... холера...

— Может, и холера, — не стал спорить Бруно. — Я не лекарь, но у меня тетка одна...

— Закрой рот! Лучше подбрось дров. И это... принеси свечей — здесь темно, как у мавра...

— Кхм... Конечно, синьор. Сию минуту.

Бруно огляделся. На стенах мастерской висели зеркала: большие и маленькие, всех возможных форм, в дорогих резных рамках и попроще. Сейчас перед каждым зеркалом стояло по дюжине

толстых свечей. Дрожащие огоньки отражались в серебристой амальгаме, отражения ловили отражения — тысячи и тысячи, больше, чем звезд на небе. В комнате было светлее, чем на пьяцца Сан Марко в ясный летний полдень. Глаза слезились от этого света. Если принести еще свечей, их будет некуда ставить. К тому же Бруно подозревал: сколько не зажигай свечей, а мастеру будет мало. Он даже не заметит.

— Вот сделаю вам обтирания и принесу.

Обмакнув тряпку в воду с уксусом, Бруно шагнул к Аретти. Мастер попытался оттолкнуть его руку, но мальчишка все же положил компресс ему на лоб. Тряпка зашипела, будто он швырнул ее на раскаленную сковородку.

Cospèto! Похоже, пора бежать за лекарем. Иначе мастер может не дотянуть до кровопускания. Бруно не хотелось пробираться до дома лекаря по колено в воде, под дождем и холодным ветром. Но отец спустит с него три шкуры, если по вине мальчишки глупый старикашка отдаст концы.

Именно в этот момент в дверь мастерской постучали.

Удары дверного молотка прозвучали громко и сухо. Бруно вздрогнул. И кого еще принесла нелегкая? Точно не покупателей — Бруно не верил, что человек в здравом уме станет посреди ночи покупать зеркала. Может, лекарь? Почуял своим лекарским нутром, что нужна помочь, и явился.

— Синьор, — осторожно сказал мальчишка. — Кто-то пришел... Впустить?

Аретти медленно кивнул, и Бруно поплелся к двери.

Стоило открыть крошечное зарешеченное окошко, как в дом ворвался ледяной ветер. Швырнулся в лицо пригоршню колючих капель и задул свечу в руке мальчика. Щурясь, Бруно всмотрелся в ночную темноту.

Однако на улице никого не оказалось. Лишь тусклым пятном мерцали окна дома напротив. Бруно выругался. Померещилось, что ли? Или ветер грохочет ставнями?

Он захлопнул окошко.

В то же мгновение стук повторился: три отчетливых и громких удара. Бруно резко дернул створку. За дверью никого не было.

— Что за...

— Ниже, — послышался скрипучий голос. — Опусти глаза, идиот!

Бруно привстал на цыпочки, посмотрел вниз. И с диким криком отскочил от двери.

Мастер Аретти заерзал в своем неудобном кресле. Едва ли он услышал крик подмастерья, но где-то внизу живота зародилось неприятное чувство. Словно он вдруг оказался на вершине купола Святого Марка и теперь смотрел вниз, на далекие камни мостовой. В одном шаге от короткого и бесславного полета. Что-то должно было случиться, что-то очень плохое.

Мастеру Аретти виделись тени. Похожие на клубки водорослей, они таились по углам и шевелились в глубине зеркал. Тянули к нему зыбкие щупальца.

Всю жизнь Аретти делал зеркала, как и его отец, дед и прадед. И мастер искренне любил блестящие переливы амальгамы, любил причудливую игру света и отражений. Но сейчас, глядя на задрожавшее пламя свечей, Аретти впервые подумал, что зеркала отвратительны.

Они же всегда врут...

Прижавшись к стене, Бруно пытался успокоить расшалившееся сердце. Кадык дергался при каждом вдохе. Страх накатил волной и отступил, но не прошел бесследно. И начавшаяся икота была меньшей из проблем. Даже не сравнить со штанами.

В дверь продолжали колотить.

Возьми себя в руки, приказал себе мальчишка. Та, на кого ты подумал, не стала бы стучаться. Для Нее и самые прочные стены не преграда... Но как похожа! Белое лицо и огромные пустые глазницы, черный плащ с капюшоном... В первые мгновения Бруно и впрямь поверил, что в дом явилась Синьора Смерть.

Однако Синьора Смерть была дамой высокой: на то и смерть, чтобы на всех глядеть сверху вниз. А тому, кто стоял за дверью, пришлось бы воспользоваться лесенкой, чтобы посмотреть свысока. Ростом он был по пояс взрослому человеку. Ребенок, а скорее — карлик... А лицо, которое Бруно принял за череп — обыкновенная маска. Белая клювастая морда, известная как «доктор чумы» — раньше подобные птички маски носили врачи.

Бруно заставил себя усмехнуться. Во дает, испугался карлика в маске! В любом другом городе такое можно простить. Но в Венеции! В городе, где каждый второй житель никогда не снимает бауты, а карлики в почете при любом уважаемом палаццо... Как мавров в Африке пугаться!

Мальчишка вернулся к двери и выглянул в окошко. Так и есть — карлик в маске! От сердца отлегло.

Обычно в маске «доктора чумы» человек походил на аиста, тощего и нескладного. Но из-за роста карлик выглядел скорее как северная птица гагара. Очень сердитая гагара. Он подпрыгивал на месте и колотил по двери тростью с блестящим набалдашником.

— Синьор? — позвал Бруно. — Чем могу... ик... быть полезен, синьор?

Птичий клюв повернулся к мальчишке. Глазницы маски закрывали круглые черные стекла, блестящие от воды; тяжелый плащ трепыхался под порывами ветра.

— Наконец-то! — голос карлика напоминал скрип ржавых дверных петель. — Я думал, меня хотят утопить!

— Утопить, синьор? — растерялся Бруно и тут же понял, в чем дело. — О!

Не зря звонил колокол на кампанелле: море пришло на улицы Мурано. Вода быстро прибывала; скоро передвигаться по городу можно будет только на лодке или на ходулях. Ни того, ни другого у карлика не было. Он рехнулся, выходить во время наводнения на улицу? Да первая же волна скроет его с головой!

— Простите, синьор! — затараторил Бруно. — Я сейчас...

Мальчишка загремел засовами. Едва дверь приоткрылась, карлик протиснулся в дом, отодвинув Бруно тростью. Следом за ним хлынул поток холодной соленой воды. Бруно глазом не успел моргнуть, как оказался с насквозь мокрыми ногами.

— Уф... — выдохнул Бруно. — Ну и погодка сегодня... Того и гляди, снег пойдет.

— Да.

Карлик остановился на ступенях лестницы, ведущей в мастерскую, кривой клюв покачивался напротив лица Бруно. В черных стеклах глазниц отразилась бледная физиономия мальчишки.

— Это дом Пьетро Аретти? — проскрипел карлик. — Мастера зеркал?

— Да, — закивал Бруно. — А вы, синьор... ик... слушаем, не лекарь?

Карлик помедлил с ответом. Клюв маски склонился к земле.

— Можно сказать и так.

Бруно передернуло. Что за голос! Как гвоздем по стеклу... Отблески желтого света из мастерской вспыхнули в черных очках — точно в глубине глаз полыхнуло настоящее пламя. Бруно едва удержался, чтобы не перекреститься.

Мальчишка поджал губы. Все в порядке, это лекарь. Он пришел, чтобы помочь...

На Мурано, правда, отродясь не было лекарей-карликов, но Бруно быстро решил эту задачку. Лекарь-карлик наверняка есть у дожа. Вот тот и послал его к Аретти — дож ценил и уважал мастера. Как бы нелепо не звучало подобное предположение, Бруно заставил себя в него поверить. Нутром почувствовал — так будет безопаснее.

— Ик... Он очень плох, синьор. У него жар... Боюсь, если ему не помочь, он может и умереть...

— Как жалко, — сказал карлик.

Под тяжелой меховой накидкой мастер Аретти сжал ребристую рукоять стилета. Оружие истинного венецианца: трехгранный

клиновидный, острый как змеиное жало. Но тяжесть кинжала не успокаивала. Какой толк от оружия, когда враги — лишь тени в зеркалах?

В глубине амальгамы Аретти различал расплывчатые человеческие фигуры. Говорят, зеркала ничего не забывают: все, что когда-либо в них отразилось, остается в них навечно. А еще говорят, они похищают души. И если долго смотреться в зеркало, можно лишиться рассудка.

Аретти не верил этим рассказням. Что такое зеркало? Тонкая пленка ртутного серебра на стекле и за ней ничего нет. Нет никаких теней и туманных фигур, они ему только мерещатся. Видать, от холода его разум совсем помутился. Нужно больше света, больше свечей!

Тени стали ближе. Еще немного и...

— Синьор! — послышался писклявый голосок подмастерья.

Аретти без сил откинулся на деревянную спинку кресла.

— Где ты шлялся, diavoleto? Я же сказал принести свечей!

Мальчик топтался у двери. Аретти едва разглядел его лицо. Рядом с Бруно маячило невысокое существо — черное, с белой головой и длинным клювом.

— Синьор, — Бруно склонил голову. — К вам посетители, синьор...

— Кого ты притащил, гадкий мальчишка? — Аретти прищурился. — Это гагара? Вышвырни ее на улицу. Здесь не звери-неч.

«Гагара» издала странный скрипучий звук.

— Это лекарь, — поспешил сказать Бруно.

— Неужели? Не мелковат ли он для лекаря?

Аретти наклонился вперед, разглядывая посетителя. Белые пятна сложились в маску «доктора чумы».

— Меня зовут Коппелиус, — представился гость.

— А... — протянул Аретти. — Я слышал о тебе... Бруно!

— Да, синьор?

— Бруно... Тебе надо навестить батюшку.

— Синьор? — мальчишка растерялся. — Прямо сейчас?

— Немедленно. Беги домой. Твоя семья обрадуется, что ты их не забываешь.

— Синьор! Я не могу вас оставить! Батюшка очень рассердится, когда...

— Я твой мастер, — перебил его Аретти, — и ты обязан меня слушаться! Отправляйся домой.

— Синьор, — предпринял последнюю попытку Бруно. — На улице ночь, и наводнение началось...

— Значит, тебе надо поторопиться, — резко сказал Аретти. — За меня не беспокойся: доктор за мной присмотрит.

Бруно посмотрел на карлика. Тот переминался с ноги на ногу, птичий клюв маски резко поворачивался то в одну, то в другую сторону.

«Это лекарь, — повторил себе мальчишка, — он пришел, чтобы помочь»...

Не сказав ни слова, Бруно развернулся и сбежал по лестнице к двери.

— Он хороший мальчик, — сказал Аретти, когда шаги Бруно стихли внизу. — И он ничего не знает.

— Тем лучше для него, — скрипнул Коппелиус. — Многие знания — многие печали.

Карлик прошелся по комнате, заглядывая в каждое зеркало. Аретти следил за его перемещениями, крепко сжимая рукоять стилета.

— Чуденько, чуденько, — проговорил Коппелиус. — Замечательная работа! Вы мастер своего дела.

Он постучал набалдашником трости по резной раме. Аретти показалось, что по амальгаме пробежала рябь. Как от камня, брошенного в воду. Мастер замотал головой, прогоняя наваждение. Это просто задрожало пламя свечей...

Он присмотрелся к трости карлика: из гладкого черного дерева, блестящая, а внутри наверняка скрыт острый клинок. Но

куда больше Аретти заинтересовал серебристый набалдашник. Он ожидал чего-то мрачного и зловещего, вроде ухмыляющегося черепа. Однако трость карлика украшала фигурка птицы, похожей на голубя.

— Да, — Коппелиус снова провел тростью по зеркалу. — Замечательная работа. Французам никогда не достичь такого совершенства!

На Мурано считалось неприличным даже упоминать французские зеркала — с тех самых пор, как пожиратели улиток выкрали секрет производства амальгамы.

— Французам?! — Аретти дернулся как от пощечины. — Их зеркала — фальшивка. Они думают, смогли украсть один секрет и теперь знают все! Ничего они не знают о настоящих зеркалах.

— Конечно, — кивнул Коппелиус. — Секреты. Куда же без них? Тайна, передающаяся от отца к сыну, от мастера к ученику... Что тут у нас?

Рукой в перчатке он дотронулся до зеркального стекла.

— Золото? Немного презренного металла в амальгаме, и отражение уже светится особым светом. А выглядит лучше, чем оригинал. Я угадал?

Мастер Аретти смотрел на многочисленные отражения карлика. Коппелиус ни мгновения не стоял на месте. Сновал по комнате, дергая головой, подобно птице, что украшала его трость. А следом за ним призрачным шлейфом скользили зазеркальные тени. Тени, слишком похожие на людей.

— Разумеется, угадал, — сказал карлик. — Золотая амальгама давно не тайна. Помнится, Челлини сделал такое зеркало для госпожи де Пуатье. А бедняжка поверила в то, что это и есть Зеркало Вечной Молодости. Смотрелась в него до самой смерти. Ха-ха-ха!

Коппелиус не рассмеялся, лишь отметил сам факт шутки. Оно и к лучшему — меньше всего Аретти хотелось бы слышать его скрипучий смех.

— Так вот чего ты ищешь, — сипло сказал мастер. — Тайну Зеркала Вечной Молодости? Ты ошибся дверью.

Коппелиус склонил голову.

— О! Не волнуйтесь, синьор, эту тайну я знаю. Чудесный трюк: спрятать настоящий секрет за фальшивым. Очень по-венециански.

— Нет никакого Зеркала Вечной Молодости, — сказал Аретти. — Это сказки.

— Сказки бывают разные. Некоторые из них глупые, другие забавные. Люди, падки на чудеса и магию. Я же больше склонен доверять фактам. Есть египетская амальгама и девственные зеркала. Зеркала, которые помнят первое отражение.

Аретти вздрогнул.

— Это тоже сказки... — начал мастер, но Коппелиус остановил его взмахом трости.

— Бросьте, синьор, — сказал карлик. — К чему упираться? Я же знаю, что вам известен секрет египетской амальгамы, и знаю, на что она способна.

— Кто? Поготти или Скоцци?

Никто больше не знал про египетскую амальгаму.

— Ах! — карлик всплеснул руками. — Это уже не важно.

Аретти вжался в кресло.

— Ты... Ты убил их!

Судя по тону ответа, карлик был до глубины души оскорблен подобными обвинениями:

— Что вы, синьор! Зачем так грубо? Я лишь сделал так, чтобы тайна осталась тайной. Вы же не хотите, чтобы кто-нибудь узнал секрет?

— Убил, — повторил мастер. — А теперь пришел за мной.

Аретти взмахнул рукой. Но он был слишком слаб, стилет упал в паре шагов от карлика. Коппелиус некоторое время смотрел на оружие. Клюв маски осуждающе покачивался из стороны в сторону.

— О-очень по-венециански, — протянул карлик, концом трости отодвигая кинжал. — Какое трогательное и жалкое коварство!

Аретти промолчал. Если бы у него были силы! Он бы мигом вышвырнул этого типа из окна. Коппелиус, он просто... Просто жалкий карлик! Он смешон в своей нелепой птичьей маске. Чтобы разделаться с ним, достаточно одного пинка.

Но сейчас Аретти мог лишь цепляться за подлокотники.

— Кстати, у меня есть для вас подарок, — сказал Коппелиус. — Ручаюсь, вы никогда не видели ничего подобного.

Из складок плаща карлик вытащил продолговатый предмет, обернутый черным бархатом.

— Это... — мастер попытался встать, но мышцы словно налились свинцом. — Это...

— Да, — кивнул карлик. — Девственное зеркало с египетской амальгамой. Зеркало, которое не видело отражений.

Аретти слготнул.

— Ты... — мастер крепко зажмурился. — Ты не заставишь меня в него смотреться!

На секунду ему показалось, что внизу громко скрипнула дверь. Лишь потом он сообразил, что это был смех Коппелиуса.

— Заставлю? — сказал карлик. — Зачем? Отражение существует независимо от того, смотришь ты в зеркало или нет.

Аретти зажмурился сильнее. Его на мякине не проведешь... Карлик может говорить, что угодно, но скорее Венеция уйдет под воду, чем мастер раскроет глаза.

— Вы, синьоры, так давно хранили эту тайну, — продолжал говорить Коппелиус, — что сами ее забыли...

— Египетская амальгама высасывает душу, — шепотом сказал Аретти.

— Нет, нет, — скрипнул Коппелиус. — Зеркало только помнит и хранит. А чтобы забрать душу, есть другие средства. Больно не будет: еще никто не жаловался.

— Что?!

Все случилось так быстро, что Аретти не понял, что же произошло. Но чувство было такое, словно мастера с головой окунули в холодные воды Лагуны. Очень неприятное чувство.

Аретти открыл глаза. Он по-прежнему сидел в своем кресле, в окружении свечей и зеркал. Карлик Коппелиус даже не смотрел в его сторону. Мастер глянул на свое отражение: тощий старик с бледным лицом и темными кругами под глазами. Выглядел он кошмарно; физиономия, как у камбалы на рыбном лотке. Аретти вытер со лба крупные капли пота.

Отражение в зеркале не шелохнулось.

Мастер замер, а затем медленно поднял над головой руку. Человек в зеркалах, человек с его лицом и его телом, не пошевелил и пальцем. На его губах застыла идиотская улыбочка.

— Ты... — мастер почувствовал, что задыхается. — Что ты сделал с моим отражением?!

— Отражением? — Коппелиус издал короткий смешок.

А затем с размаху ударил по зеркалу тростью. Комнату наполнил звон бьющегося стекла. Однако вместо осколков, посыпавшихся на пол, на месте зеркала открылась дыра, черная, как сама ночь.

Но по ту сторону зеркал осколки были. Аретти видел, как карлик ступает по ним, отходя от оставшейся на стене пустой рамы.

— Что... что ты сделал, *diavolo*!?

Птичья маска Коппелиуса повернулась к Аретти.

— *Diavolo*?! Вы мне льстите, синьор. Но и к людям я отношения почти не имею, тут вы правы.

Тени, которые Аретти раньше видел в зеркалах, сгостились вокруг мастера. С каждым мгновением они все больше походили на людей. На плечо опустилась рука, тяжелая, словно высеченная из камня. Аретти не хватило духу обернуться.

Взмахнув тростью, карлик разбил еще одно зеркало.

— Ну что же... — произнес он, глядя на мастера Аретти. — Освободилось еще одно место.

Бруно вернулся в мастерскую с рассветом. Слишком поздно, чтобы что-либо исправить.

Мальчишка остановился на пороге, оглядываясь по сторонам. Свечи давно погасли, на полу застыли лужи воска. Но главное — в доме оказались перебиты все зеркала; мелкие осколки сверкали, точно россыпь бриллиантов. Аретти сидел посреди этого разгрома, как король на руинах павшего замка.

— Синьор?

Аретти не ответил. На мгновение Бруно испугался, что мастер умер, но нет — с пугающей методичностью Аретти качал головой и стучал ладонями по подлокотникам кресла.

— Синьор? Вы в порядке? Эй!

Но сколько Бруно не звал, мастер так и не откликнулся. Даже когда мальчишка — неслыханное дело для подмастерья — ударили Аретти по щеке, с губ старика сорвалось лишь бессмыслиценное мычание. Мастер улыбался как деревенский дурачок и, судя по выражению лица, был абсолютно счастлив.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИНЦИП ДОМИНО

Сложно сказать, когда все пошло не так.

Поездка на Венецианский Карнавал планировалась еще за год. И хотя во всех анкетах, в графе «профессия» Томка Кошкина честно писала «раздолбай», к этому делу она подошла серьезно. То есть поваляла дурака каких-то десять месяцев, а не спохватилась за неделю до срока, и даже с первой попытки оформила нужные бумаги. Билеты на самолет, билеты на поезд, визы, страховки, подтверждение брони отеля — со всем этим Томка справилась блестяще. И теперь оставалось только дождаться того счастливого момента, когда она, Томка Кошкина, двадцати лет отроду, будет во всей своей красе стоять на мосту Риальто или пить кофе в легендарном кафе «Флориан» на площади Святого Марка, или... Да мало ли в Венеции других замечательных мест, особенно в дни Карнавала?

В счастливой эйфории от предстоящей поездки Томка перечитывала путеводители, сто раз перебрала коллекцию фотообъективов и до смерти надоела телефонными звонками приятелям по уличному театру «Мутабор». Надоела так, что даже влюбленный в нее жонглер и огнеглотатель Гарик Пороцкий, человек со стальными нервами и железной выдержкой, и тот стал отключать телефон.

Сначала в Венецию Томка собиралась вместе с театром. Гастроли были не совсем настоящими: ни приглашения, ни разрешения от властей у них не имелось. Просто однажды в их

славной компании родилась идея выступить на Карнавале, и не нашлось ни одного довода против. А почему бы и нет? У них был уличный театр, так значит, им прямая дорога на кампо и калле Венеции. В город масок, зеркал, праздника и тайн — всего того, из чего и рождается настоящий карнавал. Ведь, как справедливо кто-то заметил, «чтобы играть, нам нужно держаться корней».

В труппу «Мутабора» Томка была включена постольку-поскольку. Полкурса Театралки маловато, чтобы считаться настоящей актрисой. Особенно среди людей, половина из которых вообще не имеет образования. Чем она занималась в театре, ей и самой было непонятно. Как-то Томка нашла секретную ведомость. Кому и зачем понадобилось ее составлять, осталось загадкой, но содержание сего опуса она выучила практически дословно. Итак:

«Кошкина Т.И. (1989 г.р.)

Она же Томка, она же Муха, она же Осторожно!, она же (зачеркнуто), (зачеркнуто).

Видимо, фотограф, возможно, переводчик (знает пять языков, никто не проверял).

Откуда взялась в театре — неизвестно. Скорее всего, подброшена цыганами. Может дурачиться на заменах. Помещается в зеленый чемодан.

Важно: опасна как ручная граната с выдернутой чекой. Держать подальше от острых, тяжелых и хрупких предметов. НИКОГДА (дважды подчеркнуто) не давать в руки жонглерские кегли».

Ниже чьим-то размашистым почерком было приписано: «И ходули б.!»

Сейчас этот шедевр висел в рамочке на стене квартиры, которую Томка снимала у одной старушки. Аккурат под фотопортретом Томки в образе Белого Пьеро, подписи под картиной и предупреждающей таблички «Осторожно, злая собака!».

А в один прекрасный день Томка вдруг решила, что обязана приехать в Венецию раньше остальных. Дня на три, а лучше на пять. Должна побродить по городу, вжиться в его атмосферу.

Это была одна из тех безумных идей, которые если придут в голову, то от них уже не отделаться. И тут не помогут ни уговоры, ни доводы разума — мол, как же ты одна, в незнакомом городе и т. д. и т. п.

Но, по правде говоря, никто ее не отговаривал. Одна? Отлично! Хоть отдохнем немножко... Только Гарик Полоцкий печально вздохнул и сказал:

— Вот чую я, добром это не кончится.

— Ага, — весело согласилась Томка. — Всепременно!

И тут же забыла о предупреждении. Первом в череде таинственных и зловещих предзнаменований, обрушившихся на нее за неделю до вылета.

Томка никогда не была суеверной. К черным кошкам относилась с большой симпатией и ничтоже сумняшеся проходила под стремянками. И ничего ей с того не было, если не считать мелких неприятностей, которые случаются, когда падают лестницы. Кое-кто из ее знакомых искренне верил, что дурные приметы на Томку не действуют просто потому, что она сама являлась дурной приметой. Если на горизонте появилась Томка Кошкина, обязательно что-нибудь упадет, сломается или разобьется. А одноименные полюса магнитов, как известно, отталкиваются.

Но тут предупреждения посыпались, как из рога изобилия. За три дня Томка умудрилась разбить четыре зеркала. В универсаме опрокинула стойку с солью. Черные кошки со всей Петроградки выстраивались в очередь, чтобы перейти ей дорогу. И каждый раз, выходя из дома, она встречала группу детсадовцев, состоящую из девочек с пустыми ведерками.

Последней каплей стал гороскоп, прочитанный в бесплатной газете. Томка в жизни не читала ни гороскопов, ни бесплатных газет, но тот экземпляр не могла не взять.

Газеты раздавала дикого вида старуха с длинным крючковатым носом. С первого взгляда было ясно, что эта особа прописана

в ближайшем лесу, в избе на куриных ногах. Ярко-голубая жи-летка с логотипом не обманула бы и младенца.

— Бесплатная газета! — проорала старуха, стоило Томке выйти из метро. — Кроссворд! Телепрограмма! Гороскоп! Берите, девушка!

— Спасибо, не...

— Кроссворд! — выкрикнула старуха, вращая глазами. — Гороскоп!

Судя по настойчивости, вручить Томке газету было делом ее жизни. Не исключено, что ради своей цели старуха собиралась преследовать девушку через весь город, а потом бы караулила под дверью.

Томка честно пыталась ее обойти, проскользнуть мимо, как ловкая рыба проходит сквозь сети. Вот только рыбам никогда не мешал гололед. Томка успела лишь замахать руками, а в следующую секунду обнаружила, что лежит на спине, в жидкому месиву из талого снега и созерцает далекие сосульки на водосточных трубах. Холодно, мокро и противно.

Спустя еще секунду Томка поняла, что упала не одна. Да и не могла она упасть, никого не зацепив. На сей раз досталось раздатчице газет. Подсечка была выполнена по всем правилам: старуха рухнула как подкошенная, высоко подняв руку с зажатой в кулаке газетой.

Рассыпаясь в извинениях, Томка кинулась ей на помощь. Может, старуха и была ведьмой, но это не повод бросать ее в беде. Раздатчица как раз начала подниматься, когда Томка налетела на нее и повалила обратно в лужу. Не со зла, просто питерский гололед — штука, обладающая бесконечным коварством.

Вскоре к их компании присоединился юноша с огромным букетом хризантем. Очевидно, он торопился на свидание и, ослепленный высокими чувствами, забыл, что зимой в Петербурге нельзя спешить. Мало ли кто может оказаться под ногами.

Томка ничего не имела против мужчин с букетами, бросающихся ей в ноги. Но редкой девушке понравится, когда ее хлещут

цветами по лицу. Хорошо еще, юноша не тащил своей избраннице розы или того хуже — кактус. Хотя вкус у этих хризантем был отвратительный.

Появление юноши внесло некоторую сумятицу. С минуту они поочередно пытались подняться, ругаясь и извиняясь одновременно. Все происходило под надзором упитанного стражи правопорядка, следившего, чтобы никто не перешел границы дозволенного.

Наконец, законы тяготения были побеждены. Старуха тут же пустилась в рассуждения о личной жизни губернатора и нравах современной молодежи. Юноша гордо удалился, швырнув остатки букета в ближайшую урну.

Для Томки итогом этой серии падений, достойной Чарли Чаплина, стали: ушибленный локоть (одна штука), насквозь мокрые джинсы (одна пара), оторванная пуговица пальто (две штуки) и газета, которую старуха все-таки впихнула ей в руку.

Наверное, надо было выкинуть газету в урну вслед за хризантемами. Но Томка смалодушничала и притащила ее домой. А там страница с гороскопом сама попалась на глаза. Томка скользнула взглядом по нескольким строчкам предсказания. Задумалась. Прочитала еще раз, а затем и третий, вооружившись чашкой кофе:

«Рыбы (19.02–20.03). Настоятельно советуем воздержаться от поездок. Ближайшую неделю лучше провести дома. Заприте дверь, ключи выбросьте в окно. Если есть такая возможность, пострайтесь сломать себе ногу».

Очень воодушевляющий прогноз. Для полного комплекта не хватало только надписи кровью, таинственным образом появившейся на обоях: «СИДИ ДОМА!». Видимо, наверху, в отделе, отвечающем за мрачные предсказания, сжались. Не над Томкой — той было, что в лоб, что по лбу, а над хозяйствкой квартиры. Старушку бы расстроили кровавые надписи на стенах. Говорят, кровь плохо отмывается.

Но у отдела мрачных предсказаний были и другие методы. Не успела газета отправиться в мусорную корзину, как зазвонил телефон. Томка глянула на экран... Только этого сейчас не хватало!

— Привет, мам.

— Ты собралась в Венецию! — с места в карьер начала мать.

Томка мысленно сосчитала до пяти и жизнерадостным голосом ответила:

— Ну да. Я же тебе говорила. Раз двадцать, если не изменяет память.

— Да! Но ты не говорила, что едешь одна! Я была уверена, что ты со своими друзьями-комиками.

— Комедиантами, — автоматически поправила Томка. Интересно, кто проболтался? Кто бы это ни был, Томка не завидовала судьбе доброхота. — Мам, ну что со мной может случиться?

— С тобой? — мать издала смешок, в который вложила весь двадцатилетний опыт общения с дочерью. — Да что угодно. И случится — сердцем чую. А сердце матери никогда не обманывает.

— Да какая муха тебя укусила? Все же было тип-топ, а тут раз — и что-то случится?

Мать помедлила с ответом.

— Я прочитала твой гороскоп, — наконец призналась она. — Знаешь, что пишут?

— В общих чертах. Но...

— Пишут, ты должна сломать себе ногу и сидеть дома. Если сама боишься, приезжай, я тебе помогу.

— Мам!

— Да не волнуйся. Я двадцать лет проработала в травматологическом отделении и о переломах знаю все. Сломаю ногу, ты и не заметишь.

Сомнительное утверждение, но Томка решила не спорить.

— Все будет хорошо, мам, не переживай. Ты же разумный человек, врач, как ты можешь верить всяким гороскопам?

— А я и не верю. Это называется разумная предосторожность. Говорят тебе, не лезь пальцами в розетку, так надо прислушиваться к умным словам.

Щеки Томки вспыхнули.

— Это было десять лет назад! И все починили...

— Я образно выражаясь, — пояснила мать. — И ты меня поняла. Нечего тебе делать в этой Венеции.

Томка поджала губы.

— Все уже решено-оплачено, — сказала она. — И ничего отменять я не буду.

Некоторое время мать сопела в трубку. Исчерпав имеющиеся аргументы против поездки, она торопливо пыталась выдумать новые. Небось морщит лоб и хмурит брови... Закатив глаза, Томка показала язык.

— До чего ж ты упрямая! И нечего мне строить физиономии!

— Я?! — Томка огляделась в поисках камер скрытого наблюдения.

— Будто я тебя не знаю.

— Мам, прости... Уже поздно, завтра с утра самолет, а у меня чемодан не собран...

— Погоди, — сдаваться мать не собиралась. — А ты знаешь, что случилось в Венеции с твоей прабабкой?

— У меня была такая прабабка? — удивилась Томка.

— Разумеется. У всех есть прабабки, я тебе как врач говорю.

— В смысле, одна из них была в Венеции?

— Да. И она тоже была актрисой — выступала в цирке. Помнишь, я показывала тебе фотографию?

— А! Ты про эту... — Томка вспомнила блеклый снимок из семейного архива. — И что же с ней случилось в Венеции?

— Она... — мать слглотнула. — Она сошла с ума. Так мне отец рассказывал. Уезжала абсолютно нормальной, но что-то там приключилось. Она перестала говорить, не узнавала близких, кормить ее приходилось с ложечки... А при виде зеркал впадала в дикую ярость. Ты — как знаешь, но я своей дочери такой

судьбы не хочу. С меня хватило кормить тебя с ложечки, когда ты была маленькой. Это не самый приятный опыт.

Где-то с полминуты Томка переваривала информацию.

— Вот честно — ты это прямо сейчас придумала?

— Нет, конечно! Это семейная история.

— Почему же я слышу ее в первый раз?

Мать фыркнула, как породистый кот, заметивший в своей миске мороженую мойву.

— Если бы я рассказала ее раньше, ты бы пешком ушла в свою Венецию, чтобы раскрыть тайну.

— А теперь ты рассказываешь ее, чтобы отговорить меня от поездки? Где логика, мам?

Судя по звуку, донесшемуся из трубы, мать чем-то подавилась. Так бывает — ставишь кому-нибудь капкан, а потом сам же в него и попадаешь. Неужели она всерьез думала отговорить ее столь нелепой байкой? Сейчас остановить Томку могла только кирпичная стена метровой толщины. И то ненадолго.

— Все будет в порядке, мам. Я сходить с ума не буду, обещаю. У меня другие планы.

— Было бы с чего сходить!

— Мне действительно пора. Я пришлю SMS, когда доберусь. Ciao!

Томка нажала отбой. Немного подождала, но телефон больше не зазвонил, и Томка с чистой совестью отправилась собирать чемодан, мурлыча под нос что-то из Тома Уэйтса.

В отделе зловещих предсказаний констатировали провал еще одной операции.

Чемодан Томка купила полгода назад на блошином рынке в Удельной. И это был действительно настоящий Чемодан, с большой буквы «Ч»: из желтой кожи, с углами, обитыми потертой латунью, небольшой, но при этом удивительно тяжелый и громоздкий. Не чета удобным современным туристическим сумкам на колесиках.

Прежде чем выставить чемодан на продажу, кто-то пытался его уничтожить. Теперь на стенках красовались глубокие вмятины, в паре мест его проткнули ножом, пытались сжечь... Томка нашла даже сквозное пулевое отверстие. Ручка его держалась на честном слове, замки открывались через раз и, вопреки всем законам физики, в чемодан помещалось вещей на порядок меньше, чем должно было, исходя из объема. Зато, если верить стершимся наклейкам, он совершил три кругосветных путешествия и уцелел во время катастроф на «Титанике» и «Лузитании». В общем, это был именно такой чемодан, с которым не стыдно отправляться на край света.

По всем правилам, в чемодане обязана была находиться карта сокровищ. Сгодилась бы и пара древних артефактов разрушительной силы, за которыми охотится секретное общество... Однако к тому времени, как чемодан попал к Томке, все это куда-то потерялось. Остался лишь высохший таракан, которого Томка нашла, когда меняла подкладку. Но таракан, как ни крути, артефакт сомнительный.

На сборы у Томки ушел целый вечер. Упаковка вещей — процесс увлекательный, но при этом он способен довести до белого каления человека с самыми крепкими нервами. Почему-то всегда, когда все уже собрано, выясняется, что забыли положить самое важное. Так Томка поочередно забыла фотоаппарат, зарядку для ноутбука и кеды. Зато, когда начинаешь разбирать сумку, лелея надежду выкроить хотя бы пару миллиметров, находится не менее дюжины вещей, которых туда не клали. Томка так и не узнала, каким образом в чемодан попали банка вишневого варенья и желтое летнее платье. Очевидно, вещи сами решают, хотят ли они куда-либо ехать или им и дома хорошо. А на желания хозяев им, мягко говоря, плевать.

В итоге, в ходе войны с чемоданом Томка вымоталась так, что едва держалась на ногах. Комната же приобрела такой вид, будто по ней пронесся ураган — если не Катрина, то, как минимум — Тамара. Ну а чем еще объяснить лиф купальника,

болтающийся на люстре? Впрочем, наводить порядок девушки не стала. В какой-то момент она просто рухнула на кровать и тут же уснула.

Будильник Томка благополучно проспала, но в этом не было ничего удивительного. Ни разу в жизни ей не удалось проснуться вовремя. Разлепив же глаза, она долго смотрела на мобильник, прежде чем до нее дошел истинный смысл цифр на экране.

В то же мгновение Томка вскочила с кровати и принялась с криками носиться по квартире; спустя еще пять минут — уже бежала по лестнице, одновременно пытаясь застегнуть пальто, удержать чемодан и дочистить зубы.

Бежать к метро было поздно. Томка в панике огляделась и, ни секунды не думая, выскочила на дорогу наперевес красной машине. Водитель ударил по тормозам; послышался визг, и машину повело вправо. Томка инстинктивно отпрыгнула, запуталась в ногах и села на кучу подтаявшего снега и грязи, которую в Питере почему-то называют «сугроб». Заляпанный бампер замер в миллиметре от девушки.

— Идиотка!!! — распахнув дверцу, заорал шофер. — Жить надоело?! Слепая, что-ли?!

— В Пулково.

Водитель оказался человеком сообразительным, хотя и мстительным: он мигом назвал сумму в два раза выше обычного тарифа. Томка кивнула — торговаться или ловить другую машину не было времени.

Таксист помог ей подняться, сложил чемодан в багажник. Томка забралась в машину, и авто сорвалось с места, будто они только что ограбили банк. И лишь когда они отъехали на несколько кварталов, Томка сообразила, что выронила в сугробе ключи и мобильник.

— Сильно опаздываете, да? — спросил таксист, сворачивая на набережную. — Ничего, я мигом... Курить бросаете?

В ответ на изумленный взгляд он пояснил:

— У вас зубная щетка во рту. Вместо сигареты или так модно?

— О! Спасибо...

Водитель хмыкнул.

— А смешной у вас чумодан, — сказал он. — Тыщу лет таких не видел. За границу собрались?

— Ага, — кивнула Томка и с гордостью добавила: — В Венецию.

— Ух, ты! — обрадовался таксист. — Бывал я там, при Союзе еще. Красивый город, зеленый-зеленый.

— Зеленый? — Томка попыталась вспомнить, не упустила ли она чего в путеводителях.

— Да, — протянул таксист. — А какой там борщ! Пальчики оближешь. В Питере такого в жисть не найдешь. Вот у меня жена варит борщ — одна жижа, а там: ложку воткни — будет стоять. А какие там пампушки...

Смерив Томку взглядом, он печально вздохнул.

К концу поездки стало ясно, что таксист не только путает Венецию и Винницу, но и искренне убежден, что «пампушками» называются особо выдающиеся части фигуры жительниц этой самой Винницы. На всякий случай Томка не стала его разочаровывать.

В аэропорт они приехали за три минуты до окончания регистрации. А минуту спустя Томка ворвалась в зал вылетов, размахивая чемоданом, как берсеркер — боевым топором. Без злого умысла, просто хрупкой девушке не всегда удается совладать с законами инерции. Ситуация была того порядка, когда непонятно, кто кем управляет: Томка — чемоданом или чемодан — Томкой? Пассажиры, слонявшиеся по залу, бросились врассыпную. Краем глаза Томка заметила несколько столкновений, рухнула пирамида из чемоданов и сумок, все сотрудники службы безопасности мигом испарились.

С глухим стуком Томка врезалась в стойку. Девушка-регистраторша испуганно отскочила на пару шагов:

— Что?!

Томка взглянула на настенные часы. Успела... Ровно за минуту. Задыхаясь, она проговорила:

— Рейс... до Милана...

Регистраторша сглотнула:

— Задержан на два часа. О посадке будет объявлено... Говорили же...

Девушка замерла, вытянувшись по струнке. Она не поворачивалась, но затылком чувствовала, что все до единого люди в зале аэропорта смотрят на нее и только на нее. За спиной сгустилась тишина самого отвратительного, гнетущего свойства.

— О! А... Ага... На два часа...

— Но я могу зарегистрировать вас на рейс до Сыктывкара. Вдруг вам нужно в Сыктывкар?

Время вылета меняли несколько раз и, как принято говорить, с особым цинизмом, свойственным только диспетчерским службам аэропортов. Час в одну сторону, пятнадцать минут в другую, двадцать минут туда, час обратно...

В итоге Томка окончательно потеряла счет времени. Но она терпеливо ждала, устроившись на чемодане посреди зала, не спуская глаз с электронного табло. В модном современном кино вокруг нее летали бы светящиеся цифры или растворяющиеся в воздухе циферблаты с бешено вращающимися стрелками. К счастью, обошлось без столь дешевых спецэффектов.

Наконец, в отделе мрачных предсказаний опустили руки. Хватит, решили они, сколько можно? Мы исчерпали все допустимые средства. Не наша вина, что клиент туп, как пробка, и упрям, как стадо баранов. Мы умываем руки.

— Объявляется регистрация на рейс № 273, Санкт-Петербург-Милан. Пассажиров просьба пройти к стойкам...

Странно, но долетела Томка без приключений. Обошлось без террористов-угонщиков, отказов двигателя и вынужденной посадки в Белграде из-за плохих погодных условий. Ее, правда,

пытались отравить рыбой с цветной капустой, но здесь она была не одинока. Любой человек, хоть раз, в жизни ступавший на борт авиалайнера, подтвердит, что истинное предназначение горячих обедов в самолетах — навсегда привить отвращение к процессу приема пищи. Видимо, повара, ответственные за эти блюда, являются членами тайной секты. Томка так и не смогла себя заставить прикоснуться к бледно-зеленым кошечкам капусты и рыхлой полоске филе. Легче было отгрызть собственную руку.

На паспортном контроле Томку встретила внушительного вида матрона, с прической красной, словно ей на голову вылили ведро клубничного сиропа. Она долго таращилась в Томкин паспорт, пытаясь взглядом прожечь в нем дыру, когда же у нее не получилось, спросила:

— *Turista?*

— *Si*, — ответила Томка и продолжила по-итальянски: — Я еду в Венецию, на Карнавал.

Паспортистку это не впечатлило.

— Все вы туда едите, — громыхнула печать. — *Benvenuto...*

— *O, grazie!* — и Томка подарила ей улыбку № 22, одну из своих самых обворожительных улыбок. Женщина фыркнула в ответ:

— Следующий!

Милана Томка толком не увидела. Думала, что успеет побродить по городу до поезда в Венецию. Но из-за задержки авиарейса, пришлось брать такси и на всех парах мчаться на вокзал. Перспектива ночевать на скамейке в парке ее не прельщала. Италия Италией, но зима везде зима.

Видимо, поэтому город показался ей смазанным, как фотография не в фокусе и слишком темным. Сердобольный таксист вызвался провести экскурсию, однако сам за собой не поспевал и о достопримечательностях сообщал, когда те скрывались из вида:

— Туда, туда глядите, синьорина, — «Ла Скала»... *Aх, diavolo!* Куда прешь, дурень? Эй, синьорина, синьорина, справа — по той улице выйдешь к Дуому...

Томка едва не свернула себе шею, оглядываясь то в одну, то в другую сторону. В ушах стоял звон от несмолкаемой трескотни таксиста:

— Видите, синьорина, какая у нас погода? Снег, прям как у вас в России... Говорят, даже медведя на улице видели, из цирка сбежал! Вон слева, глядите — если пройти три квартала и свернуть направо... А у меня брат троюродный в России был. Там, говорит, такие... как по-вашему?.. Pampushki! Врет, поди?

К счастью, на вокзал они поспели вовремя. Томка даже успела купить горячий panino imbottito — не шедевр кулинарии, но какая-то компенсация обеду в самолете. Потом ей пришлось побегать в поисках нужной платформы и вагона. И только когда она, наконец, устроилась в своем кресле, а поезд бесшумно тронулся с места, Томка вдруг с удивлением осознала, что находится в Италии.

Все получилось, даже не верилось. Томка откинулась в кресле и расплылась в радостной улыбке. Так улыбаются кошки при виде миски, полной сливок. Вне всяких сомнений, жизнь была суперпотрясающевеликоприятна.

Шелест колес и мягкое покачивание поезда убаюкивали. Томка не заметила, как задремала, хотя намеревалась честно таращиться в окно. Таращиться, правда, было особо не на что: одни темно-коричневые поля сменялись другими темно-коричневыми полями, следом за которыми шли опять-таки темно-коричневые поля. Рано или поздно подобный пейзаж приедается. Небо затянула серая пелена, накрапывал мелкий дождик... В общем, погода заставляла задуматься, почему же это Италию называют солнечной?

Сколько Томка проспала — неизвестно. Разбудил ее приятный мягкий голос, прозвучавший над самым ухом:

— Scusi? Это место свободно?

Томка подскочила, едва не ударившись головой о полку, и тут же упала обратно в кресло. Людей, имеющих дурную привычку будить без предупреждения, нужно изолировать от общества.

— А?! Что?!

Девушка заморгала, не понимая со сна, кто она, где она и чего от нее хотят. Слева маячила высокая темная фигура, но не сразу Томке удалось сфокусировать на ней взгляд.

— Это место свободно? — повторил мягкий голос.

Темная фигура обернулась женщиной с черными, как смоль, волосами. Хотя погодите...

Томка медленно оглядела обладательницу приятного голоса. С одной стороны, фигура, овал лица, длинные волосы, расплескавшиеся по плечам, свидетельствовали о том, что перед ней и впрямь стоит красивая женщина средних лет. При этом шикарно одетая: длинное платье в стиле «ретро», меховая горжетка и перчатки до локтя — настоящая аристократка начала двадцатого века. Но затем взгляд упирался во вьющуюся черную бородку, и приходилось начинать сначала. Схожее ощущение — растерянность напополам со смущением — вызывает знаменная картина Марселя Дюшана, на которой художник пририсовал усы и бороду Джоконде.

— Э... А... — на большее девушку не хватило.

Как ни странно, но с тем же удивлением во взоре дама смотрела на Томку. Будто это не она, а Томка изображала из себя бородатого фавна. Девушка непроизвольно дотронулась до подбородка — на всякий случай проверила, не случилось ли, пока она спала, какой неприятности. Не хотелось бы в столь юном возрасте разделить судьбу Рип ван Винкля.

Экстравагантная дама пришла в себя первой:

— Chè! Да это же вы!

— Эм... Я?

— Конечно! Я сразу вас узнала! Надо же, какая встреча!

Она замахала рукой.

— Джеппетто! Ты только посмотри, кто здесь! Ну, где ты там?! Быстрее шевели ногами! — женщина снова посмотрела на Томку. — Даже не верится, что я вас встретила!

— Меня?!

Томка захлопала ресницами, с трудом понимая, что происходит.

Ясно, что ее с кем-то перепутали. Видимо, приняли за какую-то знаменитость. Только всю свою сознательную жизнь Томка Кошкина твердо знала, что похожа только на Томку Кошкину и немного на родителей. Кого другого, может, и обрадовало бы то, что его приняли за Одри Тоту или Ванессу Паради, но Томку подобные вещи раздражали. Она — это она, и точка.

Из-за спины дамы выглянул невысокий пожилой человек, лицом напоминавший гнома из сказок братьев Гримм.

— О! — сказал он, взглянув на девушку. — Это же она!

— Я и говорю! — сказала женщина.

— Невероятно! Чего только не бывает!

Чувствуя, что она должна что-то сказать, пока дело не зашло слишком далеко, Томка вежливо откашлялась.

— Простите... Но это не я.

Лишь на долю секунды на лице женщины отразилось легкое замешательство.

— Как же не вы! Я сразу вас узнала, как только увидела.

— Нет не я! — чувствовала себя Томка крайне глупо.

— В смысле? Вы это не вы? — дама нахмурила лоб.

— Броде того. Не знаю, за кого вы меня приняли...

Женщина всплеснула руками.

— Ну как же! Я же вижу, что это вы! Джеппетто, это ведь она?

— Конечно она.

— А я что говорю?

Круг замкнулся. Томка не знала, что и сказать. Куда проще доказать, что ты не верблюд, а как докажешь, что ты — это не ты? Особенно итальянцам с их легендарным упрямством.

— Меня зовут Лаура, — меж тем представилась дама. — А это мой замечательный супруг Джеппетто.

Человек с физиономией гнома помахал рукой и виновато улыбнулся. Кто главный в этой семье, Томка догадалась безо всяких подсказок.

— Где Снуппи? Она обязательно должна познакомиться со Снуппи!

Томка напряглась, ожидая, что сейчас на сцене появится отпрыск данного семейства. Если он унаследовал лучшие черты обоих родителей: физиономию гнома отца и бороду матери, она этого не вынесет... Действительность оказалась куда более суровой.

Джеппетто посторонился, и между креслами протиснулось некое существо. Видимо, это была собака — об этом свидетельствовал целый ряд признаков. Например, у существа имелись четыре лапы и хвост, и... Томка запнулась. В конце концов, лапы и хвост есть и у крокодила, а с крокодилами у существа было куда больше общих черт. Бывают же белые крокодилы с черными кругами вокруг глаз?

Такую собаку мог создать Виктор Франкенштейн, если бы его Монстр взмолился о домашнем питомце. Пара часов на кладбище, игла, суровая нить, хорошая молния — и готово. Только к работе он подошел спустя рукава: все лапы у Снуппи получились разной длины, тело слишком коротким, голова же наоборот — тяжелой и массивной, и похожей на крысиную морду. Добавьте сюда глаза — один больше другого, и портрет будет закончен. Получившейся картинкой можно пугать впечатлительных детишек.

Снуппи глянул на Томку одним, затем другим глазом и издал звук, какой издает сдувающийся воздушный шарик. Вроде хриплого шипения, переходящего в тонкий свист.

— Я знала, что вы ему понравитесь! — Лаура захлопала в ладоши.

— Как мило, — проговорила Томка.

Понравитесь? Пес таращился на нее с любопытством тигра, присматривающегося к трепетной лани. Томка, впрочем, трепетать не собиралась и храбро выдержала взгляд. Девушке, которую выставили из зоопарка за попытку покормить ягуара, не к лицу пугаться собак, пусть и похожих на крокодилов. Пес фыркнул, признавая в ней равного противника.

— Снуппи у нас чемпион, — с нежностью в голосе сказала Лаура. — Три года занимал первые места на выставках.

— Ого! А какой он породы?

— Большой частью — бультерьер, — Лаура потрепала пса за ухом. — А еще Снуппи — самая уродливая собака в мире! У него есть дипломы и медали.

Сказано это было с такой гордостью, словно речь шла о дипломах Оксфорда и Сорбонны и медалях Нобелевского комитета. Хозяева собак всегда найдут повод похвастаться питомцем. Томка же и подумать не могла, что где-то проводятся конкурсы на самую уродливую собаку.

— Снуппи, поздоровайся с синьориной! — громким шепотом сказала Лаура. — Не стесняйся...

Пес покосился на хозяйку. Что бы ни думала Лаура, но он был не из тех, кто станет чего-либо стесняться. Звук, раздавшийся из жуткой пасти, походил на урчание в животе голодного гипопотама. Томка не поняла — то ли собака так рычит, то ли у нее действительно проблемы с желудком.

А затем Снуппи склонил голову и с пугающей отчетливостью произнес:

— Buon giorno!

В этой жизни Томке доводилось получать по голове тяжелыми предметами: то жонглерская кегля сорвется, то книги попадают с полки, то еще чего-нибудь в том же духе. И она представляла, какие чувства при этом испытываешь: растерянность, изумление, легкую дезориентацию... Это не считая искр из глаз и непреодолимого желания громко ругаться.

Сейчас же Томка почувствовала нечто подобное, хотя тяжелых предметов поблизости не наблюдалось. Даже чемодан стоял в ногах и падать не собирался.

Томка сглотнула.

Когда хозяева просят собак с кем-либо поздороваться, ожидаешь протянутой лапы или дружелюбного «гав-гав». Но «buon

giorno»... Одно из двух: либо Томка слетела с катушек и у нее начались слуховые галлюцинации, либо собака в самом деле поздоровалась с ней на чистейшем итальянском. Выбрать первый вариант Томке не позволяло самомнение, второй — глас разума. Она еще могла принять говорящих попугаев или ворон, но говорящие собаки — уже слишком.

Снуппи же, как ни в чем не бывало, тяжело задышал, свесив язык на бок. Взгляд, которым пес наградил Томку, недвусмысленно говорил: «Чё вылупилась? Не в зоопарке».

Из оцепенения девушку вывел тихий щелчок, прозвучавший над головой. Томка мгновенно узнала звук спускового затвора фотоаппарата. А подняв взгляд, увидела в руке Лауры позолоченный смартфон; бородатая дама безо всякого стеснения снимала ее на камеру.

— Точно вы! — заявила Лаура. — А говорили, что не вы!

— Ваша собака, — с трудом проговорила Томка. — Она... Она поздоровалась со мной!

— Разумеется! Снуппи у нас вежливый песик, правда?

— *Ma sì, certo!* — подтвердила собака.

Томка подскочила, будто ее ужалила пчела, и прижалась спиной к окну. Прыжок удался на славу: будь между креслами чуть больше места, девушка бы сделала сальто.

— Браво! — с восхищением сказала Лаура.

— Она опять... — Томка указала пальцем на Снуппи.

В этот момент Джеппетто громко хихикнул, прикрыв рот ладошкой:

— Попались!

— Что?!! — часто моргая, Томка повернулась к мужу Лауры.

Тот едва сдерживал смех: уголки губ дергались, кончик носа дрожал... Лаура строго глянула на супруга.

— Мерзкий, мерзкий старишка! — она легонько толкнула мужа. — Ты все испортил!

— Прости, — сказал Джеппетто, вытирая слезащиеся глаза. — Но ты же видела ее лицо! Прям как в том ролике.

— Да что вообще происходит?!! — выкрикнула Томка.

Единственное, что она понимала, так это то, что она встретила парочку сумасшедших и те втянули ее в нелепый розыгрыш. Выставили на посмешище перед всем вагоном. Томка же видела, как смотрят на нее остальные пассажиры, переговариваются и тычут пальцами. Оставалось только громко сказать: «Улыбнитесь! Вас снимала скрытая камера!». Правда, девушке было ничуть не смешно.

— Извините, — сказала Лаура. — Просто Джеппетто — вентролог. То есть чревовещатель. А вы и в самом деле поверили, что наш Снуппи умеет разговаривать?

Пес громко хрюкнул. Глядя на него, можно было поверить во что угодно. Значит, чревовещание?

— И вы считаете, что это смешно? — закипая, начала Томка. — По-вашему, я клоун, чтобы устраивать со мной подобные шуточки?

— А разве нет? — изумилась Лаура.

Томка опешила от подобной наглости.

— В смысле?

— Мы же сразу вас узнали! Мы с Джиппи ваши давние фанаты.

— За кого вы меня принимаете?!

Лаура и Джеппетто переглянулись. Видимо, только сейчас у них зародились подозрения, что они могли и обознаться.

— Ну как же, — осторожно сказал Джеппетто. — Вы ведь та самая...

— Сумасшедшая русская на ходулях, — закончила Лаура. — Мы тысячу и один раз просмотрели ваш ролик на YouTube!

— Какой еще ролик? — тихо произнесла Томка.

Слова «сумасшедшая русская на ходулях» прозвучали зловещим набатом. Хорошее выражение — «в груди зашевелились дурные предчувствия». Томка и впрямь ощущала, как эти предчувствия закопошились точно клубок холодных змей.

— Как же! — изумилась Лаура. — Разве вы не видели? Да как такое возможно!

— Представьте себе...

Лаура защелкала ногтями по экрану позолоченного смартфона.

— Сейчас, сейчас, — запричитала она. — Как же так... Вот это видео!

С опаской, будто дама предлагала ей живого тарантула, Томка взяла телефон.

Сердце екнуло, стоило взглянуть на число просмотров: больше полумиллиона. Первый же комментарий начинался со слова «фееричная». Читать дальше Томка не рискнула и запустила ролик.

Из крошечного динамика послышалась минорная мелодия — пианино и французская гармошка — не то вальс, не то шансон, в духе парижских кабаре. Томка уставилась на экран телефона, слабея с каждой секундой ролика. Под конец у нее даже задрожали руки.

Никакой ошибки не было, и Лаура с Джеппетто не обознались. «Сумасшедшей на ходулях» оказалась она, Томка Кошкина, собственной персоной. Чтобы развеять малейшие сомнения, ее перекошенное лицо несколько раз показали крупным планом.

Видео было снято прошлой весной — во время репетиций перед карнавалом на день города. Томка не помнила, какого черта она тогда встала на ходули. А вот какая сволочь сняла это на камеру и выложила в интернет, предстояло выяснить. Та часть мозга, которая сохранила способностьrationально мыслить, сосредоточилась на списке мучительных смертей, которые ждут «режиссера» сего опуса, попади он Томке в руки.

Под музыку ее попытки удержать равновесие на ходулях и не грохнуться с трехметровой высоты и впрямь походили на чудовищный вальс. Так могла бы танцевать пьяная вдрызг цапля. Томку мотало из стороны в сторону, она выкидывала самые немыслимые коленца и в итоге рухнула на груду театрального реквизита. Из кучи вещей остались торчать ноги в полосатых гетрах, поднятые вверх буквой «V».

Пока длился ролик, Томка не смела вдохнуть. К счастью, видео оказалось коротким, полторы минуты, иначе Томка рисковала умереть от удушья. Но времени оказалось достаточно, чтобы девушка успела покраснеть до корней волос.

Полмиллиона просмотров... Это же чертова прорва народу! Даже если ролик смотрели по два-три раза, все равно людей хватит на целый город. Актриса в ее душе робко поинтересовалась: а разве это не слава? Томка приказала ей заткнуться. Если это и слава, то не та, к которой она стремилась. Пятьсот тысяч...

— Потрясающе, — сквозь гул в ушах пробился голос Лауры.

Томка еле заставила себя посмотреть на женщину. Ей очень хотелось провалиться сквозь землю.

— Вы настоящий талант, — сказала Лаура. — Я двадцать лет занимаюсь цирковыми артистами, но не видела такой грации, такого изящества и такого комического дарования. Вы приняли предложение от «Дю Солей»?

— Что?

— В комментариях к ролику писал их директор по кастингу. Они очень хотели с вами работать.

— Что??!

Если бы сейчас на Землю рухнул гигантский метеорит, Томка бы этого не заметила. Она правильно расслышала? Предложение от «Дю Солей»? Ага... После кошмарного видеоролика? Ясно... Даже говорящая собака не могла с этим сравниться. Интересно, в итальянских поездах есть вагон-ресторан? Томке было крайне необходимо раздобыть пару глотков коньяка. А лучше — целую бутылку.

Лаура и Джеппетто переглянулись. Будь Томка внимательней, то наверняка бы увидела, как женщина подмигнула мужу, а в ответ тот показал кулак с поднятым большим пальцем. Но девушка думала о другом, и перемигивания и тайные знаки прошли мимо нее.

— Та-ак, — протянула Лаура. Глаза ее вспыхнули. — Вы хотите сказать, что «Дю Солей» вас не нашли и сейчас вы свободны?

Устроившись в кресле напротив, Лаура оценивающе смотрела на девушку. Томка стушевалась. Выбить ее из колеи было не просто, но Лауре удалось это на сто процентов. Не каждый день узнаешь, что за тобой охотятся агенты самого знаменитого цирка на планете. И не важно, что Томка не цирковая артистка. На манеже выступала ее прабабка, и в девушке заговорил голос крови.

Джеппетто сидел на краешке кресла рядом с женой; собака Снуппи развалилась в проходе. Глаза ее были закрыты, а звуки, которые она издавала, могли сойти за храп. Если, конечно, пес не проглотил мотоциклетный двигатель без глушителя.

— Понимаете, я уже не работаю импресарио, — сказала Лаура. — Отошла от дел, когда на голову свалилось семейное счастье.

Она с нежностью взглянула на Джеппетто и погладила его по колену.

— Джиппи ведь тоже был моим клиентом. Его номер — говорящие куклы... Как сейчас помню: явился он на прослушивание, открыл дверь конторы, и все — попалась Лаура, как кур в оцинп. Пришла она.

— Она? — не поняла Томка.

— Искра, — сказала Лаура. — Вспышка — и перед глазами темнеет, дыхание замирает, сердце останавливается...

— А! Инсульт? — уточнила Томка, истинная дочь врача.

Лаура прикрыла рот кончиками пальцев.

— Вроде того. Amore a prima vista — любовь с первого взгляда.

— Хм... Поздравляю!

— А вам довелось испытать подобное чувство?

— Вроде, нет, — честно призналась Томка. — То есть, может, и довелось, но я как-то не заметила.

— Его нельзя не заметить! — со знанием дела сказала Лаура. — Но не переживайте, вы молоды и все еще впереди.

Томка и не думала переживать, но решила не расстраивать Лауру. Та, похоже, свято верила в эту amore a prima vista.

— Джиппи у меня настоящий гений. Нужна была только правильная женщина, чтобы его направить. Он-то думал, его талант — вентрология, но тут он, прости дорогой, лишь любитель...

Остренькое личико Джеппетто засияло от гордости. А Лаура продолжила петь в его честь дифирамбы:

— На самом деле, Джеппетто делает механических кукол. Лучших механических кукол в мире. Даже в Нюрнберге нет мастеров его уровня.

— Ну... — протянул Джеппетто.

— Молчи, противный старикашка, — весело сказала Лаура. — Думаешь, я вложила все деньги в твой бизнес только из-за смазливой мордашки?

Физиономию Джеппетто никак нельзя было назвать смазливой, но о вкусах не спорят. Томка с уважением посмотрела на старишку. Одна ее знакомая тоже делала авторских кукол, и Томка представляла, о чем идет речь. А механические куклы родом из Венеции это и в самом деле здорово.

Томка решила, что эксцентричная парочка ей весьма симпатична. Конечно, не amore a prima vista, но что-то похожее. Она ничуть не ошиблась, поехав в Венецию раньше и в одиночку. Сколько всего она могла упустить, если бы поддалась на уговоры матери! Лежала бы сейчас в гипсе и знать не знала ни о «Дю Солей», ни о самой уродливой собаке в мире, ни обо всем остальном.

— Сейчас мы держим магазин на Сан-Поло, — продолжила Лаура. — Артистами я давно не занимаюсь... Но я еще не выжила из ума, чтобы упускать такую возможность. С вами, миличка, деньги плывут в руки. У меня остались кое-какие связи... Как вам мое предложение?

— Э... Какое еще предложение?!

— Скажем, двадцать процентов? И тридцать тысяч аванса, когда мы заключим контракт.

Томка не до конца разобралась, о чем толкует Лаура. Но кое-что сложно не заметить.

— Тридцать тысяч? Евро?

— Я понимаю, не самая высокая ставка, — развела руками Лаура. — Но это только аванс. И поверьте, в свое время я была очень хорошим импресарио. А талант, как говорится, не пропьешь. Или вас смущают двадцать процентов? Так это обычная ставка. В вашем праве обратиться к другому агенту, но не думаю...

— Нет, нет, — торопливо сказала Томка. — По-моему, это вполне... разумное предложение.

Для девушки с ее характером стоило усилий усидеть в кресле и сохранить хотя бы видимость спокойствия. Томка не была меркантильной, но, с другой стороны, сумма впечатляла. Девушка и не подозревала, что такие деньги существуют в природе на самом деле.

— Скоро приедем, — сказала Лаура, глянув в окно. — Да и поезд неподходящее место, чтобы обсуждать деловые вопросы. Мы могли бы встретиться в городе и в нормальной обстановке обговорить детали?

— О! Разумеется.

— Завтра будет прием у графини М., — деловым тоном сказала Лаура. — Ее палаццо рядом с Сан-Марко. Если у вас нет планов на вечер... Я бы познакомила вас с важными людьми.

— Прием у графини? — пискнула Томка.

— Я попрошу, чтобы вас внесли в список гостей, — и, смягчившись в голосе, женщина добавила: — Главное, не забудьте маску, все-таки это Карнавал.

— Да, конечно...

Томка покачала головой. Просто не верилось, что все это происходит с ней и на самом деле. Словно она вдруг перенеслась на вершину Эвереста. И теперь совершенно непонятно, как спуститься вниз, если из всего снаряжения у нее есть только домашние тапочки.

— Значит, договорились, — сказала Лаура. — И хватит о делах! Лучше я вам погадаю. На удачу?

Женщина улыбнулась. Томке еще не доводилось видеть настолько белоснежной улыбки — Лаура была сама элегантность. Вьющаяся бородка фавна только подчеркивала это качество. Лаура непринужденно накручивала ее на палец, как какая-нибудь кокетка накручивает локон волос. Выглядело это и стильно, и экстравагантно.

— Я не верю в гадания, — начала Томка, но Лаура улыбнулась еще шире, и это решило дело. Невозможно отказать человеку с такой улыбкой. — Но если вы настаиваете...

— Не упускайте свой шанс, — подал голос Джеппетто. — Лаура — потомственная предсказательница. Слышали про Кумскую Сивиллу? Это ее пра-пра-прабабка.

Лаура рассмеялась.

— Мерзкий старикашка! Не слушайте его, милочка, мы с этой Сивиллой не родственники. Моя бабка была цыганкой, от нее я и унаследовала пророческий дар. И кое-что еще...

Она погладила бородку и подмигнула Томке.

— Дорогой, — обратилась Лаура к мужу. — Подай-ка мои карты.

— Ваше желание для меня закон, синьора, — учтиво сказал Джеппетто, истинный рыцарь при прекрасной даме.

Из внутреннего кармана пиджака он вытащил потрепанную колоду и протянул Лауре с таким видом, будто это кольцо с бриллиантом. Карты оказались большого размера, с ярко-красной рубашкой, разрисованной астрологическими символами. Лаура бережно взяла колоду двумя пальцами.

— Это Таро? — спросила Томка, глядя на то, как изящно Лаура принялась тасовать колоду. Длинные пальцы оставались практически неподвижными, но карты замелькали, точно бумажные бабочки, перелетая из одной руки в другую. Лаура походила скорее на карточного шулера, чем на гадалку.

— Не только Таро... Закройте глаза и возьмите любую карту.

Лаура протянула девушке раскрытую веером колоду. Томка крепко зажмурилась и вытянула руку. И тут — девушка могла

в этом поклясться — карта сама прыгнула ей в ладонь. Томка вздрогнула и открыла глаза; все же она не привыкла к тому, чтобы карты скакали точно кузнечики, да и вообще с подозрением относилась к скачущим предметам. На ощупь карта оказалась слегка шершавой и холодной, будто Джеппетто достал колоду из морозилки.

— Итак, это ваша карта, — сказала Лаура. — Переворачивайте, не бойтесь.

У Томки и в мыслях не было бояться. Пугаться куска картона? Вот еще!

Она перевернула карту. На картинке был изображен пляшущий Шут. Все как полагается — лоскутный костюм Арлекина, колпак с бубенцами и остроносые туфли. Лицо его скрывала черная полумаска, взгляд устремлен в небо. В одной руке он держал розу, в другой — котомку.

— Джокер?

— Почти, — кивнула Лаура. — Шут, Buffone.

— И что это значит?

Женщина задумалась.

— Просто это ваша карта. Шут символизирует радость жизни, открытость, любознательность и желание все испытать самому. Он познает мир через игру и всегда открыт для новых впечатлений. Но он не признает авторитетов и доверяет только своему инстинкту... И здесь есть большой риск остаться легкомысленным дураком. А то и свернуть себе шею: видите, он смотрит в небо и потому не видит, что у него под ногами... Осторожность не для этой карты.

— Хм... Что-то еще?

— Пожалуй, — кивнула Лаура, теребя бородку. — Шут никогда не сидит на месте, он все время в пути. Потому он с котомкой. У Шута нет своего дома, его дом — дорога.

— А что означает роза? — заинтересовалась Томка.

— Это то, что Шут несет людям. Для кого-то — это прекрасный цветок, символ любви и радости. Но при этом роза — цветок

с шипами... А у древних римлян роза была символом тайны.
Sub rosa dictum.

— В общем, — сказала Томка, — она может означать что угодно.

— Понимаете, — вздохнула Лаура. — Все это нельзя воспринимать чересчур буквально. Существуют тысячи разнообразных трактовок и прочтений... Например, учитывая ваши комические таланты, Шут может быть просто шутом, клоуном, безо всяких дополнительных смыслов. Или наоборот — дураком, который совершил самую большую глупость в своей жизни и теперь шагает в пропасть.

— А!

— Посмотрим, что идет дальше? — следующую карту Лаура вытащила сама и положила поверх первой. — Волшебник, Mago, он же Фокусник или Мошенник. Вторая карта означает что-то, что неразрывно с вами связано... Или кого-то.

— Тоже тысяча значений?

— Больше, — улыбнулась Лаура. — Мошенник... Вам стоит быть осторожной, милочка, и внимательно смотреть по сторонам. Шут — карта доверчивая, ее легко обмануть. С другой стороны, эта карта может и впрямь означать Волшебника... Признайтесь, у вас роман с фокусником?

— Чего?!

Нет, конечно, ее тайный ухажер Гарик Погоцкий умел показывать несколько трюков с монетами, но их отношения никак не тянули на роман. Человек он сильный, надежный, но почему-то Томка не могла представить его в роли спутника жизни. Не клеилось, и все тут. Остальные же молодые люди, с которыми ей доводилось встречаться, и вовсе были бесконечно далеки от высокого искусства иллюзий.

Встреч этих было не так много. Томка была девушкой симпатичной, даже красивой, что бы не говорили завистники про длинный нос, смешливый рот и оттопыренные уши. И недостатка в кавалерах она не испытывала. Но обычно отношения заканчивались на первом-втором свидании. В дело вмешивались

опрокинутые столики, пролитые чашки кофе, нелепые падения и робкие попытки объяснить милицейскому патрулю, зачем в час ночи надо перелезать через ограду зоопарка. В итоге кавалеры куда-то исчезали, ставя безопасность и душевное спокойствие превыше высоких чувств. Рекорд между «Девушка, можно с вами познакомиться?» и паническим бегством составлял пятнадцать секунд.

— Шучу, шучу, — сказала Лаура. — Но мой совет — не связывайтесь с фокусниками. У них одно на уме: как бы распилить свою пассию двуручной пилой. Никакого уважения к дамам.

— Приму к сведению, — кивнула Томка.

Лаура положила карту Фокусника на Шута.

— Что ж, — сказала она. — Заглянем в будущее?

Третья карта выскользнула из колоды. На картинке красовался мужчина со связанными руками, повешенный за ногу на виселице.

— Хм... — по лицу Лауры скользнула тень. — Неожиданный поворот. Повешенный...

Она поскребла пальцем рисунок.

— Это плохо?

Лаура задумалась.

— Карта символизирует испытания. Трудности, которые предстоит преодолеть ради достижения цели. Но на этом месте она может означать и неприятности в ближайшем будущем. Которые поставят вас в сложное, даже безвыходное положение.

— Меня связуют и повесят вниз головой? — не удержалась Томка. — Та еще неприятность.

— Не исключено, — Лаура прикусила краешек губы. — Повешенный вместе с Фокусником... Забавно.

Не утруждая себя объяснениями, она достала сразу две карты.

— O, diavolo!

Томка подалась вперед. На одной из карт и впрямь был нарисован черт — с козлиной мордой, рогами и черными крыльями за спиной. Из глазниц его вырывались языки зеленого и голубого

пламени. В одной руке Враг Рода Человеческого держал зеркало, в другой — конец длинной цепи, сковывающей трех человек. У Томки, безо всяких на то причин, екнуло сердце.

— Дорогой, ты только глянь, — Лаура повернулась к мужу.

Ворча, Джеппетто вытащил очки с толстыми стеклами и водрузил их на нос. Нагнулся к картам...

— Этого еще не хватало!

— Ты сюда посмотри, — Лаура указала на вторую карту. — Как тебе?

Джеппетто заморгал. Толстые очки увеличивали его глаза, сейчас они стали совсем огромными: любитель бильярда по достоинству оценил бы и размер, и форму.

— Ух, ты! Ты понимаешь, что это значит?

— Sottinteso.

О Томке они, похоже, забыли. Только Снуппи — самая уродливая собака в мире — на мгновение приоткрыл глаза и выразительно хрюкнул. Подсознательно чувствуя, что мимо нее проходит что-то очень важное, Томка вежливо откашлялась в кулак. Но Лаура и Джеппетто продолжали обмениваться многозначительными замечаниями:

— Это может быть только он!

— Не спеши с выводами. Еще ничего не ясно...

— Как же не ясно!

— Возможны разные толкования...

Томка откашлялась громче — несколько пассажиров в вагоне обернулись, участливо качая головами. А ее новые знакомцы разом замолчали, будто кто-то выключил звук. Лаура провела рукой по бородке, Джеппетто поправил сползшие на нос очки.

— А это что за карта? — спросила Томка.

На рисунке оказалась птица, похожая на очень большого голубя: в его клюве Томка разглядела маленького человечка. И если пропорции соблюdenы верно, сама птица была размером со слона. Томка плохо разбиралась в Старших Арканах, но, кажется, обычная колода Таро не включала подобной карты.

— Это Голубь, — объяснила Лаура. — Карта перехода. Голуби — птицы-посланники. Они же переносят души в царство мертвых.

— Что же она означает? — нахмурилась девушка.

Ей не понравились интонация, с какой было сказано про царство мертвых. Именно таким тоном дети рассказывают страшные истории: про гроб на колесиках, черную руку или зеленые перчатки.

Лаура так долго медлила с ответом, что Томка испугалась, что женщина вообще не заговорит.

— Не могу сказать. Эта карта для меня закрыта. Не ясно, к кому она относится... Изменение? Смерть и перерождение? Опасность потерять себя?

— Или просто голубя?

Женщина вмиг побледнела, словно увидела привидение.

— Надеюсь, это не так, — выдохнула она и торопливо собрала карты. — Что-то не получается у меня сегодня... Видать, давление. У вас, милочка, голова не болит? У меня прямо раскалывается. О! Смотрите — мы подъезжаем! Скоро будем на Санта-Лючии. Вы уже бывали в Венеции?

— Нет, — сказала Томка, разом отвечая на все ее вопросы.

Девушка внимательно посмотрела на Лауру. Ясно же, как божий день, что та недоговаривает и уходит от ответов. Но какой смысл юлить? Лаура сама вызвалась ей погадать, никто ее не заставлял. Томку злили подобные псевдо-мистические штучки: напустить туману, припугнуть таинственными угрозами... Все гадалки действуют по одному шаблону. Газетный гороскоп и тот был конкретнее.

— Чудесный город, — сказала Лаура. — Самый замечательный город на земле. Здесь живет настоящее волшебство... Тайны, загадки. А для amore a prima vista лучшего места не найти.

Томка презрительно фыркнула.

— Ну, до этого, уверена, не дойдет.

Венеция встретила Томку промозглой сыростью и запахом гнилой воды. Если бы не треск итальянской речи, можно было

подумать, что она вовсе не уезжала из Питера. Или же поезд запутал и вместо Королевы Адриатики привез ее прямиком на набережную Обводного Канала. Никогда нельзя исключать такую возможность: поезда живут по своим законам и не всегда подчиняются расписаниям и маршрутам.

Но потом Томка посмотрела на толпу, заполнившую платформы вокзала Санта-Лючии, и решила, что на этот раз обошлось. Это была Венеция: сложно найти другое место на Земле, где столь огромное количество людей пытается уместиться на столь ограниченном пространстве. Все толкались, кричали, сутились, вдохновенно ругались и дрались из-за багажа. Пара туристических гидов точно гиены набросились на одинокого немецкого туриста. Бедолага пытался отбиться зонтиком, но вскоре был повержен, и его уволокли осматривать площадь Святого Марка, Дворец Дожей и кататься на гондоле. В глазах рябило от ярких фотовспышек — это вездесущие японцы, не успев ступить на землю, переключались в режим «человек-фотоаппарат».

Поскольку ее новые знакомые путешествовали налегке, Джеппетто вызвался помочь Томке с багажом. Девушка привыкла сама отвечать за свои вещи, но Джеппетто был так настойчив, что пришлось уступить. Томка подозревала, что если бы она не согласилась, он вырвал бы у нее чемодан вместе с рукой. Раз итальянец решил быть обходительным кавалером, лучше не становиться у него на пути.

— Какой у вас интересный *bagaglio*, — сказала Лаура. — Гляжу, вы много путешествуете. И на Таити побывали, и в Оранжевой Республике...

Девушка потупила взор. Приятно, когда тебя принимают за нового Филеаса Фогга, но Томка не искала чужой славы. Тем более — славы чемодана.

— Это не я. Думаю, кто-то из предыдущих владельцев был путешественником. А я просто купила чемодан на толкучке.

— Достойное приобретение, — похвалила Лаура. — Люблю людей, которые ценят вещи с историей.

— Эх, — вздохнула Томка, проталкиваясь сквозь галдящую толпу. — Знать бы еще эту историю. Жаль, чемоданы не разговаривают.

Глядя на ее мучения, Лаура взяла девушку под локоть. Сама она шла с уверенностью ледокола, взламывающего арктические льды. Возможно, дело было в жизненном опыте — венецианка Лаура знала, как вести себя среди туристических орд. Но Томка подозревала, что не последнюю роль сыграла и внешность — люди опасались близко подходить к бородатой женщине. Да и Снуппи, семенящий за хозяйкой, вносил свою лепту.

— Знаете, милочка, — задумчиво произнесла Лаура. — Все вещи умеют разговаривать. Надо только научиться их слушать, и тогда они расскажут вам свою историю...

— Даже чемоданы?

— Особенно чемоданы. Они знают множество историй. Хотите узнать историю вашего чемодана?

Томка покосилась на Лауру.

— Новое гадание?

— Что вы! — рассмеялась женщина. — Просто милая светская беседа.

— С чемоданом?!

— Perché no?

— Да нет, просто...

Томка не нашлась, что сказать. Лаура не выглядела сумашедшой, а тут такой финт!

В беседах с неодушевленными предметами нет ничего предосудительного. Томка и сама, бывало, орала на зависший ноутбук или на молоток, упавший на ногу. Но одно дело, когда с вешками говоришь ты, и совсем иное — когда они начинают тебе отвечать. Это уже попахивает шизофренией.

Лаура замахала рукой и крикнула, заглушая гомон толпы:

— Джиппи! Погоди немножко, дорогой...

Джеппетто, который чудом умудрился протолкаться вперед, остановился. Лицо его блестело от пота. Он нес чемодан

на вытянутых руках, совсем вымотался и был только рад маленькой передышке. Поставив чемодан на землю, он принялся вытираять лицо белым платком.

— Давайте я дальше сама понесу? — участливо предложила Томка.

Джеппетто аж задохнулся от возмущения.

— Как можно, синьорина! Таскать тяжести — мужская работа. Спорить здесь было бесполезно.

— А наша юная *superdonna*, оказывается, не знает историю своего чемодана! — сказала Лаура таким тоном, будто Томка не знала о том, что Земля круглая. — Мы с ней решили посмотреть, что же он сам нам расскажет.

То, что все происходило посреди железнодорожного перрона, Лауру не остановило. Нагнувшись к чемодану, она погладила его по крышке, точно любимого пса. Заметив это, Снуппи ревниво застыхнул, как паровоз, спускающий пар. Томка, не думая, протянула руку, чтобы потрепать собаку за ухом и немного ее подбодрить.

Спасло ее только чудо: челюсти клацнули в считанных миллиметрах от пальцев. Томка резко отдернула руку, прижала ее к груди. Вот и проявляй после этого доброту к животным! Снуппи смерил девушку взглядом голодного крокодила и хрюкнул.

— Осторожно! — запоздало вскрикнул Джеппетто. — Снуппи сильно нервничает, когда вокруг много незнакомых людей.

Он указал на вокзальную толпу. Судя по выражениям лиц, куда больше нервничали именно люди. Снуппи же смотрел на них взглядом льва, который проснулся посреди отары овец. Словно раздумывал — с кого бы начать?

— Итак, что у нас, — проговорила Лаура, продолжая гладить чемодан.

Она закрыла глаза, на ее лице появилось задумчивое выражение. Словно женщина и в самом деле внимательно прислушивалась. Томка заметила, что Лаура что-то сжимает в кулаке — меж пальцев мелькнул металлический отблеск. Но что это было, девушка разглядеть не смогла.

— Раньше этот чемодан принадлежал одной актрисе, — на конец сказала Лаура. Глаза она не открыла. — Нет, не актрисе... Цирковой гимнастке. Надо же какое совпадение!

— Пожалуй, — согласилась Томка.

— Она жила очень давно, — продолжила Лаура. — В начале прошлого или в конце позапрошлого века. Тогда, когда все ходили в цилиндрах и фраках... И она много путешествовала. Объездила полсвета: Лондон, Париж, Сан-Франциско... Шумные, блестящие гастроли, поклонники и цветы. Ага, понятно, почему я приняла ее за актрису: она выступала на сцене, а не на арене...

Лаура замолчала, но не успела Томка вставить и слова, как «рассказ чемодана» продолжился. Девушка решила, что Лаура сочиняет историю на ходу, словно сказку для маленькой девочки. И даже обидно, что такая милая женщина думает, будто Томка примет эту самодеятельность за чистую монету.

— Она и в Венеции побывала. Город тогда был другим... Без туристов и китайских сувениров. Провинциальная дыра; прибежище всякого рода богемы: художники, скульпторы, поэты и романисты-неудачники. Так, так... Как интересно. С этой актрисой здесь случилась большая неприятность.

— Ее убили? — не удержалась Томка, вспомнив о пулевом отверстии в чемодане.

Лаура вздрогнула.

— Нет, не убийство — он не помнит крови. Что-то иное. Она... Она сошла с ума!!! Но я не могу понять, почему. Эта часть истории от меня скрыта. Он не хочет ее рассказывать.

Томка нахмурилась. А ведь не далее как вчера очень похожей семейной легендой мать отговаривала ее от поездки в Венецию... Мол, там ее пррабабка, тоже циркачка, слетела с катушек. Томка была уверена, что мать выдумала байку, чтобы запугать впечатлительную дочь. И тут точно такую же историю сочиняет Лаура. Не может быть, чтобы они сговорились! Либо в Венеции все цирковые артисты сходят с ума, либо речь и впрямь

шла об одном и том же человеке. Но раз так, выходит, мать ей не врала?

У Томки появилось странное ощущение, сродни щекотке или покалыванию в кончиках пальцев. Должно быть, что-то подобное испытывал Аладдин, первый раз разглядывая волшебную лампу.

Здесь была какая-то тайна, загадка — Томка кожей почувствовала ее присутствие и уже не могла о ней не думать. Девушка была обязана в ней разобраться. Иначе она будет ныть, как гнилой зуб, и не даст ей покоя. В списке Томкиных качеств следующей строчкой после «гипертрофированного самомнения» и «таланта вляпываться в историю» шло «жуткое любопытство». Если в поле зрения попадала какая-нибудь таинственная история, Томку тянуло к ней как магнитом. Кто-то назвал подобное явление «синдромом Фокса Малдера».

А сейчас история имела все признаки таинственности: старинная семейная легенда, призраки прошлого... Девушка замотала головой. Стоп, стоп, не увлекайся... Очень удобно взять и сплести все ниточки в одну веревку. Но так не бывает. Отбросим простой факт, что чемоданы не разговаривают. Но какова вероятность, что на блошином рынке Томка случайно нашла чемодан, принадлежавший ее прабабке? В лучшем случае — один шанс из миллиона.

— Как-то вы переменились в лице, — заметила Лаура. — Что-то случилось?

— Не знаю, — сказала Томка, косясь на чемодан. — Он не сказал, как звали ту женщину? Предыдущую владелицу?

— Нет, — покачала головой Лаура. — Никаких имен. На ее афишах было написано «Гуттаперчевая Принцесса». Вы ее знаете?

— Нет. Думаю, что нет. Хотя...

— Милая, — вмешался Джеппетто. — Как она может ее знать? Ты же сама сказала, что та синьора жила в начале прошлого века. Разве наша синьорина похожа на столетнюю старуху?

Томка как загипнотизированная смотрела на чемодан и потому не заметила, как мужчина пучит глаза, пытается шевелить бровями и строит самые загадочные физиономии. Жена его кивнула и нарочито громко рассмеялась.

— Какая же она столетняя старуха? Хотела бы я так выглядеть, когда мне самой стукнет сто лет! Но боюсь, тут не помогут ни пластика, ни лучшая косметика.

— Дорогая, поверь, ты и в сто лет будешь выглядеть очаровательнее всех женщин на Земле.

— Льстец! — ласково сказала Лаура. — Или ты узнал секрет Вечной Молодости? Мерзкий старикиш! Что же ты до сих пор молчал?

— Радость моя, — Джеппетто прижал руки к груди. — Тайна мне не ведома. Но даю слово, как только я узнаю рецепт эликсира...

Их певучая болтовня вывела Томку из оцепенения.

— Как вы узнали эту историю? — девушка тряхнула челкой. — Про хозяйку чемодана? Я понимаю — типа он сам рассказал, но это же для отвода глаз? А на самом деле...

— Ох, милочка, пусть это будет мой маленький secreto. В каждой женщине должна быть enigma, не так ли?

Небольшой металлический предмет незаметно скользнул в сумочку Лауры.

— Вы далеко остановились? — спросила Лаура на выходе с вокзала.

Томка назвала адрес отеля в районе Сан-Марко. Местечко было то еще. На сайте рядом с названием отеля стояло две звезды. Но уже по выложенным фотографиям было видно, что он не тянет и на четвертинку. Осыпающаяся штукатурка, покосившиеся стены и повсюду пятна сырости. Если здание и ремонтировали, то не позднее семнадцатого века. В другом городе такой дом, не задумываясь, отправили бы на слом. А в Венеции — стоит себе, и владельцы требуют за комнатушку, размером со шкаф, суммы, сопоставимые с бюджетом ряда государств. Когда же

Томка в письме поинтересовалась: «А почему так дорого?», ей ответили, что это сердце прекраснейшего города на Земле, как можно думать о деньгах?

Услышав название отеля, Лаура нахмурилась.

— Что-то не припоминаю... О! В этой дыре?!

Томка смеялась.

— Это самый центр. Близко и до площади, и до Риальто...

— Милочка, это Венеция — здесь все близко. Нет, нет, вы должны переехать! Иначе вы простудитесь, заболеете, а потом вас съедят клопы — я не могу так рисковать!

Быть съеденной клопами Томке совсем не хотелось, но переехать... Номер уже оплачен, и вряд ли хозяева вернут деньги. А тех финансов, что у девушки были с собой, не хватит оплатить ночь в самой дешевой ночлежке. Конечно, существовали тридцать тысяч евро, обещанные Лаурой, но пока они существовали только теоретически. Так что единственный шанс уцелеть — озабочиться средством от насекомых.

— Так, дорогая, вы будете жить у нас, — сказала Лаура тоном, не терпящим возражений.

Томка окончательно смутилась.

— Ой! Спасибо, но... Не стоит беспокойства. Мне бы не хотелось вас стеснять. И вообще, я замечательно нахожу общий язык с насекомыми...

Женщина отнеслась к ней с удивительной теплотой и заботой. Видимо, это и называют гостеприимством... Но не стоит злоупотреблять чужой добротой. Томка и без того чувствовала себя обязанной, и потому немного злилась.

— Какие стеснения, милочка? — засмеялась Лаура. — У нас большой дом и для гостя всегда найдется место у очага. Джиппи!

— Да, дорогая? — Джеппетто выразительно поднял бровь.

— Наша замечательная попутчица остановится у нас, — сказала его супруга. — Будет жить в гостевой спальне, когда ты уберешь оттуда своих кукол. Давно пора использовать ее по назначению, а не как склад игрушек.

— О! Замечательно! — обрадовался Джеппетто. — Я закажу в «Fiore» большое ризотто с морепродуктами, устроим ужин при свечах. Вы обязательно должны попробовать *risotto di mare* — нигде в мире его не готовят лучше, чем в Венеции.

Стоило ему заговорить о еде, как в животе у Томки заурчало. Все-таки за день она, считай, ничего не ела, и сейчас ей казалось, что она в два счета сможет переесть самого Робина-Бобина. А одного названия «*risotto di mare*» достаточно, чтобы и у менее впечатлительного человека потекли слюнки. Томка сглотнула; все, что она смогла произнести, это:

— Grazie...

— Я только куплю спортивные газеты, — сказал Джеппетто.

— Очень надо, — подтвердил Снуппи. — Завтра играем с «Миланом».

Томка училась быстро и второй раз на трюк «говорящая собака» не попалась. Девушка заметила, как шевельнулись уголки губ кукольника.

— Иди, мерзкий старикашка, что с тебя взять, — Лаура снисходительно махнула рукой.

Джеппетто поставил чемодан и поспешил в сторону газетного киоска.

— Мужчины, — вздохнула Лаура, глядя мужу вслед. — Жить без футбола не могут...

Она на секунду задумалась.

— Милочка, можно попросить вас об услуге? Мне нужно отлучиться в уборную, вы не последите за Снуппи? Он не любит оставаться один.

Томка покосилась на пса. Куда вернее было сказать, что это его нельзя оставлять одного — в целях общественной безопасности. Но как можно отказать Лауре?

— Конечно. Не вопрос.

Лаура вручила ей поводок и нагнулась к своему питомцу:

— Веди себя хорошо, малыш, — она щелкнула собаку по носу. — Мамочка скоро вернется.

Снуппи что-то проворчал, но особых протестов не выказал. Лаура быстро удалилась, Томка же осталась стоять, предаваясь мечтам о *risotto di mare*. Она уже чувствовала его несравненный восхитительный запах.

Попутно она думала о будущей карьере; о том, куда можно потратить тридцать тысяч евро; о бале у графини и о своей маске; о том, что нужно выйти в Интернет и отправить SMS матери; и о том, как удивятся ребята из театра, когда узнают, что с ней приключилось; и еще о тысяче самых разнообразных вещей... Все-таки жизнь была прекрасна и удивительна.

Ровно две с половиной минуты.

Из блаженно-мечтательного состояния Томку вывел громкий рокот. Будто у ее ног заработал мотор без глушителя. Девушка удивленно посмотрела на Снуппи. Но тот и взглядом ее не удостоил. Приподняв голову, пес смотрел куда-то в даль.

Девушка огляделась, однако не заметила ничего, что могло бы привлечь собаку. Вокруг толпились те же туристы, волнами выплескивающиеся из здания вокзала. Может, пес почуял кошку? Или жирного голубя, залетевшего с площади Святого Марка? Ни то, ни другое Томку совсем не радовало. Случись чего, и Снуппи она не удержит — в некоторых вопросах масса тела играет решающую роль. Томке же не хотелось волочиться на поводке по брусчатке. Это вредно и для лица, и для кожи.

Рычание пса стало громче, Снуппи напрягся, привстал... Глаза его метали молнии. Томка принялась быстро наматывать поводок на кулак. Ситуация развивалась по самому неблагоприятному сценарию. Хуже не бывает. И даже кавалерия не спешит на подмогу: Лаура с мужем куда-то подевались. Сколько Томка не всматривалась, она не смогла разглядеть их в толпе.

— Сидеть! Stare!

Томка постаралась, чтобы голос прозвучал твердо и жестко. Как утверждают эксперты, только так и нужно разговаривать с зарвавшимися домашними питомцами. К сожалению, Снуппи

книжек по дрессуре не читал, и ему было глубоко плевать и на мнение экспертов, и на любые команды. Сейчас с ним бы не со-владал десяток самых умелых укротителей. С хриплым лаем пес бросился в сторону от вокзала. В руках у Томки остался бесполезный поводок — она так и не поняла, каким образом тот отцепился от ошейника.

Девушка медлила лишь доли секунды, а затем с криками «Назад!», «Стоять!» и «Немедленно вернись!» кинулась за собакой. Пусть Снуппи ей не нравился, Томка прекрасно понимала, что Лаура не обрадуется тому, что девушка не уследила за ее любимцем. Решит, что если Томке нельзя доверить такую малость, разве можно говорить о более важных делах? И тогда — плакали ее денежки, и контракт, и вожделенное *risotto di mare*.

Для существа с лапами разной длины пес передвигался на удивление быстро. Чего нельзя сказать о Томке. По необъяснимым причинам все, кто толклись на привокзальной площади, устремились ей навстречу. Казалось бы: бежит человек, кричит и размахивает руками — нужно расступиться. Но, видимо, некие неведомые силы отдали приказ задержать девушку любой ценой, и толпа туристов радостно бросилась его исполнять.

На пути, словно джин из бутылки, появился упитанный японец.

— Rialto! Rialto! — залопотал он, тыча пальцем в разговорник.

За его спиной топтались человек двадцать его клонов — таких же толстеньких улыбающихся японцев с одинаковыми разговорниками. В другой раз Томка обязательно бы остановилась и подробно объяснила, что понятия не имеет, как пройти к мосту Риальто. Но сейчас у нее не было времени на добрые дела. Секунда промедления и пес окончательно затеряется в толпе.

Томка попыталась оббежать японца и на полном ходу толкнула бедолагу плечом. Тот отлетел прямиком в толпу своих клонов. Не ожидавшие подобного японцы попадали как костяшки

домино, увлекая за собой и прочих туристов. В радиусе пяти метров почти никто не стоял на ногах; со всех сторон послышались возмущенные крики. За какие-то секунды Томка в два раза пополнила свой словарь иностранных ругательств.

— Извините, excuse me, scusate se disturbo...

Томка перепрыгивала через поверженные тела. К желанию догнать собаку прибавилась настоятельная необходимость убраться как можно дальше из эпицентра катастрофы.

Впереди, метрах в десяти, Снуппи врезался в чьи-то ноги в сапогах и отлетел назад. Такой удар свалил бы и быка, но ноги в сапогах остались неподвижны. Пес же упал на спину и остался лежать, дергая лапами. С победным воплем Томка бросилась к собаке и схватилась за ошейник.

— Попался, гаденыш, — прошипела девушка. Снуппи заскулил в ответ — похоже, он, как черепаха, не мог самостоятельно встать на ноги. Томка защелкнула поводок на ошейнике. — Еще раз...

Договорить ей не дали. Над головой прозвучало настойчивое покашливание. Настолько вежливое, что по коже пробежали мурашки.

— Эм...

— Это ваша собака? — пророкотал громоподобный голос.

Томка уставилась на блестящие сапоги. Немного подумав, она решила, что ничего хорошего подобные сапоги не предвещают. Над девушкой нависла грузная фигура, заслоняя собой небо. Томка невольно сжалась, точно мышонок при виде кота, и подняла взгляд.

Сперва Томка приняла фигуру за вставшего на задние ласти моржа. В пользу этой версии свидетельствовали и размеры, и пышные желтые усы... Но потом, сложив остальные факты (форма, фуражка, пистолет в кобуре и суровый взгляд), девушка решила, что это один из местных стражей правопорядка. Одно, конечно, не исключает другого, но все же Томка сомневалась, что в итальянскую полицию берут на службу моржей.

— Добрый день, — Томка улыбнулась самым виновато-дружелюбным образом.

Где-то она читала, что дружелюбные улыбки действуют на представителей закона как хорошее успокоительное. А Томка умела улыбаться так, что у любого нормального мужчины замирало сердце и перехватывало дыхание.

Но, кажется, сердце полицейского было выточено из камня; ни один мускул не дрогнул на его лице. Смерив Томку взглядом, он издал звук, который можно приблизительно описать, как долгое презрительное «пффсс». С таким звуком выходит воздух из проколотой шины. Улыбка Томки сразу скисла.

— Простите...

— Это ваша собака? — повторил полицейский-морж.

Пальцем, похожим на разваренную сосиску, он указал на Снуппи. Тот как раз перевернулся на лапы. Глаза его вращались независимо друг от друга, как у лунатиков в мультильмах. После столкновения с законом весь его охотничий запал куда-то испарился.

— Э... Нет. Меня попросили за ней приглядеть... А хозяева...

Томка обернулась, но не увидела ни Лауры, ни Джеппетто. Куда, черт возьми, они провалились? Полицейский проследил за ее взглядом и снова издал это отвратительное «пффсс». Моржовые усы колыхнулись. Похоже, полицейский ей ни на грош не поверил.

— Присмотреть, — сказал он, насупив брови. — Ясно. Понятно.

Снуппи плюхнулся на зад и тяжело задышал, высунув огромный, как кусок вырезки, язык. Томка увидела кривые желтые клыки: каждый зуб торчал под каким-то нелепым углом, независимо от соседей. Видимо, в сложной родословной Снуппи направне с крокодилами присутствовали и акулы.

— Ну, что у нас, — сказал полицейский. — Собака... без намордника и без поводка... бросается на прохожих...

— Это не собака! — честная Томка не могла не признать, что японцы и остальные туристы попадали, скорее, по ее вине.

Полицейский глянул на Снуппи и поежился.

— Гиенам тоже полагаются намордник и поводок, — сказал он. — Придется выписать штраф.

Томка застонала. Ее бюджет, более чем скромный, не предусматривал штрафов за чужих собак. В голове мелькнула шальная мысль: а может, взять ноги в руки и сбежать? Моржи, как известно, бегают плохо, так что у нее неплохие шансы улизнуть без особых потерь. Но благоразумие взяло верх.

— Сколько?

— Пятьдесят евро, — тут же ответил человек-морж, заставив Томку снова застонать.

Но делать нечего, пришлось лезть в карман за деньгами. Томка утешила себя мыслью, что святая женщина Лаура наверняка компенсирует расходы. Но все равно сердце екнуло, когда купюры перекочевали в карман полицейского. Тот выписал девушке сомнительного вида квитанцию на листочек блокнота и величественно удалился. Томка склонилась к псу.

— Еще раз попробуешь сбежать, — прошипела она. — Я... Я... Не знаю, что с тобой сделаю!

Сраженный этим аргументом, Снуппи зевнул в ответ.

Схватив пса за ошейник, Томка поволокла его обратно, попутно высматривая Лауру или Джеппетто. Ну, где же они? Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как они оставили ее с собакой и с... чемоданом.

Томка резко остановилась. Некоторое время она лишь хлопала глазами, глядя на то место, где стоял ее багаж. И где сейчас было пусто. Ее чудесный, замечательный чемодан, в котором лежали все-все-все ее вещи, исчез!

Из горла Томки вырвался хриплый вопль.

— Итак, — пророкотал полицейский-морж. — Вы оставили чемодан здесь?

Носком сапога он постучал по брусчатке, проверяя ее на прочность.

— Да, — в стотысячный раз сказала Томка.

Она вытерла со лба капельки пота. Разговаривать со стражем закона оказалось не легче, чем тягать пудовые гири. Когда надо было содрать с Томки штраф, он проявил удивительную прыть, но как только дело дошло до его прямых обязанностей — вмиг поглупел.

— А потом он пропал, — продолжил полицейский. — Интересно...

Потянув себя за край моржового уса, он впал в глубокую задумчивость. У его ног развалился Снуппи и громко пыхтел, демонстрируя глубочайшее презрение ко всему роду человеческому. Его хозяева так и не объявились, и Томка сильно беспокоилась. Она представить не могла, куда подевались Лаура и Джеппетто. Вокзал Санта-Лючия не такой большой, чтобы здесь можно было потеряться, а новые знакомые как сквозь землю провалились. И именно тогда, когда ей так нужны помощь и поддержка!

Сама девушка, не в силах устоять на месте, бегала кругами и заламывала руки. Чувства, раздирающие Томкину противоречивую натуру, были написаны у нее на физиономии: растерянность, изумление, ужас и еще с десяток. Еще бы — в пропавшем чемодане были все ее вещи. И ноутбук, и фотоаппарат, и объективы, и одежда...

Видя ее страдания, даже самый жестокосердный человек предложил бы руку помощи. Мгновенно бросился бы на поиски грабителей. Но полицейский был холоден, как ледяная статуя. Во взгляде, которым он наградил Томку, не нашлось места для сочувствия.

— Думаю, я знаю, что случилось, — сказал он, тщательно взвешивая каждое слово.

— Правда? — с надеждой спросила Томка.

Полицейский кивнул.

— Да... Полагаю, ваш чемодан украли.

Томка резко остановилась, сраженная его дедукцией. Сам Шерлок Холмс не справился бы лучше. И это спустя каких-то

пятнадцать минут, после того как Томка подбежала к нему с криками: «Меня ограбили!».

— Быть этого не может! — Томка подняла глаза к небу.

— Точно, — сказал полицейский. — Вы отлучились, а грабитель воспользовался вашей невнимательностью... Надо быть внимательнее. Такое время — Карнавал на носу... Воры едут из самого Бергамо, и из Палермо тоже бывает.

Полицейский повернулся и шагнул в сторону ближайшего фонаря. Весь его вид говорил о том, что свою миссию он считал завершенной. Сейчас же его ждут другие важные дела: необходимо помочь компании шведских пенсионеров, спорящих над картой города.

— Эй! — возмутилась Томка. — Мне-то что делать? Вы собираетесь искать вора?

— Я? — полицейский огляделся. — Вор же сбежал...

— С ворами такое бывает, — заверила его Томка. — Чуть что — и сразу в бега. А полиция их ловит. Разве не так?

Полицейский покачал головой.

— Не имею права гоняться за преступниками. Должен следить за порядком.

Томка вытаращилась на него, окончательно сбитая с толку его логикой. Полицейский не имеет права гоняться за преступниками, а должен следить за порядком? Разве одно не следует из другого?

— Вот если бы я увидел вора, я бы его задержал, — сказал полицейский. — А искать нельзя — вдруг чего случится, а меня нет на посту? Вам надо пойти в участок и написать заявление о пропаже. Да... и внимательнее надо быть...

— В участок? — жалобно спросила Томка. — И тогда мой чемодан найдут?

— Бывает и такое, — сказал полицейский. — Но сейчас Карнавал, людей не хватает... Все следят за порядком.

И оставив Томку в полной растерянности, страж закона удалился.

Томка вдоль и поперек исходила привокзальную площадь. Искала и на самом вокзале, и в соседних проулках. Будь Томкины ботинки тяжелее, на мостовой остались бы протоптанные дорожки.

Но поиски не принесли результата. Исчез чемодан, исчезли Лаура с Джеппетто... А главное: никто ничего не видел! Продавец газет не вспомнил человека с физиономией сказочного гнома. Прохожие, у которых Томка спрашивала о бородатой женщине, шарахались от девушки как черт от ладана.

Снуппи тоже подливал масла в огонь. Вначале пес еще пытался ходить, с трудом поспевая за мечущейся Томкой. Но в итоге он махнул лапой на это дело и плюхнулся на живот. Куда, спрашивается, подевалась та прыть, с которой собака неслась по площади? Сейчас Снуппи походил на соломенный тюфяк. Томка таскала его за собой, как беглый каторжник таскает пушечное ядро на цепи. Хорошо, что рядом не оказалось борцов за права животных, иначе бы Томке не избежать штрафа за жестокое обращение.

Через час безуспешных поисков Томка решила, что пора сдаваться. Площадь перед вокзалом Санта-Лючия и без того уродливое mestечко, сейчас же Томка ненавидела ее всеми фибрами души. Она уже видеть не могла грязно-серое здание вокзала, похожее на плоскую бетонную коробку, от белой разметки под ногами рябило в глазах, а от неуместных здесь фонарных столбов ее тошило. О толпах туристов и вовсе промолчим: девушке не пристало думать такими словами.

Доковыляв до фонарного столба, Томка прижалась к нему спиной, и опустилась на корточки. Беготня ее утомила, к тому же ей было нужно время, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Томка была девушкой импульсивной и чаще поступала исключительно по наитию. Но сейчас без хорошего плана действий не обойтись.

Не учла она одного. Едва Томка села на корточки, как напротив ее лица появилась жутковатая морда Снуппи. Томка успела

привыкнуть к собаке, а все равно вздрогнула, стоило посмотреть на пса под другим углом. Из-за нелепейшей формы черепа казалось, что пес ухмыляется. В сочетании с торчащими наружу клыками это производило неизгладимое впечатление.

— Да уж, — вздохнула Томка. — Попали мы с тобой, приятель... Впору давать объявление в газеты. Так и напишем: у самой уродливой собаки в мире пропали хозяева. Особые приметы...

Пес несколько раз кашлянул, словно подавился комом шерсти. Черные глазки влажно блеснули, с брылей капала слюна. Томка тут же прикусила язык. Пес смотрел на нее так внимательно, что девушке стало не по себе. Будто он всерьез обдумывал ту чушь, которую она несла, чтобы успокоить нервы.

— Нет, прости, с газетами не получится. Боюсь, денег не хватит.

Девушка покачала головой. Чего-чего, а денег, в самом деле, не хватит. В карманах у нее лежало около тридцати евро плюс пятерка мелочью, а с такими капиталами не пошикуешь. Остальная наличность осталась в чемодане: Томка часто теряла деньги из карманов, и хранить финансы в багаже ей показалось более надежным. Кто ж знал, чем оно обернется?

Впрочем, сказала она себе, разве это повод вешать нос?

— Ладно, не дрейфь. Найдем мы их. Твоя хозяйка весьма примечательная дама. Полагаю, ее многие знают.

В любом деле главное — определиться, с чего начать. Продолжая торчать на площади, она ничего не добьется, это факт. А Томка Кошкина была не из тех, кто тратит время впустую. Можно, конечно, последовать совету полицейского и пойти в участок. Но, взвесив за и против, Томка решила, что это бесполезно. Она уже видела, как работает итальянская полиция. И вообще: хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо — сделай это сам.

Все силы Томка решила направить на поиски Лауры и Джеппетто. В то, что ее новые знакомые сбежали,бросив ее вместе с собакой, девушка не поверила. Какой смысл? Если это розыгрыш, Томка не видела ничего смешного; если они хотели ее обмануть —

к чему столько сложностей? Не иначе, произошла чудовищная ошибка. Каким образом они разминулись на площади размером с гулькин нос, Томка не понимала, но всякое бывает... В любом случае, чтобы найти ответ на этот вопрос, нужно сперва отыскать Лауру и Джеппетто. И тут у девушки была пара зацепок: Лаура вроде говорила, что они держат магазин игрушек в районе Сан-Поло. Значит, туда дорога и Томке.

У девушки были смутные представления о работе детектива. Пара книг о Шерлоке Холмсе и несколько романов Агаты Кристи — вот и вся теоретическая подготовка. Но Томка не сомневалась, что легко справится с этой ролью. Что сложного — найти магазин игрушек, в котором работает бородатая женщина? Шерлок Холмс раскрыл бы это дело за пятнадцать минут; скромная Томка рассчитывала уложиться в полчаса. Надо только добраться до места, а там любой прохожий укажет на нужную дверь.

Воодушевленная этой мыслью, Томка вскочила на ноги.

— Ну что, — сказала она Снуппи. — Пойдем искать твой дом. Надеюсь, когда мы доберемся, *risotto di mare* будет готово.

Попасть от Санта-Лючии в город можно несколькими путями. Обычно туристы первым делом бегут к кассе вапоретто. Этот венецианский аналог речного трамвайчика — самый удобный и быстрый способ передвижения по городу каналов. А заодно и уникальная возможность посмотреть на Венецию с воды: говорят, только так и можно увидеть истинное лицо Королевы Адриатики.

Прокатиться на вапоретто Томка мечтала давно, но билет на теплоходик стоил пять евро, а в ее положении разбрасываться деньгами было рискованно. Девушка не сомневалась, что еще до заката найдет Лауру и Джеппетто, но пока этого не случилось. Так что Томка свернула в противоположную сторону и шагала к мосту через Канал. К счастью, Венеция не самый большой город и до любого места здесь можно добраться пешком.

До района Сан-Поло Томка дошла относительно быстро, хотя Снуппи и ковылял за ней со скоростью ползущей к вершине Фудзи улитки. На этом ее везение кончилось.

Чтобы узнать дорогу к магазину Джеппетто, Томка зашла в первую попавшуюся лавку — там торговали дешевыми масками из папье-маше и китайскими подделками муранского стекла. Продавщица, коренастая женщина лет пятидесяти, тут же бросилась к девушке. На Томку обрушился такой поток слов, что она едва устояла на ногах. Продавщица принялась расхваливать товар с яростью человека, который давно отчаялся что-либо продать:

— Посмотрите на эту маску-бауту, в такой маске Казанова... — и так далее в том же духе. Томка ждала минут десять, прежде чем ей выпал шанс вставить слово.

— Scusi, мне не нужны маски. Я ищу магазин кукол.

Продавщица мигом ухватилась за знакомое слово:

— Bambola! Marionetta!

Не успела Томка опомниться, как продавщица вывалаила на прилавок гору арлекинов, коломбин и других марионеток. Снуппи, до сих пор безучастно лежавший у ног девушки, ожидался.

— Нет, нет, — замахала руками Томка. — Мне не нужны куклы. Мне нужен магазин игрушек, где работает бородатая женщина. Ее зовут Лаура, ее мужа — Джеппетто...

— Кукла бородатой женщины? Такой у меня нет... Но если мы возьмем эту коломбину... Пять минут, синьорина, пять минут...

В руках у нее появились ножницы, и Томка с ужасом поняла, что продавщица собирается отстричь себе прядь волос, чтобы сделать коломбине бороду.

— Стойте!!!

Продавщица дернулась, кукла выскочила у нее из руки и упала перед Снуппи. Тот не стал упускать возможность: чудовищные челюсти сомкнулись с оглушительным хрустом. На тысячную

долю секунды продавщица замерла с открытым ртом. И вновь затарахтела, вскидывая руки к небу.

— О нет! Нет! Эта кукла ручной работы! Она стоит сотни евро! Ваша собака ее испортила!

— Черт... — прошипела Томка.

В груди заклокотала ярость. Томка не считала себя вспыльчивой девушкой, но всему есть предел. Если разбрасывать горящие спички рядом с бензоколонкой, рано или поздно что-нибудь взорвется.

Схватив куклу за ноги, Томка вырвала игрушку из пасти Снуппи. С нескрываемым удивлением пес уставился на девушку, послышались первые такты грозного рыка... Не думая о том, что рискует пальцами, Томка отвесила Снуппи подзатыльник — если это слово применимо к собакам. Рык тут же стих, обернувшись жалобным «тяв!».

— Еще раз... — выдохнула Томка, глотая не слова, а фразы. — Ты понял меня...

Снуппи попытался втянуть голову в плечи. Наградив его взглядом, который испепелил бы целый город, Томка развернулась к продавщице.

— Кукла! — заявила женщина, еще не осознавая, что ходит по краю пропасти. — Bambola! Она стоит триста евро, в смысле — пятьсот.

В арсенале Томки имелось не меньше трех сотен улыбок на все случаи жизни. Большая их часть была вполне невинна. Однако в черных тайниках души хранились и образцы, запрещенные Женевской конвенцией. Друзья-приятели из театра при виде любой из этих улыбок прятались под диванами и в шкафах.

— Ручная работа? — процедила Томка, глядя женщине в глаза. — Пятьсот евро?

Надо отдать должное, продавщица не сбежала с криками «Полиция! На помощь!», а лишь задрожала, как осенний лист.

— Триста, — хрипло сказала она. — Ручная... работа.

Томка продолжала улыбаться улыбкой белой акулы, привившей купающуюся блондинку. Чуя, что ситуация выходит из-под контроля, продавщица затеребила верхнюю пуговицу блузки.

— Неужели? — протянула Томка. — Почему же на ней висит ценник в три евро?

Продавщица не была бы итальянкой, если бы стала оспаривать очевидные факты.

— Три евро? Нет-нет-нет, это ошибка! Это ценник с другой куклы! Ваша собака его испортила — слюна разъедает чернила...

Ее монолог прервал громкий звук «чпок!», словно кто-то открыл банку газировки. Продавщица заткнулась и опустила взгляд.

Кукла-коломбина осталась в руках у Томки, но уже по частям — тело в левой, голова в правой. Девушка не поняла, как это случилось. И в этом не было никакого намека — просто Томка была в том состоянии, когда жизненно необходимо оторвать кому-нибудь голову.

Меж тем продавщица увидела в оторванной голове куклы знак. Это была угроза и никак иначе. Она тихо вскрикнула. Никогда еще ей так не угрожали, и женщина не понимала, что же теперь делать: сбить цену до сотни евро или же звать на помощь? Сто евро пока побеждали, но...

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не звякнул дверной колокольчик.

— Buon giorno, синьора Розетти! — послышался голос. — Мой заказ привезли?

Голос был слишком вежливый и в нем сквозил чудовищный акцент, но сейчас для продавщицы не было звуков краше.

— О, синьор Тинкет! — вскричала женщина. — Как же вы во время!

— Простите, у вас покупатели... Я подожду снаружи.

— Нет, нет, — поспешило сказать продавщица. — Одну секунду. Только уложу небольшое недоразумение. На сто евро.

Томка была не из тех, кого могут сбить с толку голоса за спиной. Девушка не обернулась.

— Три евро, — сказала она, пытаясь приладить голову куклы на место. В конце концов, ей это удалось.

Разумеется, кукла была не ручной работы: так, китайская штамповка. В наше время сложно найти вещь, на которой не стоит клеймо «Сделано в Китае». Поднебесная исправно поставляет местные сувениры в самые отдаленные уголки Земли.

Если бы не вмятины от собачьих зубов, Томка бы швырнула куклу на прилавок и ушла из лавки. Сейчас же, как честный человек, она была обязана ее купить. Но платить в тридцать раз больше Томка не собиралась. Даже три евро выглядели непомерно завышенной ценой. Стоило признать, что собака слишком дорого ей обходится.

— Синьор Тинкет, — сказала продавщица, избегая встречаться взглядом с Томкой. — Позовите, пожалуйста, полицейского...

— Полицейского? — удивился человек за спиной.

Томка резко повернулась. Если продавщица хотела ее запугать, номер этот с треском провалился.

— Да. Будьте любезны, — процедила девушка. — Эта женщина хочет меня ограбить.

Продавщица подскочила на месте. Голос ее задрожал от пра-ведного гнева.

— Я?! Ограбить?!

— Сто евро за вещь, которая не стоит и трех — это называется грабеж, — сказала Томка, разглядывая синьора Тинкета, или как там его называла продавщица. — Вот вы как думаете?

У двери топтался тощий молодой человек с насмешливым лицом. В его взгляде сквозило легкое недоумение — он плохо понимал, что происходит, но ситуация его забавляла. Однако стоило ему взглянуть на Томку, как брови его приподнялись.

— Эй! — воскликнул молодой человек. — А я вас знаю!

— Нет.

— Я точно вас где-то видел! Погодите... Может, в кино? Или в рекламе? Вы, слушаем, не актриса?

Томка, конечно, догадывалась, где он мог ее видеть. Полмиллиона просмотров это вам не фунт изюма. Но девушке не хотелось афишировать данный факт своей биографии.

— Нет, я в кино не снималась.

— А стоило бы попробовать, — сказал синьор Тинкет. — У вас лицо настоящей актрисы. Сейчас таких не штампуют.

Томка растерялась, не понимая, был ли это комплимент, либо незнакомец просто запутался в итальянских словах. Судя по акценту, он был не из местных.

Воспользовавшись возникшей заминкой, продавщица собрала силы и снова бросилась в атаку.

— Нет! Вы только послушайте! Это же какая наглость! Врываются в мой магазин, портят дорогие вещи и отказывается платить! Просто немыслимо, до чего...

Томка терпеть не могла удары в спину. А сейчас она как раз стояла к продавщице спиной, разглядывая синьора Тинкета. Но раз пошло такое дело, пришлось отвернуться.

— Знаете, что...

— Стоп-стоп-стоп! — громко сказал молодой человек. — Успокойтесь, синьоры! Синьора Розетти, зачем кричать? А вам синьорина — простите, не знаю вашего имени — не к лицу шипеть, как кобра...

Во все времена участь миротворцев была незавидной. Обеданные злые уставились на молодого человека. Странно, но в этот момент мысли у них были схожими. Продавщица знала синьора Тинкета, относилась к нему хорошо, но не возражала бы, если бы в молодого человека ударила молния. Томка видела его впервые в жизни, почувствовала к нему легкую симпатию и склонялась в пользу метеорита.

— Да она... — выкрикнули они хором.

Совместные желания имеют дурацкое свойство исполняться. Именно об этом и подумала Томка, когда в руке синьора

Тинкета вспыхнул огненный шар. Томка рефлекторно отвела взгляд. Метеорит или молния?

Но когда, спустя мгновение, она снова посмотрела на молодого человека, то не увидела ожидаемой горстки пепла. Тот стоял, как стоял, улыбался, как улыбался, а в каждой руке держал по красной розе.

— Ну же, синьоры, не надо ссориться!

Он шагнул от двери, протягивая дамам цветы.

— Ой! — заулыбалась продавщица. — Как вы очаровательны, синьор Тинкет! Самый настоящий волшебник!

Томка смогла только пискнуть.

Продавщица была знакома с молодым человеком и знала, чего от него ждать. При всем ее умилении, эскапада синьора Тинкета не произвела на нее должного впечатления. Чего не скажешь о Томке.

Девушка застыла, как жена праведного Лота, которую, по слухам, обратили в соляной столп. Проще говоря — стояла и тупо таращилась на цветок.

На самом деле секрет трюка «роза из пламени» прост до безобразия: яркая вспышка является отвлекающим маневром. Когда перед глазами распускается огненный шар, человек невольно отводит взгляд. За это время из-за отворота пиджака можно достать, что угодно. Главное в этой иллюзии — научиться обращаться с пиробумагой.

Куда больше Томку поразил сам факт фокуса. Несколько часов назад Лаура размахивала перед девушкой картой Фокусника и сыпала предсказаниями. И вот здрасте: фокусник, как по заказу. А ведь еще в гадании фигурировала роза — цветок тайны, и что-то, связанное с amore a prima vista...

Только Томка не собиралась слушаться всяческих предсказаний. Не для того она появилась на свет, чтобы ее судьбой и прочими жизненными мелочами заправляли кусочки раскрашенного картона.

— Черт, — девушка попятилась к прилавку. — Ну, нет... Дудки! Не дождется!

Решив вставить и свое слово, Снуппи зарычал. Томка, не глядя, пихнула его под ребра. Ошалев от подобного обращения, пес возмущенно забулькал.

— Я точно вас где-то видел, — сказал фокусник. — Этот взгляд, такое не забывается...

— Вы обознались, — резко сказала девушка. — И вообще, я спешу.

У Томки плохо получалось брезгливо морщиться: форма губ придавала каждой гримасе удивленно-насмешливый оттенок. Но она приложила все усилия. Только синьор Тинкет оказался тупым, как пробка, и продолжал протягивать ей цветок.

— Снуппи, мы уходим, — сказала Томка. — Вот, синьора, десять евро за куклу. Это больше, чем она стоит, но так и быть — надбавка за моральный ущерб.

Голос, когда она произнесла «десять евро», напоминал хрюп умирающего павлина. Продавщица сразу поняла, что попытка настаивать на большей сумме закончится смертоубийством. А у нее, в конце концов, были дети. Томка швырнула банкноту на прилавок и зашагала к двери, чувствуя себя последней дурой.

Продавщица быстро переключилась на синьора Тинкета.

— Ваша маска, — сказала она, доставая сверток из коричневой бумаги. — Все, как вы просили: во французском стиле, черный бархат, красный кант... Готовитесь к Карнавалу?

— Пригласили на прием, — сказал фокусник, глядя Томке вслед.

Он был озадачен. Трюк с «розой из пламени» простой, но действенный. Все дамы млеют, стоит его показать. А тут — полный провал. Что бы не почувствовала девушка, когда из пламени явилась роза, но точно не сомлела. Впервые на его памяти прекрасная дева отказалась принять цветок, и мало того — стоило этому цветку появиться, сбежала, точно Золушка, заслышив бой курантов.

— Идете на прием? — послышался голос продавщицы.

Дверь лавки открылась и закрылась. За стеклом витрины мелькнул силуэт и исчез. Со вздохом фокусник повернулся к женщине за прилавком.

— Предложили подработать на бале у графини М., а там обязательны маски.

Выскочив за дверь, Томка торопливо зашагала прочь от магазинчика. Что угодно, лишь бы как можно дальше оказаться от этого жуткого места. Случившееся в лавке выбило ее из колеи. Фокусники, розы, куклы... Замечательное дополнение к событиям сегодняшнего дня!

К счастью, Томка Кошкина умела быстро восстанавливать душевное равновесие. Крепкие нервы — говорили одни, плохая память — утверждали другие. Третья считали, что причиной всему лень. Вместо того, чтобы разобраться с одной неприятностью, Томка просто вляпывалась в следующую, а первую отбрасывала за ненадобность.

Спустя минут пятнадцать девушка выкинула из головы и противную продавщицу, и фокусника с его глупыми розами, переключившись на более важные вопросы. Уже темнело, а она ни на шаг не продвинулась в поисках магазина игрушек. Вот о чем надо было думать, остальное — суэта.

Томка долго бродила по узким улочкам, заходила во все лавки, кафе и сувенирные магазинчики. Но постепенно ее энтузиазм сошел на нет. Обитатели района Сан-Поло как сговорились — никто и слыхом не слыхивал о магазине механических игрушек, в котором работает бородатая женщина. Видимо, это была страшная тайна, разглашать которую запрещалось под страхом смерти.

— Слушай, — Томка обратилась к Снуппи. — Помог бы немножко! Ищи, где твой дом?

Носком ботинка она подтолкнула собаку. Томка знала немало историй о собаках, которые возвращались домой даже за сотни километров. Повинуясь инстинкту, они пробирались сквозь

леса, поля и горы, чтобы увидеть любимого хозяина. Беда в том, что Снуппи не входил в число этих благородных животных. Находясь от собственного дома в паре кварталов, он не собирался этот дом искать. Куда больше его интересовала кошка, слишком нагло прогуливавшаяся по соседней калле. В ответ на пинок пес обиженно заворчал.

У Томки опустились руки. Упрямство упрямством, но ей все-таки пришлось признать поражение. К тому же девушка замерзла, а вездесущая венецианская сырость пробралась под одежду. Хорошо, конечно, чувствовать себя как дома — коренной петербурженке к холодной сырости не привыкать. Но даже человеку закаленному иногда хочется провести ночь в сухой и теплой постели. Мысль эта, зародившись около часа назад, уверенно вытеснила из Томкиной головы все остальные.

У девушки еще оставались пути для отступления. Бронь в отеле никуда не делась. Пусть это и дыра, но постели там наверняка сухие, а если повезет, там можно будет разжиться чашкой горячего бульона. Бульон окончательно решил вопрос.

Поиски Лауры и Джеппетто были отложены до утра, и Томка направилась в сторону моста Риальто. А оттуда до отеля было рукой подать.

Когда Томка нашла нужный дом, окончательно стемнело. В Венеции ночь наступает быстро. Вроде, ничего не предвещает беды, а затем словно кто-то щелкнул выключателем — и солнце погасло.

Хозяева отеля не удосужились обзавестись даже простенькой вывеской. Томка четыре раза проходила мимо дома, прежде чем догадалась, что покосившаяся зеленая дверь — та, что ей нужна. Чтобы ее открыть, потребовалась пара минут, так сильно она разбухла от влаги. С каждым рывком от стены отваливались куски штукатурки. И Томка всерьез опасалась, что если дернуть посильнее, фасад дома рухнет целиком, от фундамента до самой крыши. Наконец дверь поддалась, Томка

проскользнула в сырой полутемный холл. У Снуппи проскользнуть не получилось, и он неуклюже протиснулся.

В приемной, за массивным антикварным столом восседал высокий бородатый мужчина в майке «Iron Maiden». Его мускулистые руки покрывали цветные татуировки — сплошь монстры, да девицы с пышными формами. Такому типу полагается гонять на «Харлее» по ночному хайвею с номером «666» или «13». Но в Венеции плохо и с хайвеями, и с «Харлеями». Поэтому мужчина прозябал в роли гостиничного портье, коротая время за книжкой Беатрис Поттер. Приключения кролика Питера и ежихи Ухти-Тухти настолько его захватили, что он даже не взглянул на вошедших. На столе высилась гора окурков, вывалившихся из переполненной пепельницы.

— Buona sera!

Портье вздрогнул, будто услышал глас с небес, и спешно спрятал книжку под стол.

— Добрый вечер, синьорина. Чем могу быть полезен?

В его голосе слышалось смущение. Можно понять: любой брутальный мужчина чувствует неловкость, если его застукают с книжкой для маленьких девочек. На такой случай ему бы хорошо иметь издание «Молота Ведьм» или пару засаленных номеров «Плэйбоя», чтобы в случае чего совершить подмену.

— У меня забронирован номер, — сказала Томка, пряча улыбку. — На фамилию «Кошкина». Кошкина Тамара, из Санкт-Петербурга. Это где-то в России.

— Одну минуту, — портье вытащил огромный гроссбух и принял листать пожелтевшие страницы.

Надо же, подумала Томка, оглядывая обшарпаные стены, а ведь и впрямь — дыра дырой. Глядя же на портье, можно подумать, что и вовсе настоящий притон. У них даже компьютера нет... И как они умудряются сдавать номера по Интернету? Не иначе соседи помогают. За спиной громилы, в самом темном углу приемной Томка разглядела черный проем: там была

лестница, ведущая к номерам. Надежда раздобыть здесь чашку горячего бульона растаяла на глазах.

— Все верно, — портье отыскал нужную графу. — Четвертый номер на втором этаже. Можно ваш паспорт?

Сказано это было тоном, каким бандиты в подворотнях требуют кошелек и мобильник. Томка порадовалась, что не убирали документы в чемодан. Не хватало, чтобы портье вкрадчивым голосом спросил: «А если я посмотрю?». Кролик Питер, конечно, хорош, но вдруг этот тип только-только встал на путь исправления и все еще держит в кармане финку с откидным лезвием?

Заполучив паспорт, громила-портье принялся переписывать данные в гроссбух. Не зная чем себя занять по ходу вынужденной паузы, Томка переминалась с ноги на ногу и вертела головой, как игрушка на пружинке. Хорошо Снуппи — упал на пол и захрапел.

— Миленький у вас отель, — сказала девушка. — Здание с историей?

Звуком, который издал портье, мог бы гордиться и сам Снуппи: это было что-то среднее между хрюканьем дикого кабана и фырканьем лошади-тяжеловоза.

— Да, синьора, очень древний дом... Сюда заходил сам Казанова.

— А! — сказала Томка. — Раньше здесь жила знатная венецианская красавица?

— Красавицы, синьорина, — хмыкнул портье. — Незнатные совсем.

Томка поперхнулась. Чутье ее не обмануло — притон он и есть притон.

— Ваш ключ, — портье протянул массивный деревянный брелок. — Поднимайтесь на второй этаж, ваш номер справа.

— Grazie.

Портье почесал бороду. Молчаливая угрюмость, по статусу полагающаяся огромному рокеру, боролась в нем с итальянской словоохотливостью, особо проявляющейся в присутствии

лиц противоположного пола. Кровь победила имидж, и он произнес самым зловещим тоном:

— Ваш номер... Он тоже с историей.

— Там жила особенная незнатная красавица?

— Не... Это потом случилось, когда бордель разогнали. В начале века. В смысле того, двадцатого века.

— А что случилось?

— Жила там одна знаменитость, — из мятой пачки портье выбил сигарету, отправил в рот, однако не закурил. — Тогда здесь получше было, и всякие знаменитости, бывало, ошивались. Даже этот останавливался, как его... Король-Рыбак.

— Кто?!

— Писатель, он про рыбака написал, который акулу поймал, а ему премию дали — миллион баксов. Писателю, конечно, не рыбаку...

Томка наморщила лоб.

— Хэмингуэй?

— Он самый, — портье сверкнул золотым зубом, радуясь, что достигнуто взаимопонимание.

— Хэмингуэй жил в моем номере? — Томка взмахнула ключом.

— Нет же, синьора! Мингуэй комнату под крышей снимал. Он там автограф свой на подоконнике вырезал, только чужим именем подписался. Но мы эксперта по почерку приглашали, он все подтвердил. Мингуэй, говорит, зуб даю... А в вашем номере другая знаменитость жила. Актриса, что ли, тоже русская.

— Правда? И с ней что-то случилось?

— В точку, — сказал портье. — Она там того-этого — ку-ку.

Томка глубоко вдохнула. Судя по тому, как изъяснялся громила, за труды Беатрис Поттер он взялся слишком рано.

— Что значит «того-этого ку-ку»? Ее убили? Отравили, как у вас принято?

— Не, — отмахнулся портье. — Я ж говорю, она ку-ку, с катушек слетела. Покатилась на Сан-Клементе. Раньше там дурдом был.

Томка с трудом проралась сквозь путаные объяснения.

— В смысле, в моем номере сошла с ума русская актриса?

— Именно. Жуть история — все зеркала перебила. Бывает же: утром, вроде, звезда, а вечером бац — и слюни пускаешь... Жизнь она того — странная штука.

— И не говорите... — пробормотала Томка. Совпадения совпадениями, но не слишком ли их много? Мистика какая-то, так не бывает.

— Я к чему рассказываю-то. Вы там, наверху, не пугайтесьшибко. Мы в той комнате ничего не меняли, это ж того — история. У нас, чтоб историю менять, ремонт там сделать, разрешение от властей нужно. А без взятки его не получишь.

Портье щелкнул зажигалкой. Дрожащий язычок пламени осветил его лицо.

— А так — *benvenguto!*

Думая о теории вероятностей, и о том, когда случайное совпадение перестает таковым являться, Томка шагнула к лестнице. Но портье ее окликнул:

— Ээ... синьорина?

— Да?

— Вы, вроде того, с собакой?

Томка опустила взгляд.

— Можно сказать и так. Хотя, чтобы знать наверняка, нужен анализ ДНК.

— Но это... — бородач посмотрел в гроссбух. — В вашей заявке ничего нет про домашних животных. У нас нельзя со зверями-то...

— Правда? — Томка состроила невинную физиономию. Глаза ее округлились, ресницы захлопали... Прямо ангел наивности во плоти. — А я не знала. И что же делать? Оставить его снаружи?

Она рассчитывала, что человек, читающий книжки Беатрис Поттер, не выгонит бедную собачку на улицу в дождь. Определение «бедная собачка» к Снуппи подходило с большой натяжкой, но иногда стоит и рискнуть.

Глядя на девушку, портье поперхнулся дымом.

— Нет... кхм... конечно нет. Он всех распугает там, снаружи-то...

— А если увидит полиция — выпишут штраф, — со знанием дела сказала Томка.

— Ладно, — сжался портье, — с полицией лучше не связываться.

Он поежился — видимо, связываться ему приходилось. Томка тепло ему улыбнулась: вот он, собрат по несчастью, безвинная жертва итальянской полиции.

— Но это... Вы из номера-то его не выпускайте. И следите, чтоб не погрыз чего.

— Само собой, — заверила его Томка. — Привяжу морским узлом к ножке кровати. Шагу лишнего не сделает.

Снуппи возмущенно хрюкнул, но с его мнением никто здесь не считался.

— И еще... Доплатить надо.

Томка замерла, уставившись на портье. Улыбка ее скисла, как у человека, который, откусив кусок шоколадного торта, вдруг обнаружил, что кондитер перепутал сахар с крысиным ядом. Порттье же, как ни в чем не бывало, почесал свою жуткую бороду. Теплота к этому типу исчезла мгновенно.

— Сколько? — в горле неприятно запершило.

— Тридцать евро? — предложил портье.

Томка сдавленно вскрикнула. Сумма, может, и не крупная, особенно по венецианским меркам, но в любом случае она больше той, которую девушка могла себе позволить. Но Томка догадалась, что деньги отправятся прямиком в карман портье, минуя руководство отеля. А раз так, стоило поторговаться.

— Пять евро, — сказала она.

— Что?! — сигарета выпала из пальцев громилы. — Но... Синьора!!!

На этом слова у него кончились. Оскорбленный в лучших чувствах, портье забулькал, как закипающий чайник. На долю

секунды Томке стало его жалко, но она не собиралась идти на поводу эмоций.

— Пять евро, — повторила она голосом тверже стали.

Приняв ответное бульканье за согласие, Томка положила банкноту на стол и быстро, пока портье не опомнился, прошла к лестнице. За спиной раздался мучительный стон.

— Buonanotte! — хихикнула Томка и затопала по ступенькам.

Едва девушка переступила порог номера, ноги враз налились свинцом; в остальном же Томка чувствовала себя так, будто ее придавило тонной кирпичей.

Прошедший день был по-настоящему безумным. На Томку обрушилось столько всего, что она едва поспевала за событиями. Думать же об усталости у нее не было времени.

Но, как выяснилось, усталость только караулила момент. Марк Аврелий как-то сказал, что с человеком не случается ничего такого, чего он не смог бы вынести. Сейчас Томка могла бы и в глаз дать за подобные утверждения. Девушке казалось, что еще минута, и она уже не сможет стоять на ногах.

В крошечном номере еле-еле уместились кровать, пара стульев и узкий шкаф. На одной стене висела пустая рама старинного зеркала, рядом красовались два цветных пятна. Опытным взглядом Томка определила афиши, но рассмотреть их не получалось — взгляд раз за разом обращался к застеленной кровати. Стоило ее увидеть, и Томка уже не могла думать о чем-либо ином.

Волоча ноги, Томка добралась до ложа. С каждой секундой мыслей в голове становилось все меньше.

— Прости, приятель, — Томка намотала поводок Снуппи на спинку кровати. — Я обещала тебя... чтобы...

Девушка зевнула, едва не вывихнув челюсть, а пять секунд спустя мирно посапывала, не удосужившись даже снять ботинки.

Пронеслась она с первыми птицами. Это не было поэтическим сравнением: на узком карнизе два жирных голубя устроили свару, стучась в стекло и возмутительно громко воркуя.

Томка застонала. Ну, нельзя же так! Будить людей в такую рань — бесчеловечно. Тут даже самый убежденный гринписовец поступил бы принципами.

Некоторое время девушка таращилась на потолок, пытаясь одновременно решить ряд философских вопросов. Кто она? Где она? И какого черта здесь делает?

За окном было привычно-серое питерское утро. Туман, мелкий дождь со снегом... Только комната совсем не походила на ее уютную квартирку на Петроградке. Та была больше и чище, с потолка там не осипалась штукатурка, а главное — там не было столь отвратительного резкого запаха. Наконец память сжалась и подбросила ей пару-другую образов: узкие калле, толпы туристов, темно-зеленая вода Большого Канала и парящий над городом купол собора Святого Марка... Она в Венеции!

На этом бы памяти остановиться, но та разошлась и заодно вывалила на Томку все обстоятельства прибытия в город. В мельчайших подробностях.

— О, черт... — девушка перевернулась на бок.

Сон — лучший целитель, но на сей раз он подкачал. Томка чувствовала себя совсем разбитой, будто из нее вытащили все внутренности, кости и мышцы, пропустили через мясорубку, а затем кое-как затолкали обратно. Хватило же ума уснуть в одежде, скорчившись, как знак вопроса! Теперь вот приходится расплачиваться.

Кое-как Томка заставила себя подняться. Первым делом она увидела Снуппи — не самое приятное зрелище со сна. Пес сидел у края кровати, глядя на девушку левым глазом. Правый был устремлен в пустоту. От кровати до двери растеклась лужа, огромная как Средиземное море.

— Черт... — повторила Томка, будто это могло исправить ситуацию.

Горничная, если в этой дыре такая имеется, не обрадуется, когда придет убирать номер. Томка посмотрела на следы ботинок на покрывале... Совсем не обрадуется.

Пес заворчал, приветствуя девушку.

— Доброе утро, — буркнула Томка.

Она проковыляла в ванную комнату — чулан размером с гроб. Над раковиной висел кривой осколок зеркала, и Томка уставилась на свое отражение. Хороша... Лицо помятое, волосы торчком, веки опухшие, и на всю щеку — узор из красных полос. С таким лицом впору играть маленькую Бабу-Ягу на детских утренниках.

Но пара горстей ледяной воды помогли прийти в чувство. Не сказать, чтобы Томка сразу посвежела и распустилась, точно роза поутру, однако она сделала большой шаг в эту сторону. Приведя себя в относительный порядок, Томка выбралась из ванной, готовая к новым подвигам. А еще — жутко голодная. Желудок, до сих пор лишь вежливо намекавший, что неплохо бы его наполнить, решил, что с него хватит. Ему обещали *risotto di mare* и обманули, но больше терпеть он не собирался. Должен быть предел издевательствам!

Глядя на Томку, можно было подумать, что питается она исключительно росой и цветочной пыльцой. Маленькая, худенькая, гибкая — как же иначе? Но молодые люди, приглашавшие ее в кафе, быстро узнавали, что на Томке не сэкономишь. Подобно птичке колибри, способной за день слопать нектара в два раза больше собственного веса, Томка не ограничивала себя в еде. Что, кстати, никак не сказывалось на весе и на фигуре. Как говорила мать — не в коня корм.

Без еды же Томка становилась раздражительной, вспыльчивой, несдержанной, нервной и склонной к необдуманным поступкам. По душевному спокойствию Томка приближалась к вулкану за несколько секунд до извержения, а урчание в животе подчеркивало сходство.

Темнокожие туземцы, живущие рядом с вулканами, знают — чтобы их успокоить, нужно что-нибудь бросить в жерло. Фрукты, дары моря, жаренную на вертеле свинью... На худой конец сойдет и пара-другая прекрасных девственниц. И если насчет

девственниц у Томки были сомнения, то от жареной свинины она бы не отказалась. Обгладала бы до последней косточки.

Томка выгребла из карманов всю имеющуюся наличность. После самых скрупулезных подсчетов выяснилось, что у нее есть двадцать два евро. Не густо, прямо скажем. Томка трижды пересчитала деньги, вывернула карманы в поисках затерявшейся монетки, но сумма не увеличилась. На завтрак этого хватит, но вот про обед можно забыть. А ведь еще нужно накормить собаку... И судя по взглядам, которые Снуппи бросал на девушку, лучше сделать это как можно скорее.

— Собирайся, — сказала Томка, рассовывая деньги по карманам. — Поищем, чем бы заморить червячка...

Пес тут же вскочил, радостно виляя хвостом. Томка даже не ожидала от него такой прыти.

Томка уже направилась к выходу, когда взгляд зацепился за два разноцветных пятна на стене. Точно! Афиши, которые остались от актрисы, снимавшей этот номер. Томка и думать о них забыла, занятая мыслями о хлебе насыщенном.

Развернувшись на пятках, Томка вернулась к стене.

Афиши и впрямь оказались очень старыми. Краска выцвела от летнего солнца и зимней сырости, изображение едва просматривалось.

На одной из них была нарисована темноволосая девушка в обтягивающем серебристом костюмчике, повисшая вниз головой на обруче. Внизу извивались рыжие языки пламени, а надпись огромными буквами гласила: «Гуттаперчевая Принцесса: Чудесное Спасение».

На второй афише та же самая девушка пыталась изобразить морской узел. У Томки ушло несколько долгих секунд, чтобы разобраться, где у Принцессы руки, где ноги, и каким образом человек может так изогнуться. Если бы Томка увидела девушку вживую, то, не задумываясь, направила бы ее на прием к своей матери — признанному травматологу. Однако девушка

с афиши явно не испытывала неудобств и улыбалась широкой жизнерадостной улыбкой.

Текста на этом плакате оказалось немного больше:

«Гуттаперчевая Принцесса!

Спешите!

Только одно представление!

Невероятная гимнастка из России — Тамара Вегенер!

Звезда «Гран-Гриньоля» и «Лунапарка»!

Чудеса акробатики и магические иллюзии!»

Томка провела пальцем по лицу девушки. Вот оно как получается...

Томка даже не знала, что ее назвали в честь прабабки. И тут такой поворот. Считай, сто лет прошло, и вот она — тоже актриса, тоже Тамара, стоит в той самой комнате, где произошло несчастье... Да они и внешне похожи! Это было заметно даже на рисованном плакате.

Томка поежилась. Вдоль позвоночника словно пробежало липкое мохноногое существо вроде многоножки. Прабабка Тамара впрыгнула в ее жизнь точно чертик из табакерки, и теперь девушка спотыкалась об нее на каждом шагу. Томка знала, что некоторые родственники бывают чересчур назойливыми, но чтобы настолько... Должно быть, нечто подобное испытывал Гамлет, когда за ним стал расхаживать дух отца.

За спиной послышалось недовольное ворчание. Снуппи решил напомнить, что пора бы прекратить возиться с семейными тайнами и в плотную заняться поисками завтрака. От завтрака есть хоть какая-то польза, а от семейных тайн — одни неприятности.

— Погоди минутку, — сказала Томка. — Я сейчас...

Она поддела край афиши ногтем, и тот легко отошел от стены. Похоже, с годами клей рассохся и растерял все свойства. Томка остановилась. Вчера портье сказал, что в комнате ничего не меняли, сохраняя историческую достоверность. Вряд ли в администрации отеля ее похвалят за то, что она отодрала

афишу. Но с другой стороны — у нее есть все права на этот плакат. Если не юридические, то, как минимум, моральные. Афиша принадлежала ее прабабке, а это, считай, то же самое, что семейные драгоценности.

Томка потянула посильнее. Афиша громко хрустнула, в воздух поднялось облачко бумажной пыли. Девушка тут же расчихалась, кулачками утирая заслезившиеся глаза. Снуппи громко заскулил, забегал кругами, пару раз рванулся к выходу, пытаясь оттащить Томку.

— Погоди же ты!

Едва пыль улеглась, Томка продолжила работу. Под афишой она заметила темный прямоугольник, и любопытство не позволило остановиться на полпути. Старая бумага трещала и ломалась, но Томке все же удалось снять ее без особых потерь. Под одним плакатом оказался другой.

Томка отступила на пару шагов, разглядывая новую афишу. С этим плакатом время обошлось не в пример снисходительнее. Краски блестели так, будто афиша только выползла из типографского станка. Томка едва не зажмурилась. Мерзкая мохноногая многоножка страха вновь пробежала по спине.

Фон афиши был черным, словно рисовали его нефтью, а в шапке алели большие буквы в стилизованном цирковом стиле:

«ТЕАТР КОШМАРОВ ДОКТОРА КОППЕЛИУСА».

Томка не возражала против этих слов по отдельности, но вместе они заставили многоножку носиться как угорелую — и девушка не могла объяснить, почему.

Под заголовком был нарисован жуткого вида карлик в пелерине, цилиндре и с тростью в руке. Лицо его скрывала вытянутая маска — знаменитая «доктор чумы». Из всех масок Карнавала эта, пожалуй, самая страшная. Ни классическая «вольто», наводящая на мысли о покойниках, ни «баута», ни «капитан» с длинным носом с ней не сравнятся. У прочих масок лицо человеческое, а у «доктора чумы» — уродливая птичья голова. Черные провалы на месте глазниц не улучшали впечатления.

Словно у карлика, доктора Коппелиуса, вместо головы оказался выбеленный птичий череп.

Сперва Томке показалось, что кроме этого типа на афише больше ничего нет. Но стоило приглядеться, как из черноты простили перекошенные лица и фигуры. Некоторые из них были человеческими, некоторые — не совсем человеческими, остальные — совсем не человеческими. Подобную картину мог нарисовать художник, который учился живописи у Иеронима Босха, а вдохновение черпал пряником из мозга Г. Ф. Лавкрафта. Неудивительно, что прабабка решила заклеить плакат. Увидишь такой посреди ночи и долго потом будешь заикаться.

— Жуть, правда? — Томка кивком указала на афишу. — Не хотелось бы мне встречаться с этим типом... По сравнению с ним даже ты выглядишь писанным красавцем.

Снулли возмущенно зарычал. Сравнение ему не понравилось: сам он был очень высокого мнения о своей внешности. Пес снова потянул Томку к двери.

— Ладно, ладно, — сдалась она. — Пойдем.

Снулли рванулся вперед, фактически вытащив Томку из номера.

Но девушке стоило немалых трудов не обернуться, и уходила она с твердым убеждением, что доктор Коппелиус смотрит ей вслед.

Найти в Венеции место, где можно подкрепиться, не сложно. Город сто лет живет исключительно за счет туристов, а турист — существо вечно голодное. Одуревшие от красот архитектуры и бесчисленных Тицианов и Гинторетто, гости города готовы на все ради тарелки *zuppa di pesce*, и предпримчивые венецианцы давно разобрались, что к чему. Однако, как вскоре выяснила Томка, чтобы нормально позавтракать в Венеции, нужно входить в первую десятку «Forbes». И далеко не факт, что к обеду ты в этой десятке останешься.

Когда Томка только готовилась к поездке, она собиралась первым делом наведаться в легендарное кафе «Флориан» на

площади Сан-Марко. Томка читала про него в Интернете: старейшее кафе Европы, в котором бывали Гете, Байрон, Хемингуэй и сонмы других знаменитостей. А еще она читала, что чашка кофе размером с наперсток стоит там десять евро. Сейчас от этого заведения ей стоило держаться на расстоянии пушечного выстрела. Томка не могла поручиться, что не спустит всю наличность на кофе с микроскопической булочкой, поддавшись очарованию места.

Пришлось довольствоваться совсем не венецианским блюдом под названием гирос, которое ее вынудил купить словоохотливый грек. Томка — сама на одну восьмую гречанка — не устояла перед зовом крови. Гирос на проверку оказался обыкновенной шаурмой, вернее ее компонентами, которые продавец вывалил в картонную коробочку по принципу «все равно в жизни перемешается». С этой коробкой Томка устроилась на крошечной кампо. Уселась на запечатанный колодец из пожелтевшего мрамора и то и дело подбрасывала кусочки мяса Снуппи.

Когда желудок получил ему причитающееся и успокоился, пришло время решать, что же делать дальше. Самым разумным казалось вернуться в Сан-Поло и продолжить поиски магазинчика Лауры. Но вчерашние блуждания здорово подорвали ее энтузиазм, и Томке не хотелось впустую потратить еще один день. Нужно разработать другой план... Томка задумалась. Случайный прохожий мог бы принять ее за миниатюрную копию роденовского «Мыслителя» — поза, в которой сидела девушка, наводила на подобные мысли.

Мимо прошел человек, одетый по последней моде восемнадцатого столетия — пышный камзол, треуголка с перьями и при шпаге. Удивительного в этом ничего не было: до Карнавала оставалось несколько дней, калле и кампо ломились от желающих похвастаться своими костюмами.

Томка скользнула взглядом по разряженному типу и вдруг в голове словно что-то щелкнуло. Это было именно то, что принято называть «вспышкой озарения». Обычно такие «вспышки»

добром не заканчивались. Пример тому — идея забраться на ходули, оставившая ее на весь мир как «сумасшедшую русскую». Но сейчас мысль была что надо! Стопроцентная гарантия.

Как она могла забыть! Лаура говорила, что сегодня собирается на прием к графине М., и звала с собой Томку, обещала внести в список гостей... Вот где нужно ее искать, а не бегать по городу, скребясь в каждую дверь, точно слепой котенок. Найти палаццо графини куда проще, чем безымянный магазин игрушек. В чем девушка убедилась, спросив дорогу у грека, продавшего ей гирос.

— Дом графини? Конечно, знаю! — радостно воскликнул продавец и полчаса объяснял, как пройти к палаццо, которое находилось в паре кварталов. В Венеции не любят прямых путей и простых решений.

Решив этот вопрос, Томка заметно повеселела. А тут еще и ветер с Лагуны разогнал облака, на небе засияло солнце. В такой замечательный день просто преступление ходить с кислой физиономией. И Томка заулыбалась всему миру, сияя как свежеотчеканенная монета.

Оставалась, правда, одна небольшая проблема. В поезде Лаура обронила пару слов о том, что на вечере у графини нужна маска. А из того, что Томка читала о великосветских приемах, одно правило она усвоила твердо: не будешь соблюдать дресс-код, тебя на порог не пустят, будь ты хоть Папа Римский, хоть Королева Английская.

Томка и сама умела делать маски из папье-маше, но сейчас у нее не было ни красок, ни материалов, ни времени. Выход оставался один: купить. Благо, этого добра навалом в каждой сувенирной лавке. Надо только раздобыть денег.

Для актрисы существует не так много путей заработать. Самый очевидный — выйти на подмостки. А так как Томка — актриса уличного театра, их и искать не надо. Прямо перед ней раскинулась лучшая сцена во Вселенной. Поборники шекспировской школы могли бы поспорить, но Томка с детства больше

любила комедию дель арте. Она могла показать пантомиму, изобразить живую статую, да мало ли способов выступления на улице? В конце концов, ради этого они с друзьями-комедиантами и собирались в Венецию.

Томка огляделась, выбирая подходящее место. Выступать, конечно, придется в одиночку и без костюма... Хотя почему в одиночку? Можно попробовать выступления с животными — публике это нравится.

— Ну, друг человека, — Томка требовательно посмотрела на Снуппи. — Умеешь ли ты показывать фокусы?

Пес ответил ей глубоким зевком. Пара туристов шарахнулась в сторону, заметив его коллекцию зубов.

— Посмотрим... Сидеть! — Томка подняла руку. Снуппи не шелохнулся. — Дай лапу! Голос!

По сообразительности пес не далеко ушел от бревна. Всем командам — на итальянском, русском и английском — Снуппи внимал со спокойствием статуи Будды. Тупо таращился на девушку, но ничего не делал. Томка приуныла. Все приходится делать самой...

Именно тогда девушка услышала громкий голос:

— Подходи, не робей! Евро на евро, десять на десять! Три стакана — один шарик, смотри-запоминай!

Крутила устроился на соседней калле, аккурат между лавкой, торгующей муранским стеклом, и магазином с сумочками от кутюр. Точно персонаж из сказок «Тысячи и одной ночи», он сидел по-турецки на маленьком коврике перед деревянным столиком. Так сидят сказители на восточных базарах, всегда готовые за пару монет рассказать поучительную историю. Сходство подчеркивала красная феска с кисточкой, но портило длинное мешковатое пальто табачного цвета.

Впрочем, и поучительных историй от этого типа ждать не стоило. Это был тощий человек неопределенного возраста, с лицом, наводящим на мысли о мелких грызунах, и кривой улыбкой.

— Подходи-налетай! Глаза открай и не зевай! Евро на евро, сотня на сотню! Под каким стаканчиком шарик? Кручу-верчу...

Длинные красные пальцы мелькали над металлическими стаканчиками, под которыми перекатывался шарик размером с мячик для гольфа. Крутила даже не глядел на орудия производства, высматривая очередную жертву.

И жертвы не заставили себя ждать. Перед столиком остановилась пожилая семейная пара. Немцы, скорее всего — выражение лиц свидетельствовало о хроническом злоупотреблении тушеной капустой. Крутила сосредоточился на клиентах.

— Первая игра совсем бесплатно! Раз, два, три — где мячик? Вам ничего не стоит, не бойтесь... Абсолютно, совершенно бесплатно!

Помедлив, мужчина — похожий на преуспевающего бухгалтера — указал пальцем на левый стаканчик. Само собой, мячик оказался именно там.

— Какая удивительная, потрясающая наблюдательность! Да вы, папаша, прям Соколиный Глаз! А может, еще игру? Давайте, давайте... Раз-два-три, кручу-верчу...

Стаканчики заскользили по столику. Немцы зашептались, толкая друг друга локтями, но рыбки уже проглотили наживку.

На стене над головой крутилы висел старинный барельеф: круглощекое лицо с непомерно толстыми губами и выпученными глазами. В Венеции подобные каменные рожи встречаются на каждом углу. Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на десяток-другой безобразных физиономий. Этот барельеф отличался особым уродством, однако выражение, застывшее на каменной морде, вполне подходило к сложившейся ситуации. Описать его можно простой фразой: «Вот идиоты-то!».

Перехватив поводок Снуппи, Томка подошла ближе. Жуликов она терпеть не могла, а этот тип ей особенно не понравился. Бывает такое: только взглянешь на человека и уже не можешь избавиться от неприязни. Видимо, это чувство — своеобразный антипод amore a prima vista. Томка ни секунды не сомневалась

в том, что ее долг — спасти глупых немцев. Пусть даже они сами этого не хотят.

Не прошло и пары минут, как вокруг крутилы стояло около десяти человек. Любопытство — страшная сила; всем же охота поглядеть, что происходит. Люди возбужденно переговаривались, наперебой давая советы игроку. Особо усердствовал толстый негр в мохнатой шубе и золотыми часами на каждой руке. Томка сразу определила в нем сообщника крутилы.

— Смотрим-запоминаем — у Лучано все по-честному, без обмана... Кручу-верчу... Раз-два, где шарик?

Немец указал рукой на стаканчик и на этот раз угадал. Лучано вел игру умело — то давая туристу выиграть раунд, то проиграть, чтобы не возникло лишних подозрений. Каждый выигрыш обставлялся с помпой, проигрыши быстро заминались. Казалось, немец ведет в счете, на деле все держалось по нулям. Крутила с ловкостью умелого рыболова то и дело ослаблял леску, но медленно и верно подтягивал добычу к садку.

В глазах туриста огнем полыхала алчность. Наорав на супругу, проблеявшую про то, что им надо спешить, он вытащил кошелек и кинул на столик две купюры по пятьдесят. Игра пошла по крупному.

— Ого! — изумленно вскричал Лучано. — Да ты рисковый парень! Фортуна улыбается смелым! Раз-два-три — где шарик?

Томка поджала губы. Другой бы на ее месте махнул рукой: роет человек себе могилу — его право. Она не подписывалась спасать каждого встречного-поперечного и туристу этому ничем не обязана. Но обостренное чувство справедливости хуже, чем камешек в ботинке — от него так просто не избавишься.

Беда в том, что Томка плохо представляла, как помочь туристу. Сказать, что крутила жульничает? Так турист и сам это знает. Но в его голове занозой засела мысль, что можно перехитрить мошенника. Без фронтальной лоботомии здесь не обойтись.

Тем временем ставки за столом поползли вверх. Сто, двести, пятьсот... Во взгляде туриста промелькнуло беспокойство.

Томка заметила, как напрягся Лучано. Сейчас главное не упустить добычу, вовремя подсечь рыбешку, пока та не сорвалась с крючка. Крутила быстро подмигнул толстяку-негру и тот вступил в дело.

— Слыши, брат, — негр фамильярно толкнул туриста кулаком в плечо. — У тебя глаз-алмаз-супер! Давай вскладчину, а?

— Что? — растерялся немец.

— Вот мои пять сотен, — из кармана шубы негр достал пачку мятых купюр. — Ты даешь пять сотен, выигрыш пополам, а?

— Но...

— Давай, брат! Верняк стопроцентный, йоу!

Предсказать дальнейшее развитие событий было не сложно. Разумеется, турист согласится — как не согласишься, когда деньги сами плывут в руки? Стаканчики закрутятся и на этот раз, он точно увидит, где мячик. Негр, конечно, предложит другой вариант, но примет выбор туриста: ты, брат, глаз-алмаз, я тебе доверяю. Только под выбранным стаканчиком мячика не окажется. Минус пять сотен. Но это не все — мячик окажется под тем стаканчиком, на который укажет негр. И тот устроит бучу: я тебе, доверял, брат, а ты... Ты в сговоре с этим гадом! Спорить здесь бесполезно: всем известно, что венецианские мавры — народ вспыльчивый и склонный к насилию. Как итог: минус еще пять сотен. Тысяча евро чистой прибыли.

— Эй! — вскрикнула Томка. — Я тоже с вами! Вот, десять евро.

Толстяк-негр вздрогнул; выглядело так, будто кто-то пнул наваристый холдец. Лучано метнул в сторону девушки злой взгляд — в таких играх лишние игроки ни к чему. Но Томка состроила физиономию наивной дурочки: глаза на пол-лица, ресницы так и хлопают. Ухмылочка Лучано стала кривее. Десять евро тоже деньги, а сейчас выигрыш был предрешен.

— О! Прекрасная синьорина захотела пощекотать нервы! — на слове «прекрасная» Лучано поморщился, девица была не в его вкусе. — Так и быть! Раз-два-три! Кручу-верчу, где шарик?

Руки замелькали над столом, стаканчики задвигались, шарик перекатывался из одного в другой. Высунув язык от усердия, турист следил за его перемещениями. Пот стекал по его лбу потоками, сделавшими бы честь Ниагарскому водопаду.

— Раз-два-три — готово! Где шарик?

Турист шумно выдохнул. На губах появилась довольная улыбка, что, впрочем, его не красило. Лицо, закаленное тушеною капустой, улыбкой не спасти. Но он не мог не улыбаться... Он же видел! В самом конце крутила допустил крошечную ошибку — слишком сильно наклонил один из стаканчиков, и на долю секунды турист успел заметить шарик. Как выразился его новый темнокожий друг, это был именно «стопроцентный верняк».

— Здесь, — дрожащим пальцем турист указал на средний стаканчик.

На самом деле мячика не было ни под одним из кубков. Крутила в последний момент убрал его из игры, чтобы вернуть, когда придет срок.

— Может, тут? — толстяк-негр указал на левый кубок. — Мне показалось...

— Нет, — прохрипел немец, лицо его пошло красными пятнами. — Я точно видел.

— Ну, брат, ты глаз-алмаз... А синьора что заметила?

Томка улыбнулась. Вот сволочь-то! Решил свалить часть вины на нее. Ладно...

— Точно под средним.

С этими словами, прежде чем кто-либо опомнился, Томка перевернула два крайних стаканчика. Под которыми ничего не было.

Существует легенда о девице, отец которой задолжал одному противному типу. И тот сказал: отдавай либо деньги, либо дочь. А чтобы придать легитимность сделке, он решил превратить ее в игру. Взял два камня и сказал девице: вытащишь из шляпы белый — прошу долги, вытащишь черный — отправляйся под

венец. Только девица заметила, что на самом деле он положил в шляпу два черных камня.

Казалось бы, безвыходная ситуация, однако девица придерживалась мнения, что безвыходных ситуаций не бывает. Она достала из шляпы камень (черный) и вместо того, чтобы показать его судьям, зашвырнула как можно дальше. Противный тип начал возмущаться, однако девица заявила, что проблемы нет. Достаточно посмотреть, какого цвета оставшийся камень: если он черный, значит, первый камень был белым.

Именно этой методикой и воспользовалась Томка. Раз под крайними стаканчиками не оказалось шарика, он должен быть под средним. А то, что он находился в руке у Лучано, роли уже не играло. Единственный стаканчик, под который жулик мог подложить мячик, был именно тот, который назвал немецкий турист. А не класть его туда не получится: основное правило этой игры заключается в том, что она должна выглядеть честной. Вокруг них собралась небольшая толпа, и откровенного жульничества крутиле не простят. Кто-нибудь схватит за руку, другой позовет полицию...

Томка позволила себе торжествующую улыбку. Где-то рядом девушка услышала сдавленный хрип — это до немецкого туриста дошло, что он выиграл.

Остальная толпа притихла. Подобного поворота никто не ожидал. Прошло не меньше минуты, прежде чем за спиной кто-то зааплодировал. За это время Лучано успел мысленно четвертовать Томку, сжечь и развеять прах над Большим Каналом. Фантазия у него была богатая. Толстяк-негр громко глотал воздух, напоминая жабу, которую тошнит жуком. Окажись он сейчас на одной из тех выставок, где Снуппи брал призы, мог бы составить конкуренцию псу.

— Ух ты! — радостно сказала Томка. — Мы выиграли!

Скрипнув зубами так, что слышно было в Милане, крутила перевернул последний стаканчик. Мячик покатился по столу.

— Браво! — послышалось из толпы. — Ты сделал его, мужик!

Кто-то хлопнул ошалевшего немца по спине, кто-то громко расхохотался. Отовсюду доносились поздравления — кому не нравится смотреть на торжество справедливости?

Лучано уставился на Томку. Левый глаз его дергался. Казалось, еще немного, и бандит вцепится девушке в горло и будет трясти до тех пор, пока у нее не отвалится голова. Томка не удержалась и подмигнула.

— Йоу братан! — сиплым голосом сказал негр. — Во пруха пошла! Давай еще раз, глаз-алмаз... На все — миллионерами будем!

Немец беспомощно заморгал. Он не оправился от первого выигрыша, а фортуна уже манила его новыми деньгами. Рыбы на крючке отличаются редким слабоумием.

Жена туриста с мольбой посмотрела на Томку; видать, женским чутьем поняла, что они союзники. Девушка быстро кивнула:

— А у него есть, на что играть? Пусть за эту партию рассчитается, а потом покажет деньги.

Люди за спиной одобрительно загудели. Выигрыш выигрышем, но денег-то никто не видел. А речь шла о крупной сумме.

Стиснув зубы, крутила вытащил из кармана пачку мятых купюр. Еле-еле наскреб нужную сумму; о новой партии не могло идти и речи.

— То-то же, — сказала Томка, забирая деньги. — Приятно иметь дело с честными людьми!

— Эй! — возмутился негр. — Тут и мои бабки!

— Конечно, — согласилась Томка. Она быстро отсчитала свою долю и долю туриста, а остальное вернула на столик. — Пожалуйста, мне чужого не надо.

Толстяк засопел, косясь на Лучано. Но тот ничего не сказал, лицо его стало белее мела. Томка повернулась к супруге ошарашенного немца.

— Это ваше, — сказала она по-немецки, отдавая деньги. — Минус комиссионные. А теперь — уходите. Gehen schneller.

Та сразу смекнула, что к чему.

— Danke...

Схватив мужа под локоть, она поволокла его прочь. Томка и сама понимала, что нужно уходить. Но не успела она шагнуть в сторону, как рядом оказался толстый негр.

— Вот спасибо, сестра! Ты ж меня озолотила, йоу! Гадом буду, если не угощу тебя выпивкой!

Вцепившись Томке в плечо, он наклонился к самому уху.

— Слыши, коза, — прошептал он, влажно дыша. — Че за игры, а? Ты на кого работаешь?

— Пусти, — Томка попыталась вырваться, но толстяк сильнее сжал пальцы.

— Ты попала, слышь. На штуку фантиков попала. Я ж твои пальчики случайно, того...

— А ты вниз посмотри, — сказала Томка, взглянув негру прямо в глаза.

Тот опустил взгляд. Ойкнул... И вновь стал похож на холодец во время землетрясения. Вид самой уродливой собаки в мире оказывает на людей удивительное действие. До сих пор негр не замечал пса — был слишком увлечен игрой, но сейчас их глаза встретились. Снуппи с наслаждением зевнул. Послышался низкий рев. На самом деле Снуппи не зарычал, у него так бурчало в животе.

— А... — все три подбородка негра мелко задрожали.

— Он сегодня мало ел, — сказала Томка. — Осторожнее с ним. Вдруг откусит чего-нибудь? Например, ногу...

— А... — сказал негр, чей словарный запас сократился до одной гласной. — А...

— Так что прошу, — Томка мягко убрала его руку. — Мне нужно покормить песика. Ciao!

И гордо задрав нос, она пошла вниз по калле. Пьянящее чувство победы прямо распирало ее — того и гляди лопнет. Томка начала настыивать одну боевую песенку из репертуара «White Stripes». Говорят, именно ее напевали Наполеон, Юлий Цезарь и Александр Македонский после каждой выигранной битвы.

Спустя несколько минут снизу донеслось басовитое гудение. То ли Снуппи решил, что они с Томкой созданы петь дуэтом, то ли у собаки опять начались проблемы с животом.

Теперь, когда у нее появилась наличие, вопрос с выступлениями отпал. Правда, половина денег сразу ушла на маску. Томка остановила выбор на «коломбине» — изящной полумаске из бархата и папье-маше, раскрашенной черными, белыми и красными ромбами. В такой маске не стыдно прийти на любой костюмированный бал.

Но пока до приема было далеко; Томка решила с толком провести время и поближе познакомиться с городом. Без особой цели и плана она бродила по узким улочкам, каждые пять минут натыкаясь на известные шедевры архитектуры и шедевры архитектуры неизвестные.

Зашла на почту, где обнаружился Интернет. Томка отправила SMS матери — мол, все хорошо, добралась, телефон забыла дома, ставить на уши итальянское консульство и Интерпол не надо. Отписалась и друзьям из театра. Приехать они должны были через пять дней, а к тому времени она будет сказочно богата. Потому Томка назначила встречу в легендарном «Флориане» на Сан-Марко, наобещала сюрпризов, но в детали вдаваться не стала.

Потом Томка опять гуляла, наобум сворачивая на первую же приглянувшуюся калле или рио. Наслаждалась вкуснейшим итальянским мороженым. Солнце сверкало, небо сияло, вода в каналах плескалась, и все в мире было хорошо.

Слежку девушка заметила спустя часа три.

Томка свернула в одну из щелей между домами (в Венеции они считаются улицами) и нос к носу столкнулась с крутилой Лучано. Ошибки здесь быть не могло. Томка отлично запомнила крысиную физиономию, дурацкую феску и мешковатое пальто. Лучано стоял, засунув руки в карманы, и явно поджигал девушку. Уголки его губ подергивались; он улыбался как

тигр, встретивший на лесной тропинке трепетную лань. За его спиной была абсолютно пустая улица.

Томка резко остановилась, вытаращившись на Лучано. По ее расчетам, немая сцена тянулась не меньше получаса. Наконец девушка, пятаясь, отступила. Бандит не двинулся с места.

После этой таинственной встречи все очарование прогулок по Венеции сошло на нет. У Томки пропало желание насвистывать, безвкусное мороженое она отдала Снуппи — пес проглотил его в один присест.

Совсем не верилось, что встреча была случайной. Вывод напрашивался сам собой — жулики за ней следили. Томка ведь не просто обвела их вокруг пальца и ударила по кошельку, так еще и подняла на смех. А в преступных сообществах такое не прощают.

Не успела мысль о слежке прийти в голову, как Томка заметила и второго бандита. Толстяк-негр стоял на углу, о чем-то толкуя с зевающим полицейским. Повернувшись к девушке, негр весело помахал рукой.

Томка тут же нырнула под ближайшую арку и прибавила шагу. Сердце застучало быстрее и быстрее... Черт! Как они ее нашли?

Арка вывела ее на набережную одного из малых каналов. Томка повернула направо и торопливо зашагала в сторону видневшегося вдалеке купола собора Святого Марка. Сейчас главное — добраться до площади, а там, среди толп туристов, она будет в безопасности. Что бы ни задумали жулики, на людях они высовываться не станут.

Однако прошла Томка совсем немного. Набережная оказалась перегорожена полукруглой ржавой решеткой с торчащими по краю шипами. Девушка тихо выругалась: вот кому и зачем понадобилось это делать? И что теперь?

Томка обернулась — вроде, никто по следу не идет... Но возвращаться она не рискнула. Лучано с приятелем могли поджидать ее в арке: там темно, никого нет — идеальное место для грязных делишек.

Как назло, на канале не было ни одной лодки. Хоть бы гондола проплыла, с охвающими и ахивающими японцами! С Томки бысталось спрыгнуть в лодку, а туристы бы порадовались неожиданному приключению. Японцы — народ сентиментальный и не откажут в помощи девушке, за которой гонятся бандиты. Только где эти бесстрашные потомки самураев? Не иначе, их гондола перевернулась на соседнем канале.

Позвать на помощь кого-то другого тоже не получится: окна, выходящие на набережную, были закрыты плотными ставнями и находились на такой высоте, что ей не дотянуться.

Дела... Томка посмотрела на темную, цвета бутылочного стекла воду. Волны вяло плескались о набережную, от канала за версту несло сырой гнилью и мазутом. Хотя до противоположного берега было рукой подать, прыгать в канал девушка побоялась. Вода была настолько темной, что не поймешь, насколько здесь глубоко. Да и вообще: зима — не подходящее время для купания. Особенно, когда не во что переодеться.

Томка двумя руками подергала прутья решетки. Расстояние же между ними было слишком маленьким. При всем своем хрупком изяществе Томка не рискнула бы протискиваться. Не хватало еще застрять, как лиса в капкане.

А ведь еще был Снуппи. Пес мог пролезть через решетку только по частям и вряд ли он согласится на подобные эксперименты. Хотя... Кого интересует его мнение? В отношениях человека и собаки демократия неприемлема.

— Иди-ка сюда, — елейным голоском проговорила Томка. — Кис-кис... Тыфу!

Она запнулась, сообразив, что понятия не имеет, как правильно подзывать собаку.

Снуппи дернулся. Елейным голоскам он не доверял, и справедливо заподозрил неладное. Он сидел на краю набережной и любовался своим отражением в темно-зеленой воде, погруженный в думы самого философского свойства. А тут елейные голоса... Покосившись на Томку, пес решил, что связываться

с этой двуногой не стоит. Слишком уж хитрющая рожа, жди беды. Лучше сидеть и не двигаться — может, тогда двуногая подумает, что его здесь нет?

Осуществлению этого блестящего плана помешал поводок, который Томка методично наматывала на кулак. Снуппи вдруг сообразил, что ему неудобно сидеть и таращиться в воду. Да и дыхание стало несколько затрудненным. Пес привстал, подвинулся, однако ему не полегчало.

— Кому сказала, иди сюда! — вдруг прогрохотал голос, который Снуппи, по простоте душевной, принял за глас Собачьего Бога. — К ноге!

Резкий рывок сбил его с ног. Не успел пес опомниться, неведомая сила поволокла его по камням. А спустя пару мгновений Снуппи сообразил, что висит в воздухе. Он в панике задрыгал ногами.

— Ай! — Собачий Бог был явно не в духе. — Черт! Ты мне чуть глаз...

Именно тогда пес увидел, куда же несет его неведомая сила. Перед левым глазом заплясали острые палки. Снуппи понятия не имел, что такое решетка ограды, но догадывался, что падение на острые палки добром не закончится. А неведомая сила оказалась не такой уж сильной, и с трудом удерживала его в воздухе. Пытаясь спастись, Снуппи извивался, скулил, рычал, клацал челюстями...

— Да не дергайся... Вот дрянь! Больно же!

Сила протолкнула его меж двух кольев и испарилась. На долю секунды Снуппи охватило пьянящее чувство свободы. Он же летит! «Ну-ну», — сказала гравитация, и с мягким «шмяк!» пес упал на землю. Где и остался лежать, крутя головой.

— Уф... — выдохнула Томка, наматывая поводок на ограду.

Пес был тяжелым, да еще и брыкался, как взбесившаяся лошадь. Он поцарапал ей щеку и только чудом не выбил глаз и пару зубов. Не со зла, конечно, но неприятный осадок остался.

— Сиди и не рыпайся, — рявкнула Томка и вытерла со щеки кровь. Снуппи жалобно булькнул.

Оставалось перелезть самой. Томка взялась двумя руками за торчащий вбок над каналом остроконечный прут. Трюк был элементарный: повиснуть, переставить руки и подтянуться. Делала и гораздо сложнее... Раз, два, три.

Но когда девушка уже висела, болтая ногами, над зелеными водами, в стене дома открылась неприметная дверь. На набережную, ухмыляясь, вышел Лучано.

Томка дернулась, будто по решетке пропустили электрический ток. Первым побуждением было разжать пальцы и спрыгнуть в воду. Однако она осталась висеть. Не могла же она бросить Снуппи! Пес был привязан, сбежать не мог, а с такого типа, как Лучано, станется выместить злобу на беззащитном животном. И пусть у Снуппи была пасть, которой завидовали все крокодилы к югу от Лимпопо, от аэрозоля в глаза она не спасет.

— Saluto, — крутила опустился на корточки рядом с решеткой, закурил сигарету. — Неожиданная встреча, а?

Он глубоко затянулся и выдохнул Томке в лицо облако вонючего дыма. Девушка промолчала. Думала она о том, как же Лучано ее выследил? Не может быть, чтобы она была настолько предсказуемой.

Лучано словно прочитал ее мысли:

— Хотела от нас сбежать? — проговорил он противным шипящим голосом. — От мафии никто не уходил, дура. Надо — из-под земли достанем. У нас свои методы. Особенные.

С этими словами Лучано подбросил в воздух что-то блестящее — то ли монету, то ли серебристый медальон. Томка не успела разглядеть, что именно. Крутила поймал брошенный предмет и спрятал в карман.

Томка сверлила его глазами. Ха! От мафии! Этот Лучано — мелкий уличный жулик, если он и связан с таинственной и зловещей организацией, то лишь самым краешком. Например — платил, чтобы его не трогали. А туда же...

Девушка удержалась от презрительного фырканья только потому, что в ее положении особо не пофыркаешь. Она уже начала

уставать; время, которое можно провисеть на полусогнутых руках, не бесконечно. Дернешься вбок — можно напороться на один из острых штырей; повиснешь на расслабленных руках — тут же окажешься по щиколотку в воде. Глупо, конечно, думать сейчас о мокрых ботинках, но к чему приумножать неприятности?

Лучано не замедлил отпустить замечание по поводу ее положения:

— Клево смотреть, как ты извиваешься. Самый настоящий цирк!

Ответом ему был скрежет зубов. Ни слова она не скажет этому гаду! Лучано выдохнул ей в лицо еще одно облако дыма. У Томки аж глаза защипало и засвербело в носу.

Тем временем на набережную вышел толстяк-негр в мохнатой шубе. Стоило ему увидеть Томку, лицо его растянулось в такой улыбке, что того и гляди треснет.

— Йоу! — негр хлопнул себя по коленям. — Круто ты ее подловил!

— Заткнись, а? — лениво протянул Лучано.

— Может того, брат, макнем ее? — предложил толстяк. — Поддержим головкой в канале? Попьет водички... А?

— Бобо, ты идиот, — сказал Лучано. — На кой черт нам ее топить? Сними ее лучше.

— Как скажешь, брат, — негр пожал плечами. — А че с ней делать-то?

— Я думаю...

Негр шагнул к девушке и, схватив за руку и поперек талии, вытащил на набережную.

— Ну че, коза? — проговорил он. — Как теперь запоешь?

Снуппи приподнял голову и неодобрительно заворчал, но негр предусмотрительно держался от него на расстоянии. Томка молчала; дед, который в войну был разведчиком, всегда ей говорил — попадешь в плен, молчи как рыба. Пришла пора воспользоваться советом.

— Карманы ее проверь.

Негр быстро обыскал Томку, вытащил деньги и документы.

— Нет тут ничего. Скинула бабло. Так — мелочевка...

Он запихал наличность в карман, паспорт же перекинул Лучано.

— Где бабки, коза? — негр прижал Томку к стене, держа за горло. — На кого работаешь?

Томка бесстрашно, насколько позволяла ситуация и дрожащие коленки, встретила его взгляд. Даже заставила себя улыбнуться. Ей было страшно до жути, а улыбка не сильно прибавила уверенности. Но какого-то эффекта она добилась: негр зашипел как змея, которую переехали телегой.

— Че лыбишься? — венецианский мавр венецианским мавром, но изысканности слога ему стоило поучиться у предшественника. — Щас руку сломаю, ты у меня полыбишься...

— Погоди, Бобо, — сказал Лучано, листая паспорт. — У нас тут кое-что интересное.

— Мм? — протянул негр, слегка сжимая пальцы на шее девушки.

— Она, вроде, не местная. Из России приехала.

— Да ты че! — хватка Бобо ослабла. Томка жадно глотнула воздуха. Никогда еще смесь кислорода, азота и ряда других газов не казалась ей такой вкусной.

— Русская? Настоящая?

— Похоже на то, — Лучано взмахнул паспортом.

— А по-нашему шпарила будь здоров... Я все думал, откуда коза явилась — из Флоренции, что ль? А ты гляди — настоящая matreshka!

Томка едва не вскрикнула от обиды и возмущения. Душить ее, трясти, грозиться переломать кости — это одно. Но называть при этом матрешкой — толстой, пустой, деревянной куклой — уже слишком. Влепить бы этому типу пощечину, да рука увязнет в жирной роже.

— Слыши, не рытайся, — негр сильнее прижал девушку к стене.

— Бойкая, — хмыкнул Лучано. — Я думал, они там от морозов, как вареные курицы.

Он задумался, разглядывая Томкин паспорт. Когда же он снова посмотрел на девушку, глаза его маслянисто поблескивали.

— Знаешь, — Лучано прищурился. — А я знаю, что мы подадим Маркизу завтра на день рождения...

Бобо потребовалась пара минут, чтобы догадаться, о чем толкует коллега.

— Ее?

— Именно, — Лучано гаденько улыбнулся. Томка никогда не видела улыбающихся крыс, но теперь точно знала, как они выглядят.

Бобо почесал за ухом.

— Слышишь... А она в его вкусе? Ему ж нормальные бабы нравятся. Со всеми делами... А тут — ни рожи, ни кожи.

— Ты не понимаешь, — сказал Лучано. — Здесь же эта, экзотика. Маркиз любит такие штуки.

Лицо Бобо засияло.

— Diavolo! А ты прав... Ты, брат, прям гений какой-то!

Лучано хмыкнул.

— А че? — продолжил негр. — Маркиз порадуется... Только, давай, мы это. Купим бант, как на рождественских коробках, и на нее напялим? Подарок все ж...

Этого Томка вынести не смогла. Быть может, дедушка-разведчик и покачал бы укоризненно головой: «Где твоя выдержка, товарищ Кошкина?», но всему есть предел. Томка громко выдохнула, и слова сами сорвались с ее губ:

— Бант?!

Была у Томки знакомая — редкого ума барышня, которая однажды пришла на день рождения к молодому человеку с упаковочным бантом на голове и словами: «Лучший мой подарочек — это я!». Бывают на свете девицы, которые считают такие выходки забавными, очаровательными и милыми. Томка же была убеждена, что подобное могло прийти в голову только человеку с водянкой мозга. Кстати, того же мнения придерживался

и сам молодой человек, который, взглянув на избранницу, решил не доставать из кармана коробочку с кольцом.

Так что отношение к подарочным бантам у Томки было однозначным. Возможно, в ее положении банты были меньшей из проблем. Но как актриса Томка всегда думала об эстетической стороне вопроса.

— Гляди-ка, — протянул Лучано. — Наша куколка заболтала. А я думал, она со страху говорить разучилась.

На языке вертелось не менее дюжины ответов — один неприличнее другого. Но Томка сдержалась; не стоило опускаться до уровня этой парочки.

— Йоу! Маркиз порадуется, — хмыкнул Бобо. — Я слышал, как он говорит Щербатому Марио, что, мол, любит, когда с бабой есть о чем поболтать.

— Вот что, — сказал Лучано. — Надо отвести ее в одно мечтчко... Знаю я квартирку в Кастелло, там вопросов задавать не будут.

— Не сбежит? — Бобо выпятил нижнюю губу.

— Куда денется? — хмыкнул Лучано. — Паспорт ее у меня... А если сбежит, ты знаешь, найду я ее быстро. Глазом моргнуть не успеет.

Он постучал по карману, куда убрал блестящий металлический предмет. А спустя мгновение в его руке появился нож. Со щелчком выскочило короткое лезвие.

— А когда найду, — продолжил Лучано, — не знаю, что сделаю... Может, улыбочку пошире, может, нос покороче. Но зуб даю, мать родная ее не узнает.

Может, стоило сказать, что ее мать — врач-травматолог, и узнает ее в любом виде, но шуточка показалась Томке неуместной.

— Эй! Что здесь происходит?!

В мемуарах одной средневековой принцессы, которая полжизни провела в заточенной башне, дожидаясь чудесного спасения, Томка как-то прочитала следующий пассаж:

«... И когда я решила, что настал мой смертный час, узрела я облако пыли и услышала глас рога. Это был он, мой спаситель — рыцарь X. Сердце мое затрепетало, дыхание перехватило, глаза наполнились слезами радости, а душа воспарила, аки горлица...» т. д. и т. п.

Лучшей прививки от сентиментальной романтичности не придумаешь. Еще лет в двенадцать Томка выбила подобную дурь из головы. Вот и сейчас сердце ее ничуть не затрепетало, и никуда она не воспарила. Глаза же если и слезились, то исключительно из-за сигаретного дыма.

Вместо этого девушка обреченно застонала и выдохнула:

— Черт...

На набережной, спрятав руки в карманах длинного пальто, стоял давешний фокусник из магазина игрушек.

На рыцаря на белом коне он походил в самую последнюю очередь. У него и коня-то не было: на узкой набережной в лучшем случае мог уместиться только ослик. А это уже полумера.

Не было ни горящего взора, ни молодецкой удачи... Фокусник выглядел скорее растерянным; он немного походил на известного актера Хью Гранта, после того, как тот прокатился на карусели под названием «Чудовищная Супер-Центрифуга». А как иначе объяснить, что его темные волосы торчат во все стороны, а на губах застыла нервная улыбочка? Возглас «Эй! Что здесь происходит?!», которому полагалось быть грозным вызовом на поединок, прозвучал слишком удивленно. Любая принцесса при виде такого спасителя надула бы губки и задумалась — не подождать ли еще годик-другой.

Блуждающий взгляд фокусника остановился на девушке.

— Вы?!

— Привет, привет, — кисло сказала Томка. Все-таки, Венеция — слишком маленький город.

Фокусник замотал головой, будто пытался прогнать наваждение. Потом посмотрел на Бобо, держащего Томку; на Лучано, поигрывающего ножом... Детали мозаики сложились в цельную картину.

— Эй!

— Это че за хлыщ? — спросил Бобо. — Твой приятель, что ль?

— Проваливай, а? — сказал Лучано, поднимаясь на ноги. — Не видишь — мы заняты.

— Вижу, — кивнул фокусник. — Чем-то вы не тем заняты.

Он повернулся к Томке.

— Вы... Простите, вы в порядке?

— А вы как думаете? — ехидно спросила девушка. Эффект был сильно подпорчен тем, что голос девушки дрожал. Получилось, скорее, жалобное блеянье.

— Заткнись! — рявкнул Бобо и тряхнул Томку. Девушка едва не прикусила язык. — Ты давай, топай отсюда, брат. По-хорошему просим. Не лезь не в свое дело.

— И это, — взмахом ножа Лучано рассек воздух. — Ты не видел ничего, понял? Скажешь кому хоть слово, я ж тебя из-под земли достану. От меня еще никто не уходил. Так что давай, начинай забывать.

Фокусник нахмурился.

— Что забывать?

Бандиты переглянулись.

— Гы! Сообразительный! — фыркнул Бобо.

Взгляд, который Томка метнула в сторону фокусника, должен был размазать его по набережной. Вот они, рыцари нашего времени: ни отваги, ни коня, ни даже ослика. Стоило бандиту погрозить ножичком, и парень сдулся.

Томка не верила, что он справится с двумя мордоворотами (ставки были где-то один к пятидесяти), но он мог бы хотя бы попытаться! Девушка сжала губы и они стали тоньше, чем ниточки. Ну и ладно... Не очень-то она на него надеялась!

— Молодец! — осклабился Лучано. — А теперь вали отсюда...

Фокусник продолжал стоять.

— Вы слишком быстро говорите. Я не поспеваю за ходом ваших мыслей. Что-то забыть, видел, не видел — чушь какая-то... На чем я остановился? Синьора, эти люди вам мешают?

— Представьте себе!

— Ясно... Простите, господа, но синьорине не по нраву ваше общество. Будьте любезны, оставьте ее в покое.

Бобо уставился на него, как голодный лев на кролика, вздумавшего вежливо заметить, что царь зверей нехорошо поступает с антилопой. Томка и та поперхнулась. Кто же так разговаривает с бандитами? «Будьте любезны», «не по нраву» — они и слов таких не знают. Толстяк-негр подтвердил ее догадку.

— Ты че, дебил? — взревел негр. Оттолкнув Томку, он шагнул навстречу фокуснику. — Вали отсюда, тебе грят! И забудь, че видел!

Лучано выдохнул сквозь зубы и отступил за спину приятеля. Он нутром почуял драку, а годами накопленный опыт подсказывал, что в такие моменты самое безопасное место — в следом пятне позади Бобо.

— Как грубо, — фокусник поморщился. — Так выражаться в присутствии леди непозволительно. Будьте любезны — извинитесь.

— Че?! — очевидно, Бобо услышал еще одно незнакомое слово.

Фокусник глубоко вздохнул и повторил медленно, словно разговаривал с умственно неполноценным ребенком:

— Я говорю: извинитесь перед синьориной.

Глазки толстяка стали маленькими, точно булавочные головки. Он несколько раз фыркнул, щеки его затряслись... А затем, взревев как носорог, который сел на кактус, Бобо кинулся на фокусника.

Тогда Томка и испытала ту гамму чувств, о которых писала средневековая принцесса: сердце ее затрепетало, дыхание перехватило и, не исключено, что и душа не осталась на месте. Томка вскрикнула и рванулась наперерез толстяку, даже не думая, чем это может для нее закончиться. Разве это имело значение?

Но не успела Томка и дернуться, как ее ослепила яркая вспышка. В руках у фокусника полыхнул огненный шар, который он швырнул в лицо бандита.

Сложно сохранять спокойствие, когда в лицо тебе летит пылающий шар. Не удалось это и Бобо. Взвизгнув как поросенок, которого придавило дверью, толстяк резко затормозил, закрывая лицо руками. В ту же секунду пламя окутало его голову, превратив толстяка в этакий живой факел. Попадись он на глаза какому-нибудь огнепоклоннику, тот бы сразу опознал в нем посланца небес и рухнул бы на колени.

Длилось это считанные мгновения. Пиробумага (а это была именно она) сгорает очень быстро и без особого вреда для окружающих. Потому-то она столь популярна среди иллюзионистов. Но Бобо ничего об этом не знал.

— Я горю! Горю! — завизжал негр. — Мои глаза!

Размахивая руками, он с разбегу прыгнул в канал. Послышался громкий всплеск, взметнулся фонтан, как всегда бывает, когда в воду падает существо с габаритами гиппопотама.

Толстяка-негра можно понять. Когда кажется, что ты с ног до головы охвачен пламенем, самый верный способ избавиться от этого — искать спасения в воде. А раз под руку так удачно подвернулся канал, полный этой самой воды (пусть и холодной, грязной и дурно пахнущей), грех не воспользоваться ситуацией.

На мгновение Бобо пропал из виду, с головой погрузившись в пучину, но тут же всплыл, точно Левиафан, поднимающийся из бездны. К макушке его прилепился целлофановый пакетик.

— Я не умею плавать! — заверещал негр, молотя руками. — Я утону!

Утверждение спорное: в силу своих объемов Бобо обладал положительной плавучестью. Но в его положении сложно мыслить рационально.

Лучано ошелошло уставился на фокусника. Ставки на то, что иллюзионист уцелеет в этой переделке, стремительно подскочили вверх. Где-то до одного к десяти, принимая во внимание нож в руке бандита.

— Ты... — выдохнул Лучано, пятясь от фокусника, как от прокаженного. — Ты...

Мир так и не узнал, что же он хотел сказать. Лицо жулика вдруг исказила жуткая гримаса, и над каналом пронесся вопль:

— Ау-ау-ииииии!!!

С самого появления Лучано и Бобо, Снуппи вел себя самым неподобающим для собаки образом. Пусть Томка и не его хозяйка, но она делила с ним и кров, и хлеб. Однако пес не сделал и малейшей попытки заступиться за девушку. Конечно, Томка посадила его на слишком короткий поводок, да и вообще — пес пережил сильный стресс после того как его перебросили через забор. Но он мог хотя бы гавкнуть! Вместо этого Снуппи лежал, прикрыв глаза, видимо, решив, что все уладится и без его участия.

Впрочем, насчет его участия у судьбы имелись свои планы...

Пятясь, Лучано не смотрел под ноги, и потому не заметил, как наступил собаке на лапу. Ни один пес не способен простить такую наглость. Думать Снуппи не стал, просто повернул голову, и крокодильи челюсти сомкнулись на лодыжке Лучано.

Лучано задергался.

— Аа! — продолжал он вопить. — Пусти! Мне больно!

Томка изумленно переводила взгляд с одного бандита на другого. Как-то слишком быстро поменялся расклад сил. Нож, которым ей угрожали мгновение назад, валялся под ногами; Томка пинком отправила оружие в воду.

Над головой громко хлопнул ставень. Из окна на втором этаже высунулась рыжеволосая дама.

— Прекратите же, наконец! — послышался визгливый голос. — Я сейчас полицию вызову!

Фокусник посмотрел вверх.

— Спасибо! Будьте так любезны.

Ответом ему стал град грубых ругательств. Запас слов и выражений у дамы в окне оказался весьма богатым, словно она заранее готовилась по словарю ненормативной лексики. Меньше

чем за минуту Томка узнала столько нового о человеческой физиологии и отношениях, что даже покраснела. Но женщине этого показалось мало. В ее руках появился большой эмалированный таз, и на Лучано со Снуппи обрушился поток серой мыльной воды.

— Проваливайте отсюда!

Еще не родилась на земле собака, которая любит, когда ее обливают холодной мыльной водой. И Снуппи в этом отношении не был исключением. От неожиданности пес громко хрюкнул и разжал челюсти. Чем не преминул воспользоваться Лучано.

Одним прыжком бандит преодолел расстояние до стены, и прижался к ней всем телом, словно хотел просочиться сквозь кирпич. И откуда у человека с прокущенной ногой взялось столько прыти? Впрочем, крысы всегда отличались особой прыгучестью, а сейчас Лучано походил на грызуна даже больше обычного. Лицо его вытянулось, кадык на тонкой шее дрожал так, будто хотел выбраться наружу и самолично посмотреть, что же происходит. На Томку и фокусника бандит таращился затравленно, словно пытался сказать: «Пожалуйста, только не бейте!». Но единственные звуки, на которые он оказался способен — странные всхлипы, похожие на бульканье воды в закипающем чайнике.

Томке стало его жалко. Лучано был одним из самых мерзких людей, с которыми ей доводилось встречаться, но злорадства от того, что бандит получил по заслугам, она не испытывала. В детском саду ее как-то укусила одна вредная такса, и Томка могла представить, что пришлося пережить Лучано. А принимая во внимание размеры и количество зубов в пасти Снуппи, это был именно тот случай, когда принято говорить: «врагу не пожелаешь».

Жалость — лучшее лекарство от гнева. Смерив Лучано прозрительным взглядом, девушка поморщилась. Несколько минут назад она думала исключительно о том, как свернуть ему шею,

сейчас же мелькнула мысль, что надо бы дать ему платок — перевязать рану.

Толстяк Бобо приутих. Тонуть он передумал — на воде негр держался как огромный поплавок, однако плыть к берегу не спешил. Он же видел, что приключилось с его коллегой: огромный чудовищный пес буквально разорвал того на куски. И Бобо решил, что лучше уж помокнуть, чем быть заживо съеденным кошмарной псиной.

Томка шагнула к Лучано. Неверно истолковав ее намерения, жулик сильнее вжался в стену. Казалось, он вот-вот расплачется, и тогда без носового платка точно не обойтись.

— Мой паспорт.

Лучано молча протянул ей документы. На этом бы ему и остановиться, но неожиданно с ним приключился приступ храбрости.

— Я... — Лучано шумно засопел носом. — Я все равно тебя найду. От меня никто не уходит. И тогда тебе никто не поможет: ни твой приятель, ни псина твоя гадкая...

Томка опешила. В положении Лучано было бы неплохо хотя бы для видимости признать свою вину и, как минимум, извиниться. А вместо этого он сыплет угрозами. Жалость к этому типу завяла, как нежный цветок под палящим солнцем. От пощечины Томку удержало только то, что не хотелось пачкать руки.

— Эй! — сказал подошедший ближе фокусник. — Как можно разговаривать с синьориной в таком тоне? Вам мало полученного урока?

Томка наградила его хмурым взглядом. Она, конечно, была очень благодарна фокуснику за то, что он ее спас. Но сейчас девушка предпочла, чтобы он не вмешивался.

— Найдешь? — Томка прищурилась. — С помощью той металлической штуки, которую ты спрятал в карман?

Бандит не ответил, но по тому, как забегали его глазки, Томка поняла, что попала в десятку.

— Давай ее сюда, — сказала девушка.

Лучано вздрогнул, будто Томка все-таки отвесила ему пощечину, которую он так заслуживал.

— Кххх, — выдохнул он. Очевидно, таинственный звук в переводе означал «нет».

— Мне кажется, или нога — не худшее место, за которое может укусить собака?

Постепенно смысл угрозы дошел до ограниченного мозга Лучано. Лицо жулика исказила мучительная гримаса, будто он выпил стакан неразбавленного лимонного сока. Спустя какое-то время он нашел силы на очередное «кххх». Вот ведь упрямый гад!

— Давай, давай, — повторила Томка, требовательно взмахнув рукой. — Этот пес вкусил крови и требует продолжения банкета. Правда, Снуппи?

На ответ она не рассчитывала, однако именно в это мгновение пес громко зарычал. Звук был сравним с ревом мотора гоночного болида на старте. На Лучано он подействовал как холодный душ. Резонно решив, что дальнейшее упрямство может привести к самым печальным последствиям, он вытащил из кармана металлический предмет и швырнул Томке под ноги.

— Да подавись, — выкрикнул он. — Все равно он у тебя не будет работать.

Девушка подняла предмет. Ерунда какая-то... Это оказалась маленькая фигурка собаки из странного металла. Похоже на серебро. Томка повертела фигурку в пальцах. Какой-то амулет? С какой радости он должен был помочь Лучано ее выследить?

Девушка тряхнула челкой. Нет нужды забивать голову чепухой. В конце концов, она не собиралась прикарманивать фигурку.

— Не будет работать, — Лучано нервно хихикнул. — Даже не пытайтесь — в чужих руках он не действует.

— А мне чужого и не надо, — сказала Томка и с размаху зашвырнула фигурку далеко в канал. Практически без всплеска амулет скрылся под водой.

Стон, вырвавшийся у Лучано, можно было сравнить с воплем погубленной души. Сорвавшись с места, жулик бросился к краю набережной, забыв и о ране, и о риске оказаться слишком близко к челюстям Снуппи. Томке показалось, что сейчас он сиганет в воду, как те мальчишки, которые ныряют в море заброшенными монетами. Но что-то его удержало. Лучано рухнул на колени и обхватил голову руками.

— Ты... Ты...

Томка обворожительно улыбнулась.

— Вот теперь мы квиты. Всего хорошего. Ciao!

Задерживаться на набережной Томка не собиралась. Женщина из окна наверняка уже вызвала полицию, а встречаться со стражами правопорядка девушке не хотелось. Конечно, она была со всех сторон права, и закон должен был быть на ее стороне. Но какие-то сомнения не давали ей покоя. Причиной было то, что Томка видела Бобо мирно болтающим с полицейским. Не исключено, что у бандитов все куплено. Вот явится полиция, а в итоге, вместо справедливого наказания жуликам, за решетку отправится именно Томка — за нападение на честных граждан, нанесение тяжкихувечий и грабеж.

Отвязав Снуппи, девушка поспешила покинуть поле битвы.

Не прошло и минуты, как за спиной послышались торопливые шаги. Обернувшись через плечо, Томка увидела, что ее догоняет фокусник. Выражение его лица было весьма озадаченным. Можно понять — трудишься, не жалея сил, спасаешь девиц от бандитов, а вышеупомянутые девицы при первой же возможности сбегают со всех ног. Такое кого угодно поставит в тупик.

Томка сжалась и сбавила шаг.

— Да уж, — сказал фокусник, когда расстояние сократилось до приемлемого для светской беседы. — До чего неприятные личности. Они хотели вас ограбить?

— Не совсем, — сказала Томка. — Они хотели надеть на меня подарочный бант.

— ?!

— Запутанная история, — Томке не хотелось вдаваться в подробности.

— Мне кажется, — сказал фокусник, тщательно подбирая слова, — подарочный бант был бы вам не к лицу.

— Вот и мне так показалось.

Она поджала губы.

— Наверное, мне полагается вас отблагодарить, — сказала Томка. — В смысле, я и в самом деле вам очень-очень благодарна. Но я, честно, не знаю, как. «Спасибо» вас удовлетворит?

Фокусник обдумал предложение.

— Нет, пожалуй.

— Хм...

— Простите, — развел руками фокусник. — Но я спас вас от подарочного банта. Полагаю, это заслуживает большей награды, чем простое «спасибо»?

Томка кивнула. Ради нее фокусник рисковал жизнью. И не появись он так вовремя, все могло бы закончиться не только подарочным бантом... Простого «спасибо» действительно недостаточно.

Как принцессы благодарили рыцарей, спасавших их от драконов? Кажется, выходили за них замуж? Томка поперхнулась и споткнулась на ровном месте. Нет уж. Едва ли этот способ был уместен.

— Ох, — всполошился фокусник. — Ради Бога, извините. Вы пережили сильнейшее потрясение, а я...

— Нет, нет, — поспешила сказать Томка. — Я в порядке, чесслово. Вот когда я прыгала с парашютом, и у меня заклинило кольцо, вот тогда действительно был шок. А здесь — семь из десяти максимум. Так что все тип-топ.

Тут Томка покривила душой: на самом деле, происшествие с бандитами тянуло минимум на восемь с половиной. И страху она натерпелась, будь здоров. Но беда миновала, а Томка была девушки отходчивой. Пройдет еще пара часов, и столкновение с жуликами наверняка будет казаться забавным приключением.

Фокусник уважительно покачал головой.

— Вы прыгали с парашютом?

— Ага, — кивнула Томка, радуясь, что толстый, как гиппопотам, намек не остался незамеченным. Хвастовство — один из тех пороков, избавиться от которых невозможно. — Было дело.

— Вы очень храбрая девушка.

— Ну да. Сильная, храбрая, как ворона из пословицы. Но мы отвлеклись от темы. Простое «спасибо» в качестве благодарности вас не устраивает?

— Да. «Спасибо» мы отнесем к тому моменту, когда я выручил вас в первый раз. А сейчас уже второй, и ставки возросли.

— Второй раз?!

— Конечно, — кивнул фокусник.

— Когда же успел приключиться первый?

— Вчера, в магазине синьоры Розетти. Эта добрейшая женщина готова была разорвать вас на куски. Я по глазам видел. Если бы я вовремя не появился...

— Как и сегодня, — подсказала Томка.

— Да. Как и сегодня. Если бы я тогда не вошел в магазин...

— Кстати, интересный талант. Ну, появляться вовремя.

— Если бы я вовремя не появился в магазине... — настырно проговорил фокусник. Упрямства ему было не занимать: — ... синьора Розетти съела бы вас живьем.

— У нее бы ничего не вышло, — уверенно заявила Томка.

— С чего вы взяли?

— Она собиралась разорвать меня на куски, сами сказали. Одно исключает другое.

Фокусник стушевался.

— Э... Пожалуй, некое несоответствие здесь присутствует...

— Простите, — хихикнула Томка. — Не удержалась. Сами понимаете — нервы, посттравматический шок, веду себя глупо и так далее. Вернемся к основной теме. «Спасибо» было за первое спасение, убедили. Что же вы попросите за второе?

— Обед вас устроит?

Томка хлопнула себя по карманам.

— Увы. Придется подождать, пока я выиграю миллион в лотерею.

— Нет, нет, — поспешил сказать фокусник. — Вы не поняли. Это я угощу вас обедом. Шикарный ресторан не обещаю, но я знаю в этом городе несколько заведений с приличной кухней.

— То есть, поправьте меня, если ошибаюсь: вы меня спасли и в благодарность за это предлагаете накормить обедом?

— Именно так.

Никогда еще Томка Кошкина не отказывалась от предложения ее накормить. И раз выпадал шанс в кои-то веки нормально поесть, упускать его она не собиралась. Судьба, похоже, снова повернулась светлой стороной.

— Хм... Идет. До вечера я абсолютно свободна.

Фокусник радостно улыбнулся.

— Замечательно! Осталось только уладить небольшие формальности.

— Это какие же? — удивилась Томка.

— Я не обедаю с незнакомыми девушками. Принцип. А нас друг другу так и не представили.

— Мда... Действительно, проблема. Вас, я знаю, зовут синьор Тинкет — ваша знакомая людоедка из магазина игрушек проговорилась.

— Как любезно с ее стороны. И вы запомнили?

— У меня хорошая память, — сказала Томка, умело обходя ловушку, пока зловещий призрак amore a prima vista не успел опомниться. — Надеюсь, та страшная женщина не ввела меня в заблуждение?

— Нет, нет. Так и есть. Тинкет... Чарльз Уилмот Тинкет к вашим услугам.

— Смешное имя — Уилмот.

— Спасибо, мне оно тоже не нравится. А вас...

— Даже не знаю, кто бы мог меня представить, — Томка огляделась; взгляд остановился на ковыляющей за спиной собаке. — Может, Снуппи? Я как-то слышала, как он разговаривает.

И она слегка пихнула пса ногой под ребра. В ответ тот громко заворчал.

— Ну, — вздохнула Томка. — Почти получилось.

— То есть вас зовут Рр-па? — уточнил фокусник.

— Я говорю — почти. Над некоторыми буквами ему надо поработать. Но направление он угадал верно. На самом деле меня зовут Тамара.

— Тамара... — сказал Тинкет и повторил еще раз, словно проверял, как слово держится на языке. — Тамара. Очень необычное имя. Кажется, я где-то его уже слышал, но не могу вспомнить, где именно... Оно что-то означает?

— О да! — сказала Томка. — Это финиковая пальма на каком-то древнем наречии... Мать говорит, что надеялась, что с таким именем я вырасту высокой и стройной. А получилась дочь тупая, как дерево, и обожающая финики.

— Мне не дает покоя один вопрос, — сказал Тинкет. — Все кажется, что я вас где-то видел, но не могу вспомнить, где именно. Может, подскажете?

— Хм... Надо подумать.

Томка уставилась в тарелку со spaghetti al nero di seppia — абсолютно черной пастой с чернилами каракатицы. Черной, как мысли у нее в голове.

Они сидели за столиком крошечного кафе, в двух шагах от площади Святого Марка. В помещении места на мебель не хватило, и оба столика были выставлены наружу, где они перегородили всю калле. Но, несмотря на микроскопические размеры, кухня в здании была выше всех похвал. Достаточно почитать меню, в котором фигурировали слова orata, branzino и, конечно же, pesce spada.

Казалось бы — ешь и наслаждайся жизнью. Но нет. Тема «кажется, я вас где-то видел» действовала Томке на нервы. Как только Тинкет поднял вопрос, она сразу почувствовала себя, как угорь на сковородке — вся извелаась. Потому что догадывалась, где фокусник мог ее видеть.

Конечно, в том жутком интернет-ролике; никуда не деться от этой проклятой славы. Оторопь брала, стоило вспомнить свое перекошенное лицо и глаза, как у совы, которую дернули за хвост. Хорошо еще, кудри скрывали уши, горят, небось, как два маяка.

Томка прикусила кончик языка, ковыряясь вилкой в черных спагетти. А с другой стороны, чего стесняться? Она же актриса, комедиантка. Именно этот номер, возможно, и вознесет ее к вершинам искусства. Какое ей дело, что фокусник о ней подумает? Чем он отличается от других людей? Только тем, что дважды ее спас? Да на его месте мог оказаться кто угодно! Лучше сразу выложить карты на стол и одним махом покончить с возможными недоразумениями.

— Вам что-то говорят слова «сумасшедшая русская на ходулях»?

Фокусник задумался.

— А должны?

— Нет, нет, — быстро сказала Томка. — Просто к слову привлекло.

— То есть, вы — это она? — спросил фокусник, которого оказалось не так легко сбить со следа.

Будь вилка в ее руках сделана из менее прочного материала, она бы сломалась. А так — лишь слегка погнулась. Кто, спрашивается, тянул ее за язык? Расхлебывай теперь...

— Кто? Сумасшедшая?

— Русская, — сказал Тинкет. — Вы очень хорошо говорите по-итальянски. Я думал, вы из Флоренции.

— Многие так думают, — кивнула Томка. — Почему — не знаю. А на самом деле, только вчера с берегов Невы. Но вы тоже не местный. Чарльз Уилмот Тинкет — не итальянское имя.

Мысленно Томка записала очко в свою пользу — ловко она перевела тему беседы. Ее немного раздражало и в то же время смущало, что разговор вертится исключительно вокруг ее

персоны, в то время как про фокусника она ничего толком не знает. А здесь было немало вопросов, над которыми стоило задуматься. Взять хотя бы ее чудесное спасение. Как-то слишком удачно Тинкет оказался в нужное время в нужном месте.

— Да, — сказал Тинкет. — Совсем не итальянское. Быстро вы меня раскусили. А я думал, что прожил здесь достаточно долго, чтобы меня принимали за местного. Но нет — вы вывели меня на чистую воду, как настоящий детектив.

— Это было элементарно, Ватсон, — фыркнула Томка. — Ну так? Вы американец? Или англичанин?

Последнюю фразу она произнесла по-английски. Лучше говорить с человеком на его родном языке, чем мучиться, слушая жуткий акцент. Брови фокусника приподнялись.

— Ни то, ни другое, — ответил он так же по-английски. — Тут, мисс Холмс, ваш дедуктивный метод дал осечку.

— Хм... Австралия? Новая Зеландия?

— Отбросим Южное Полушарие.

— Жаль, — вздохнула Томка. — Будь вы из Новой Зеландии, могли бы ответить на пару важных вопросов: правда ли, что люди там ходят на руках и зовутся антипатиями, и что там до сих пор живут хоббиты?

Тинкет развел руками.

— Боюсь, это останется тайной. Мою родину с Новой Зеландией роднят только скалы да бурное море. Я из Шотландии.

Перегнувшись через стол, Томка посмотрела на его брюки.

— Непохоже, — строго сказала девушка. — Я по телевизору видела: всем шотландским мужчинам полагается ходить в клетчатых юбках и белых гольфах.

— А всем русским девушкам — в овечьих тулунах, шапках-ушанках и с автоматом Калашникова на перевязи, — парировал Тинкет. — Полезно иногда избавляться от стереотипов.

— Соглашусь. Хотя брюки могли быть и в клетку, как у меня, чтобы не вводить честных людей в заблуждение.

— Кстати, вы хорошо говорите по-английски.

— Еще по-французски, по-немецки и по-чешски, — похвасталась Томка и мысленно отвесила себе подзатыльник. — С испанским и шведским хуже.

— Ого! — сказал Тинкет. — Да вы талант! Откуда такие знания?

— У меня дед был разведчиком. Хотел, чтобы я пошла по его стопам. Вот и готовил с малолетства.

— И получилось?

— Что именно?

— Стать шпионом. Говорят, это увлекательная работа. Все время в разъездах, встречаешься с интересными людьми... Вы на шпионской работе прыгали с парашютом? А те ужасные личности, с которыми вы сегодня встречались — агенты конкурирующей разведки?

Томка рассмеялась.

— Боюсь, разведчика из меня не вышло. Что до тех двоих... Вы же сами их видели. Какие из них шпионы? Мелкие жулики и только.

— Печально, — вздохнул Тинкет. — Я уже обрадовался, что впутался в приключение в духе Джеймса Бонда. Компрометирующие фотографии, чертежи супер-бомбы, роковая русская красавица...

— Кстати, а как вы там оказались? — Томка поспешила перевести стрелки. — Прогуливались туда-сюда и тут раз — дева в беде?

— В том то и дело, что нет. Очень странный случай.

— Расскажите, — Томка подбодрила его улыбкой. — Обожаю странные случаи.

— Хорошо... Вы верите в знамения?

— Какие еще знамения? — спросила Томка, чувствуя, как у нее засосало под ложечкой. Последнее время это слово вызывало у нее неприятные ощущения.

— Таинственные. Знаки судьбы и подобные вещи?

— Нет, — резко сказала Томка. — Ерунда все это. И, кстати, о чудесах — я знаю, как делается фокус с появлением розы.

— О! — сказал Тинкет. — А я все думал: откуда у вас такой красивый цветок в прическе? Вам идет.

— Что?! — Томка быстро провела рукой по волосам. — Ой!

На столик упала белая розочка. Томка прижала к губам пальц, который уколола о шип. Проклятье! Как он это сделал? Фокусник даже не приближался к ней на расстояние достаточное, чтобы незаметно вставить в волосы цветок. Если это вообще можно сделать незаметно.

— Ваших рук дело, да? — хмуро спросила она. — Очень смешно!

— Спасибо! — расплылся в улыбке Тинкет.

— Не за что. Это сарказм. Терпеть не могу фокусы.

— Почему?

— Не люблю, когда меня выставляют дурой. Предпочитаю справляться без посторонней помощи.

Улыбка фокусника скисла, как молоко в жару. Подняв розочку, он повертел ее в пальцах. Вид у него был такой, будто он обманулся в лучших ожиданиях.

Томка понимала, что поступила жестоко и несправедливо. На самом деле, фокусы она любила, независимо от того, знала она их секрет или нет. Но тут она не удержалась. Сейчас, за столиком милого маленького кофе, происходило то, чего она меньше всего желала. Зловещий призрак amore a prima vista выполз из тени, и шире и шире раскрывал над ней свои черные крылья. Бросая на фокусника хмурые взгляды, Томка то и дело ловила себя на мысли, что этот растрепанный тип ей нравится. Где-то посередине между «очень» и «жутко». Сердце периодически вздрагивало, готовясь снова затрепетать, как тогда на набережной. Видать, мерзкое трепетание вошло у него в привычку.

Томке стоило немалых трудов в зародыше давить эти порывы. Потому она и злилась сверх обычного. Однако сдаваться и идти на поводу у эмоций девушка не собиралась. Не для того

она приехала в Венецию, чтобы втрескаться по уши в первого же встречного. Особенно — в первого встречного фокусника. Это шло вразрез с ее планами. Не говоря о неистребимом духе противоречия.

Томка представила ухмыляющуюся физиономию Лауры. «Признайтесь, милочка, у вас роман с фокусником?». Тьфу! Не дождитесь!

Самое обидное, что по всем признакам этот Тинкет не мог ей понравиться! Мужчина ее мечты и ростом повыше, и в плечах шире, подбородок его решительнее, а волосы светлее. И глаза у него голубые, а не цвета варенья из крыжовника. К тому же, он не бросает в людей огненные шары, как волшебник пятого уровня из компьютерной игры. Томка не была привередой, могла закрыть глаза на три-четыре параметра. Но здесь же несовпадение по всем пунктам!

Видимо, причина в том, что Тинкет ее спас. Подобные действия каким-то образом влияют на женский организм. Вызывают резкий всплеск гормонов или чего-нибудь в том же духе. Не случайно спасенные принцессы первым делом без чувств падают на руки спасителям. Тема эта заслуживала отдельного научного исследования, однако Томка не желала становиться его участником. Еще чего.

— Ну так, — самым мрачным голосом сказала девушка, злясь на себя за подобный тон. — Как вы оказались на набережной? Что еще за знамения?

— Получилось так, что меня туда привели. Чуть ли не за руку.

— И кто же?

— Сложно сказать. Тут лучше начать сначала...

— Верное решение. Алиса как-то сказала: начни с начала и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — кончай!

Тинкет глубоко вдохнул. Томка заметила, как он слегка шевелит губами — наверное, мысленно считал до десяти. Самый распространенный способ держать себя в руках.

— Во-первых, — сказал фокусник голосом буддийского монаха, на которого в процессе медитации вылили чашку горячего тибетского чая с маслом яка. — Это сказала не Алиса, а Червовий Король...

— Точно! Вылетело из головы... Но суть от этого не меняется?

— Во-вторых, — с нажимом продолжил Тинкет, — если вы и дальше будете перебивать меня через слово, я никогда не смогу договорить. Придется принять меры и заклеить вам рот суперклеем. У меня есть при себе тюбик.

Томка не раз попадала в неприятные и дурацкие ситуации, в которых, так или иначе, фигурировал суперклей. Так что к угрозе фокусника отнеслась серьезно. Она-то знала, сколько бед способен причинить тюбик суперклея в умелых (да и в неумелых) руках.

— А он сильный? Клей, в смысле?

— О да! — Тинкет злорадно усмехнулся. — Но если вы сомневаетесь...

— Нет, нет! — Томка подняла руки. — Я молчу! Рассказывайте.

Для верности она зажала рот ладонями и уставилась на фокусника, всем своим видом выражая готовность слушать. Угроза применения оружия всегда действеннее самого оружия.

— Хорошо, — сказал Тинкет. — Вы, наверное, догадались, что я фокусник? Артист иллюзионного жанра?

Томка не ответила. Ха! Так просто ее не проведешь — сказано молчать, значит, она будет молчать. Даже если вокруг будут грохотать бомбы, а с неба падать крылатые ракеты и метеориты — ничто не заставит ее открыть рот... Впрочем, на всякий случай, девушка незаметно прикусила ладонь. Не то, чтобы она себе не доверяла, но суперклей — аргумент, с которым лучше не спорить.

Фокусник удовлетворенно кивнул.

— Так вот, — продолжил он свой рассказ. — Сегодня мне предстоит одно важное выступление. Я бы с радостью вас пригласил, но, к сожалению, мероприятие закрытое...

Томка пожала плечами, мол, ничего не поделаешь. У нее и самой были другие планы на вечер.

— Не знаю, как другим артистам, но мне перед представлением надо подготовиться. Я не о технической стороне, а о внутреннем состоянии. Нужно привести голову в порядок, настроиться на выступление. Обычно помогают пешие прогулки — идешь туда, потом сюда, пока голова не освобождается от лишних мыслей. А Венеция для этого дела — самый подходящий город; подозреваю, он построен исключительно ради пеших прогулок. Одна беда: заблудиться здесь — раз плюнуть.

Тинкет прервался на глоток венецианского кофе, черного и вязкого, словно кто-то по ошибке налил в чашку сырой нефти. Лицо его скривилось, как у мартышки, которая сдуру разжевала целый стручок перца-чили. Венецианцы знают толк в ядах, и первым в их списке стоит именно кофе. Но фокусник выжил и, прия в себя, сказал:

— На Сан-Поло есть множество совершенно неприметных кампо — они даже на карте не обозначены. Найти их можно только случайно и только один раз в жизни... Особенности местной топографии, ничего не поделаешь. Вот на одной из таких кампо все и началось...

— Сейчас все кажется мне сплошной нелепостью, но тогда это больше походило на сон. Или на ожившую сказку в духе Гофмана или Гоцци... Я вышел на кампо и увидел гадалку. Сидит себе на коврике, карты Таро разложила и глядит по сторонам, кого бы облапошить. Скажу сразу — я в гадания не верю. Особенно на картах. Я иллюзионист, я знаю тысячу фокусов с картами. Все трюки, к которым прибегают гадалки, для меня — открытая книга. Обычно я с ними и не связываюсь, а тут прям как черт дернул — подойти посмотреть.

Лицо Тинкета приобрело задумчиво-меланхоличное выражение. В другой раз Томка бы умилилась, но сейчас ее мысли двигались в ином направлении. Гадалка с картами Таро? Что-то

в этой истории заставило ее насторожиться. Знала она одну такую гадалку — это ее собака сейчас хрюпала у Томки под ногами.

— Наверное, это нехорошо, но тогда я думал о том, как ловко обставлю эту новоявленную Кассандру. Подошел к ней и задал один вопрос. Известно же, как они отвечают: спросишь о конкретном, а в ответ получишь ворох расплывчатых формулировок. Чем расплывчатей, тем лучше — больше вероятность с одного выстрела разнести мишень в клочья. Скажи она что-то подобное, я бы ее сразу поймал на слове... И тут я сел в калошу. Она достает из середины колоды одну карту — Джокера, и говорит: следуй за Белым Пьеро.

— Что?! — несмотря на предостережения о суперклее, Томка не выдержала. — Так и сказала?

— Слово в слово, — кивнул Тинкет. — Я не шучу.

— Круто, — только и смогла произнести Томка.

— Вот-вот, — согласился фокусник. — Я сам опешил. Нормального человека подобные ответы ставят в тупик. А гадалка на меня зыркнула, собрала свои карты и ушла. Даже денег не попросила, а для их племени это что-то невероятное. Не успел я опомниться, ее и след простила.

— И тут появился Белый Пьеро? — подсказала Томка.

Фокусник замотал головой.

— Нет. Там была абсолютно пустая кампо, если не считать пары дюжин кошек. Ни одной белой. Я подождал немногого, но в конце концов пришлось оттуда уйти.

— И тогда вы встретили Пьера?

— Суперклей, — напомнил Тинкет. Томка спряталась за чашкой кофе. — Вы забегаете вперед, а от этого история теряет в драматизме. Как теперь рассказывать про то, как я бродил по темным калле, погруженный в мрачные думы? Придется эту часть опустить и сразу перейти к действию. Да, я встретил Белого Пьера.

— Ух ты!

— Сперва я тоже подумал о чем-то подобном. Я увидел его на площади... Такой милый старичок в гриме, он выступал с говорящей куклой. Но только я решил к нему подойти и перекинуться парой слов...

Фокусник задержал дыхание, выдерживая драматическую паузу. Подобного издевательства Томка вынести не смогла. Она и так вся извертелась, будто под стулом установили газовую горелку.

— Он вскочил и с криком «Герцогиня не простит мне опоздания!» убежал прочь? Я угадала-угадала-угадала?

— Нет, — сказал Тинкет. — Я увидел другого Белого Пьеро.

Томка поперхнулась кофе.

— Интересный поворот.

— Это только начало. Присмотревшись, я насчитал на площади восемь с половиной Белых Пьеро. Никогда бы не подумал, что это настолько популярный образ.

— Может, у них был слет Белых Пьеро? И, кстати, почему восемь с половиной? Один оказался карликом?

— Один из Пьеро был не столько белый, сколько светло-голубой.

— Дела... — протянула Томка. — Прямо Феллини какой-то. Как же вы решили эту задачку? Нельзя одновременно следить сразу за восемью с половиной Пьеро! Так и разорваться можно.

— Как видите, обошлось. Поскольку семь с половиной Пьеро никуда не спешили, я пошел за тем, который хоть куда-то шел. Таскался за ним по городу битых полчаса... А потом он зашел в какой-то дом, закрыл за собой дверь и исчез.

— Неужели запертая дверь смогла вас остановить? — в голосе Томки прозвучало разочарование. Только история ее захватила и тут, бац, она закончилась самым банальным образом — запертой дверью.

— Стал бы я ломиться в незнакомый дом только потому, что туда зашел человек в костюме. Тут глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в полицейском участке. Нарушение общественного

порядка, вторжение в частное владение, хулиганство — одним штрафом не отделаешься.

— Вас остановила запертая дверь? — возмутилась Томка. — Как можно! Нельзя ввязаться в приключение, а потом бросить его на полпути. Это неспортивно. Прикинулись бы торговцем пылесосами или мормоном... Вы же фокусник, ваша работа — проникать сквозь запертые двери.

— Тише, тише, — Тинкет поднял руки. — Не кипятитесь. Ничего я не бросил... Я решил обойти вокруг того дома и посмотреть, нет ли другого способа попасть внутрь.

— И?

— И встретил вас, — сказал фокусник. — В компании тех мерзких типов. Дальше вы сами все видели.

— Мда... — сказала Томка. — Сразу и не разберешь, есть ли в этой истории какой-нибудь смысл, или это просто череда нелепейших совпадений.

Тинкет развел руками.

— Вот что непонятно, — продолжила девушка. — Пьеро привел вас к двери... Думаю, все же предполагалось, что вы в нее войдете, а не станете ходить вокруг да около, спасая подвернувшихся прекрасных дев от бандитов.

— Вы говорите так, будто вам не нравится, что я вас спас, — произнес фокусник с некоторой обидой в голосе. — Между прочим, это было непросто. Я чуть ладони себе не сжег.

— Нет-нет, — поспешила сказать Томка. — Очень даже нравится! И спасибо вам большое, и благодарность моя не знает границ, и... придумайте сами что-нибудь хорошее, и будем считать, что это я сказала. Но неужели вам не хочется узнать, какие тайны скрывает та дверь? Нельзя идти за Белым Кроликом и не прыгнуть в нору. Это не по правилам.

— Да ничего там нет, — раздраженно сказал Тинкет. — Обычный дом. Небось, сдают квартиры туристам — сейчас здесь все так делают.

— А вы уверены? — хитро прищурилась Томка.

Фокусник замялся. Слова, брошенные Томкой, попали на благодатную почву его собственных сомнений. В самом деле — что же было за той дверью? Ничто так не раздражает, как незавершенное дело. Если бы его не ткнули в это носом, Тинкет бы о двери забыл. Но сейчас избавиться от мысли о двери стало невозможно. Была здесь и загадка, и тайна, а как всякого фокусника, загадки и тайны притягивали Тинкета сильнее, чем электромагнит железные опилки.

Самое обидное, что сейчас ему не хотелось думать о двери. Существовали более важные темы для размышлений. Например, предстоящее выступление на приеме у графини М.

Еще приятней думать о сидящей напротив девушке. Она, конечно, со странностями, но Тинкету это даже нравилось. Странности придавали ей особый шарм. Шарм, впрочем, был не самой крупной монетой в копилке ее достоинств, уступая глазам и, особенно, улыбке. Чарльз Тинкет уважал профессионализм во всем, а русская девушка умела улыбаться именно профессионально. Раз увидишь и сложно думать о чем-то другом.

Но нет. Стоило прикрыть глаза, пред мысленным взором появлялась та самая дверь: потрескавшаяся, выкрашенная в зеленый цвет, с бронзовым дверным молотком в виде львиной головы... Существовал единственный способ с этим разобраться — вернуться и проверить, куда же его вел Пьеро.

— А что за вопрос вы задали гадалке? — спросила Томка.

Тинкет напрягся.

— Да так, — произнес он с показной непринужденностью. — Ничего особенного. Один из тех вопросов, что обычно задают гадалкам.

— Хм... — сказала Томка. Ответ ей не понравился, в первую очередь тем, что сперва он ей понравился. Как легендарная кошка Шредингера, девушка умудрялась одновременно пребывать в двух состояниях.

— Думаю, вы правы, — сказал Тинкет после некоторого молчания. — С той дверью надо разобраться. Завтра с утра этим и займусь.

— Завтра? — спросила Томка с разочарованием в голосе.

— Сегодня не успеть. Скоро у меня выступление, не хотелось бы на него опоздать.

— Конечно же! Нужно спрятать кролика в цилиндр?

— Да. И голубей в рукава. Но завтра я разберусь с той дверью. Кстати, — он глубоко вдохнул. — Не составите ли компанию? Вдвоем исследовать таинственные двери куда интереснее.

— Даже не знаю... — протянула Томка. — Предложение заманчивое, но...

В голову не приходило ни одной достойной отговорки. История с Белыми Пьеро ее захватила, и ей самой жуть как хотелось узнать, что же находится за той таинственной дверью. Пришлось ограничиться смущенной улыбкой (№ 14):

— Может быть. Посмотрим.

И прежде чем фокусник успел что-то сказать, Томка сменила тему:

— Кстати, у той... гадалки с кампо случайно не было бороды?

— Какой еще бороды? — удивился Тинкет.

— Такой вьющейся бородки, как у фавна? Выглядит очень элегантно.

— Не знаю, — покачал головой фокусник. — Может, и была, но точно сказать не могу.

— В смысле? Борода либо есть, либо ее нет — третьего не дано.

— На этой особе была чадра, или как там называется эта штука у женщин Востока? Видны только глаза — зырк-зырк... — для пущей наглядности Тинкет скосил глаза в одну, затем в другую сторону. — К слову, разноцветные.

— Однако, — задумчиво произнесла Томка.

— Издержки профессии, — объяснил Тинкет. — Гадалка должна выглядеть загадочно, а образ восточной предсказательницы —

удачная маска. И очень удобная, если возникнут проблемы с законом. Ни один свидетель не опознает человека, лица которого не видел.

— И то верно, — согласилась Томка.

Если женщина хочет спрятать бороду, лучше чадры ничего не придумаешь — любая жена султана это подтвердит. Так она или не она? Образ Лауры, сложившийся у Томки в голове, плохо сочетался с образом уличной гадалки. Станет ли женщина, способная не глядя отстегнуть тридцать тысяч, работать на улице?

Тинкет посмотрел на наручные часы и поморщился, словно на циферблате вместо стрелок обосновалось противное насекомое.

— Эти минуты бегут слишком быстро! — он вздохнул. — Боюсь, скоро мне придется вас покинуть. Графиня не простит мне опоздания!

— Герцогиня, — автоматически поправила Томка, продолжая думать о Лауре.

— Нет, — засмеялся фокусник. — Я не перепутал цитату. Просто я выступаю на приеме у графини.

Томка вздрогнула, будто ее укололи булавкой пониже спины.

— Где? — переспросила она внезапно осипшим голосом.

— На приеме у графини М., — сказал Тинкет как ни в чем не бывало. — Закрытая вечеринка для местной и привозной ботемы. Сложная публика: авангардные художники, нефтяные магнаты, актеры и продюсеры, звезды всякие... Этих ничем не удивишь. Но платят хорошо и неплохие перспективы встретить нужных людей.

— Много гостей будет?

— Да. Говорят, сама Сара-Джессика Паркер придет и пара голливудских знаменитостей. Будут люди из Вегаса, которые работали с Зигфридом и Роем.

Момент был самый подходящий.

— Еще я там буду, — сказала Томка самым непринужденным тоном.

— И этот, как его... Стоп! Что вы только что сказали?

— Только что? — Томка состроила задумчивую физиономию. — Так-так, дайте подумать... Кажется: «Еще я там буду».

— Где? — спросил Тинкет и тут же опомнился. — На приеме у графини М.?

— Именно, — кивнула Томка. — Мне обещали, что меня внесут в список гостей.

— О! — фокусник задумался. — Вот как... В список гостей? Так вы знаменитость?

— Наверное, можно сказать и так, — Томка вздрогнула, вспомнив про полмиллиона просмотров. Впрочем, у каждого свой путь к славе.

— То-то мне кажется, что я вас уже видел! А какая именно знаменитость? Вы певица? Или знаменитая романистка?

— Я актриса, — сказала Томка, смущившись от того, как это прозвучало. Актриса, как же! Но и иначе не скажешь.

— Погодите, — Тинкет нахмурился. — Но вы же сами говорили, что не снимаетесь в кино. Я отлично помню...

— А я и не снимаюсь. Я актриса уличного театра. Пантомима, клоунада... хм... танцы на ходулях. Еще я помещаюсь в зеленый чемодан.

Томка прикусила язык. Про чемодан можно было и не упоминать.

— Помещаетесь в чемодан? — растерялся Тинкет. — Зачем?

Но прежде чем Томка смогла подобрать достойный ответ, фокусник сам догадался:

— А! Каучук? — Тинкет употребил старинный цирковой термин, обозначающий это направление акробатики.

— Самую капельку.

— Не думал, что сейчас это популярно. Мне казалось, такие штуки вышли из моды в прошлом веке. Ох, извините, не хотел вас обидеть.

Томка отмахнулась.

— Никаких обид. До вчерашнего дня я и сама так думала.

Но лицо фокусника оставалось хмурым, словно на него упала тень от набежавшей на солнце тучки. На лбу появились морщины, взгляд затуманился...

Томке стало не по себе. Неужели новость о том, что она актриса уличного театра, шут и клоун, так его огорчила? Может, Тинкет на дух не переносит уличных артистов? Тогда все ясно. Сам-то он, поди, выступает только на сцене и на закрытых вечеринках, где платят хорошие деньги. Томка терпеть не могла зазнайства и потому обиженно надула губы и задрала нос. Кстати, не очень-то ей и хотелось произвести впечатление. Как такая идея вообще могла прийти в голову?

Тинкет, который не подозревал, какие черные мысли его мрачный вид вызвал у сидящей напротив девушки, продолжал хмуриться и морщить лоб. Как всегда, когда пытался что-то вспомнить или поймать ускользающую мысль. Исподлобья фокусник посмотрел на Томку... На мгновение показалось, что девушка чем-то огорчена или злится, но, видимо, только показалось. Тинкет не видел причин ни для того, ни для другого. Ее лицо, серьезное и смешливое одновременно, где он мог его видеть? Акробатка, каучук...

Тинкет хлопнул себя по лбу.

— Бинго!

От неожиданности Томка аж взвилась на стуле.

— Что вы кричите! Со мной чуть родимчик не приключился.

— Прошу прощения, синьорина. Просто я вспомнил, откуда я вас знаю.

— Откуда же?

— Я видел афишу с вашим портретом.

Томка склонила голову на бок.

— Мою афишу?!

— Ну! — сказал Тинкет, крайне довольный тем, что память над ним сжалась. — Вы же эта... Резиновая Принцесса.

Томка была девушкой сообразительной. Ей понадобилось меньше минуты, чтобы понять, о чем говорит фокусник. Как же

она могла забыть о фамильном привидении! Вот ведь настырное создание — даже за романтическим обедом (Томка упрямо твердила, что никакой романтики в этом обеде нет) от него не скрыться.

— Ах, афишу! Боюсь, вы ошиблись. Во-первых, Принцесса не Резиновая, а Гуттаперчевая — есть разница. А во-вторых, это не моя афиша... Моеи прабабки. Она была знаменитой цирковой гимнасткой и когда-то выступала в Венеции.

Фокусник был озадачен.

— Прабабки? А для своего возраста она неплохо выглядит.

— Ну, это же старые афиши, — объяснила Томка. — Где вы их нашли? В антикварной лавке?

— Нет, — сказал Тинкет. — Афиша была свежая. Такая свежая, что краска еще не высохла.

— И чего только не придумают! — возмутилась девушка. — Использовать старинный плакат, чтобы сэкономить на дизайне!

— Почему старинный? Я такого не говорил. Дизайн там был современный... Такой — немного под ретро, но сразу видно, что никакое это не ретро, а сделано в фотошопе.

В фотошопе? Что ж, это многое объясняло. Видимо, кто-то просто использовал образ Томкиной прабабки со старинного плаката.

— Что же та афиша рекламировала?

— Театр, — сказал Тинкет. — Как же там... Театр Ужасов доктора Коппелиуса. Хорошо еще, не Калигари. Если я правильно понял, это что-то вроде старинных шоу уродов: Резиновая Принцесса, Самый Старый Человек на Земле, Белый Великан. Не люблю я такие штуки. Мне казалось, они вообще вне закона... Но нет, неделю назад гулял по Кастелло и наткнулся на афишу. Думал даже посетить мероприятие, но не смог себя пересилить.

Томка сжалась.

— А на плакате не было такого... карлика в маске «доктора чумы»?

— Как же не быть? Был. В маске, с тросточкой... Жуткий тип. Понимаю, что только портрет, а все равно мурашки по телу.

— Хм... Так где, говорите, вы видели ту афишу? Сможете показать?

— Завтра — несомненно. А сейчас нам пора бежать. Прием у графини скоро начнется. Опоздаем — рискуем пропустить закуски.

Когда они добрались до палаццо графини М., на Венецию уже опустились стылые сумерки. Небо оставалось чистым, но от Канала поползли хлопья удивительного тумана бледно-зеленого оттенка. Узкие и темные улочки из-за него становились еще темнее и уже, дома расплывались и дрожали — того и гляди исчезнут. Редкие прохожие превращались в беззвучные тени, и только на барельефы туман не действовал. Томке казалось, что она идет по призрачному лабиринту, из которого на нее то и дело высекают уродливые каменные рожи и таращат пустые глазища.

Томка не была трусишой, но сейчас едва сдерживалась, чтобы испуганно не вскрикнуть и не схватить Тинкета за руку. Обыкновенный рефлекс, но Томка не собиралась идти на поводу у каких-то там рефлексов. На всякий случай, дабы не пасть жертвой соблазнов, она спрятала руки глубоко в карманы пальто.

За спиной пыхтел Снуппи, словно обиженный паровозик. Ему не нравилось то, что опять приходится куда-то идти, шевелить ногами и вообще двигаться. Говорят, собаки без ума от пеших прогулок; Снуппи глубоко презирал тех, кто так думает. Совсем недавно он спал под столом, никого не трогал, и каким же недолгим оказалось счастье! С этой двуногой никакого покоя — то пнет, то швырнет, то ногу отдавит, то куда-то тащит...

Томка же жутко злилась на то, что не может заставить пса идти быстрее. Утешала лишь мысль, что скоро она от него избавится.

— Вот и пришли, — сказал Тинкет.

Они вышли с неприметной калле на прямоугольную кампо и оказались перед высоким старинным особняком. Высокие узкие окна светились желтым светом, расплываясь в тумане дрожащими пятнами. Картина, достойная кисти импрессионистов, когда форма скорее лишь угадывается за игрой цвета и света.

— На самом деле, здесь черный ход, — объяснил фокусник. — Для прислуги. По всем правилам вам надо войти с другой стороны. Только для этого придется нанять гондолу. В Венеции богатые палаццо фасадами обращены к воде. Даже дома здесь любуются своими отражениями.

Они прошли к двери, рядом с которой маячила высокая и грузная фигура. Томку с самого начала насторожили странные угловатые очертания, подойдя же ближе, она с удивлением узнала Чудовище Франкенштейна. Именно того классического вида, в каком оно впервые появилось в фильмах с Борисом Карлофом. Все как полагается: высокий лоб, швы, землистый цвет лица и штыри, торчащие из шеи.

Монстр переступал с ноги на ногу и крутил головой, очевидно, выисматривая, кому бы свернуть шею. От подобного зрелища Томка растерялась и только потом сообразила, что на самом деле чудовище — обыкновенный швейцар в соответствующем костюме и гриме.

— Buon giorno, — поздоровалась Томка.

Швейцар опустил взгляд. Лицо его исказила мука. Он содрогнулся всем телом: от торчащих из шеи штырей до кончиков пальцев ног. Если бы его многочисленные швы были настоящими, какая-нибудь часть тела не выдержала бы нагрузки и отвалилась.

— Че надо? — замогильным голосом поинтересовался монстр.

Томка еще ни разу не общалась со швейцарами. Но она о них читала, а во всех книгах швейцары описывались как существа надменные, гордые и вежливые. Именно на последнем слове Томка и споткнулась. Вежливость и слова «че надо?» в ее голове не сочетались. А коренная петербурженка о вежливости знала все.

Томка вытянулась во весь рост, сколько в ней его было. Окинула швейцара взглядом и процедила:

— Простите? — удивительно, сколько язвительности может уместиться в одном вежливом слове.

— Че надо, грю? — повторил швейцар.

— Если я не ошибаюсь, это палаццо графини М.?

Швейцар потянулся; послышался хруст, словно монстр ненароком сломал себе пару костей.

— А то!

— Спасибо большое, — глаза Томки сверкнули. — Я чуть было не подумала, что ошиблась.

— Че?

Томка тряхнула челкой. И с улыбкой, с которой картежник выкладывает на стол «флеш-рояль», она сказала:

— Я иду на прием. Мое имя есть в списке гостей.

Швейцар снова вздрогнул, но на сей раз с почтением и ужасом. Мир, в котором он жил, делился на две части: тех, кто есть в списке гостей, и прочих. И не существовало худшего преступления, чем спутать одних с другими — оно ведь ставило под угрозу его чаевые.

— Прошу прощения, синьора, — голос швейцара еще звучал как из могилы, но градус почтительности подскочил до невиданных высот. — Не соизволите назвать ваше имя?

В руках монстра появился планшет. Томка продолжала ухмыляться. Приятно ставить на место заносчивых монстров:

— Тамара Кошкина.

— Одну секунду... — серо-зеленый палец чудовища двинулся вниз по списку.

Он проверил раз, другой. Хмурая физиономия становилась все мрачнее. Швейцар не любил, когда его обманывают, особенно в таком важном деле, как список гостей. Но чтобы не сесть в калошу, он проверил и через «Т», и через «С», и через «К».

— Нет такого имени в списке, — сообщил он.

— Вы хорошо посмотрели? — Томка забеспокоилась, но все еще старалась держать лицо.

— Да.

— А посмотрите «сумасшедшую русскую»? — предложила Томка. Вдруг Лаура записала ее под этим псевдонимом?

Швейцар проверил. Но судя по тому, как он посмотрел на девушку, результат был отрицательным.

— Сумасшедшая? Кхм...

— Меня должна была внести в список Лаура. Вы наверняка ее знаете, такая женщина с...

— Список составляет лично графиня, — отрезал швейцар. — Никакие Лауры не имеют к нему отношения.

Томка уставилась на швейцара. Чувствовала она себя как щенок, которому газетой дали по носу. И тут уже не до вежливости. Глаза ее влажно заблестели. Как же так... Она обязана попасть на этот прием! Должна найти Лауру и высказать все, что о ней думает. Мало того, что та сбежала на вокзале, так еще и в список не внесла! Это не лезло ни в какие ворота.

Девушка спешно попыталась исправить ситуацию. А в такие моменты хватаетесь за любую соломинку.

— Я... Я ассистентка фокусника. У вас выступает фокусник, а я его ассистентка...

Мысль безумная, но лучшего в голову не пришло.

— Ассистентка фокусника? — прошипел швейцар. — Надо говорить сразу. Это же другой список — обслуживающего персонала.

Если бы презрение имело вес, слова «обслуживающий персонал» упали бы как две пудовые гири. Швейцар был оскорблен до глубины души. Конечно — принять дамочку за одного из гостей, когда на социальной лестнице она стоит ниже его самого. Обслуживающий персонал чаевых не дает.

Тинкет, который в стороне корчил рожи Снуппи, встрепенулся и удивленно посмотрел на девушку. Сложно подавать знаки, когда на тебя плятится чудовище из антикварных фильмов ужасов, но Томка сделала все возможное: подняла брови и с мольбой заглянула фокуснику в глаза. Надо отдать должное,

выдержки Тинкету хватило. Истинный рыцарь, раз взялся спасти девицу, в беде ее не бросит.

— Да, да, — сказал он. — Моя ассистентка. Подает реквизит, иногда я ее распиливаю.

Томка едва удержалась от возмущенного «эй!». Про распиливание он мог бы не говорить!

— А вы, значит, фокусник? — хмыкнул швейцар. Идея распилить девицу показалась ему интересной.

— Разумеется, синьор, — Тинкет щелкнул пальцами. — Возьмите любую карту...

— Пфф... — выдохнул швейцар. Он бы с удовольствием посмотрел фокус, но швейцар на посту это швейцар на посту. — Ваше имя, синьор?

— Чарльз Уилмот Тинкет, — пискнула Томка.

— Иногда моя ассистентка работает конферансье.

Швейцар уткнулся в свой список.

— Все верно, — наконец сказал он. — Но здесь нет ничего про ассистентку.

— Ерунда, — сказал Тинкет. — Само понятие «фокусник» включает в себя кролика в цилиндре, голубей в рукавах и прекрасную ассистентку.

— Пфф! — у швейцара были иные представления о женской красоте. — Но в списке...

— Не верите? Можно позвать графиню, она объяснит.

Тинкет догадывался, что швейцару легче оторвать себе руку (а судя по внешнему виду, ему это вообще ничего не стоило), чем побеспокоить графиню во время приема. Расчет оказался верен.

— Ладно, — буркнул швейцар. — Проходите.

— Grazie...

— А это что? — швейцар содрогнулся, заметив Снуппи. — На прием нельзя с домашними животными...

Тут он погрешил против истины: многие дамы приходили на прием с собачками. Но одно дело крошечные эфемерные

создания в бантах и блестках, и совсем другое — черно-белая помесь гиены с крокодилом.

— Это? Э... — фокусник метнул в сторону Томки суровый взгляд.

— Реквизит, — поспешила сказать девушка. — Для одной иллюзии.

— Да-а? — протянул швейцар, изучая Снуппи. Не ему было осуждать чужую внешность, но в иссеченной накладными швами и шрамами голове вертелась мысль, что вот он — настоящий монстр.

— Кстати, — Тинкет подошел ближе. — У вас из кармана торчит десятка. Так и потерять можно.

— О! Спасибо, что заметили, синьор. Проходите.

— Ну, знаете, — сказал Тинкет, едва монстр-швейцар скрылся за дверью. — Это уже... слишком! Вы понимаете, чем мы рисковали?

— Спасибо, — Томка потупила взор.

Тинкет ее не услышал.

— А если бы он уперся? Что тогда? Я вам скажу — мы бы оба остались на улице. Знаете, какие в этих домах строгие правила?

— Спасибо, — повторила Томка погромче.

— Надо же додуматься! Ассистентка! Умно, с одной стороны, но с этим теперь надо что-то делать! У меня нет продуманного номера с ассистенткой! И тем более с собакой...

Выбора, похоже, не оставалось. Привстав на цыпочки, Томка быстро поцеловала фокусника в щеку:

— Спасибо.

Тинкет дернулся, будто кто-то (например, Снуппи) укусил его за ногу, и уставился на девушку.

— Ээ...

— Это сойдет за извинения и благодарность? — прикусив кончики пальцев, Томка часто заморгала. Со стороны — невинная, как ангел.

Собрав все силы, Тинкет смог справиться с голосовыми связками:

— Сейчас мне полагается на вас злиться. Если бы вы понимали, в какое положение нас поставили... Черт. Так нечестно!

— Извините, — сказала Томка. — Но мне, правда, очень нужно было сюда попасть.

— Попасть! — фокусник потер щеку. — Ну, хорошо. Но вы знаете, что здесь проходит маскарад? Без маски среди гостей лучше не появляться — наш друг Франкенштейн мигом выставит вас на улицу.

— Маска у меня есть! — радостно сказала Томка. — Все тип-топ. Я подготовилась.

Она с гордостью показала фокуснику свою «коломбину».

— Маловато для полного костюма... — покачал головой фокусник. — И с вашими брюками совсем не сочетается.

— Но не могу же я выйти в зал без брюк! — возмутилась Томка, которая очень любила свои клетчатые джинсы. — Это же неприлично!

— А являться на прием к графине без приглашения — это прилично? — Тинкет махнул рукой. — Ладно, придумаем что-нибудь. Но давайте дальше играть с открытыми картами? У меня такое чувство, что вы втянули меня в какую-то авантюру. И хотелось бы знать, во что мы играем и каковы ставки.

— Хорошо, — сдалась Томка. — Но это долгая история...

— Придется рассказать ее покороче, — сказал Тинкет.

В коридор вышла девушка в черном костюме. Судя по бледному лицу, тонким клыкам над нижней губой и нарисованной в уголке рта капельке крови — вампир. Если ориентироваться на поднос с бокалами — официантка. Костюм из блестящей кожи и шелка поскрипывал и шелестел, словно по коридору ползла змея.

— О! — обрадовался Тинкет. — Buona sera, синьорина...

Официантка окинула фокусника взглядом, будто примерялась, как бы полновчее впиться ему в горло.

— Да, синьор? — томно произнесла она.

— Где я могу найти графиню?

— Оу... — простонала официантка. — Синьора сейчас в зале с гостями. Скоро должна приехать Сара-Джессика Паркер. Все ждут... А вы?

— Иллюзионист. Графиня пригласила меня выступить на сегодняшнем приеме.

— Оу... Тогда вам нужен синьор Каппети. Это он занимается обслуживающим персоналом, дорогуша.

Вампириша повела обнаженными плечами и заговорщики подмигнула Тинкету.

— Поднимаетесь по лестнице и направо. Он скажет, что делать. Если его там не будет, дождитесь Винченцу — это я — и я вам помогу...

Алый язычок скользнул по тонким черным губам.

Томка только пожалела, что под рукой нет осинового кола. Ну нельзя плятиться на людей, как голодная кобра... И наклоняться так близко тоже нельзя, особенно если носишь столь тесные корсеты.

К счастью, Томка не единственная придерживалась подобного мнения. О моральных принципах Снуппи известно мало, но вот высокие кожаные сапоги, замаячившие перед мордой, ему совсем не понравились. И особенно — мускусный запах от этих сапог. Слишком сильно он напоминал о кошках. А если что-то пахнет как кошка и при этом двигается, как кошка... Снуппи зарычал.

Официантка опустила взгляд и, коротко взвизгнув, отскочила к стене. Бокалы на подносе задребезжали. Томка не стала скрывать злорадной ухмылки. Жаль, за гримом не разглядеть, как эта дамочка побледнела.

— Снуппи, тихо, — сказала девушка, прекрасно понимая, что слушать ее пес не станет. — Сидеть!

Снуппи взглянул на нее левым глазом и громко хрюкнул. Другим глазом он продолжал сверлить официантку, ясно давая понять, что той не стоит подходить ближе.

— Не бойтесь, — сказала Томка. — Он и мыши не обидит. Летучей...

Официантка придержала бокалы рукой, но они продолжали позывкливать.

— Ох, ты... Вы меня до полусмерти напугали! — странно слышать такие слова от вампира. — Мне пора бежать. Гости жаждут шампанского.

Ее смех прозвучал хрипло, точно ворона откашлялась. Натянуто улыбаясь, официантка поспешила дальше по коридору. Томка только успела услышать слова: «Каппети это совсем не понравится...»

— Миленько тут, — сказала Томка, провожая официантку взглядом. — Вампиры, Франкенштейн... Кто следующий?

— Да кто угодно, — сказал Тинкет. — Вы разве не знали? Тема сегодняшнего вечера — всякие ужасы и мистика. Думаете, почему им понадобился фокусник?

Синьор Каппети оказался невысоким человечком в костюме Мефистофеля из дешевой оперетки: красный плащ со стоящим воротом, красное трико, изящные рожки и бородка клинышком. Когда Тинкет и Томка вошли в зал, Каппети дирижировал трезубцем перед толпой вампиров-официантов, поваров-зомби и прочей нечистью, отдавая распоряжения направо и налево. Голос у распорядителя, или кем он там был, звучал по-детски пискляво, но в то же время на удивление строго.

Нечисть благоразумно жалась к стенам. Не столько потому, что их пугали речи распорядителя — говорил Каппети о закусках и напитках, — сколько из опасения быть ненароком насаженным на вилы. В целом же к залу вполне подходило определение «адская кухня». Для полноты картины не хватало только пары-тройки кипящих котлов с вопящими грешниками.

— Синьор Каппети? — спросил Тинкет, подходя к распорядителю.

Опереточный Мефистофель резко повернулся. Фокусник едва уклонился от удара трезубцем, нацеленного прямо в сердце.

Лицо Каппети было пунцово-красным, под стать костюму, и блестело от пота.

— Вы! Кто?!

— Чарльз Тинкет, — галантно поклонился фокусник. — Иллюзионист.

— Фокусник! — взвизгнул распорядитель. — Отлично! Только вас и ждем!

И он быстро огляделся, не переставая следить за всем и сразу. Пригрозил кулаком какому-то чертенку, пытавшемуся улизнуть с блюдом сашими:

— Выше! Выше держи! Так... Сыр нарезаем ровными кубиками...

На долю секунды взгляд распорядителя задержался на Томке.

— А это?! — Каппети указал на девушку трезубцем.

— Моя ассистентка, — объяснил Тинкет. — Знаете, у каждого иллюзиониста...

— А! Понял! Ясно! Отлично! Тогда приступайте! — отсутствие Томки в списках его ничуть не беспокоило. Развернувшись к вампирам, распорядитель что-то заверещал про количество бокалов, тут же переключился на канапе, отчитал повара, неправильно разложившего ветчину...

Фокусник откашлялся в кулак.

— Простите, синьор Каппети...

Распорядитель подскочил.

— Вы?! Что! А, фокусник!

— Прошу прощения, что отвлекаю, — сказал Тинкет. — Но мне нужна комната, где можно подготовиться к выступлению и переодеться. Желательно с зеркалом. Что-то вроде гримерной.

— Комната? А! Да, конечно!.. Так! Тринадцать бокалов, запомнили?! Тринадцать!

— И еще, — поспешил сказать Тинкет, пока заботы мира сего окончательно не увлекли распорядителя. — Нужен костюм для моей ассистентки. Точно такой же, как у ваших официанток. Чтобы она не выделялась.

— Костюм?! Понял! Подсадная утка, да?! Я видел по тиви... Ясно! Будет!

Томке не понравилось, что ее назвали уткой. Да и перспектива надевать вампирские шелка да корсеты ее не обрадовала. Но она решила, что не стоит упрямиться. Тинкет прав: переодевшись официанткой, она действительно станет незаметной. Как в истории с пропавшим письмом у Эдгара По или с почтальоном у Честертона — хочешь что-то спрятать, держи это на виду.

Беспокойный взгляд Каппети остановился на Снуппи.

— Ой! А это что за... существо?!

Наверняка ответить на этот вопрос не мог никто в этом мире. Не рискнул и Тинкет.

— Реквизит, — уклончиво сказал он. — Нужен для главной иллюзии.

— А! Что?! Но графиня... Синьора не любит... э... собак!

— Тогда главный номер ей точно понравится, — загадочно улыбнулся Тинкет. — Где искать гримерную?

— Уф... — Каппети рукавом вытер вспотевший лоб. — Понравится?! Черт... Нет времени! Луидзи! Проводи их в комнату рядом с чуланом! Донна! Найди костюм для синьорины ассистентки, живо! Паоло, ты с ума сошел! Что я говорил о креветках?

Как всякий великий человек, Каппети думал о тысяче вещей одновременно.

— Итак, — сказал Тинкет, когда дверь гримерной закрылась. — Рассказывайте.

— Что именно?

Томка с сомнением разглядывала наряд, который принесла ей одна из официанток. И как справиться с таким количеством шнурков?

— Вы обещали объяснить, зачем вам так нужно попасть на прием, — напомнил фокусник.

Томка кивнула — обещала, было дело.

Историю о ее злоключениях, начиная с прилета в Италию и заканчивая пропажей чемодана, фокусник выслушал внимательно, как Шерлок Холмс рассказал очередного клиента, который услышал вой на болотах.

— Да уж... — протянул он, когда девушка замолчала.

— Что значит «да уж»? — взвилась Томка.

— Все же ясно, как дважды два, — сказал Тинкет. — Вас одурачили жулики. Готов поспорить, они и стащили чемодан.

У Томки было, что на это ответить:

— А зачем они оставили мне собаку? Это нелогично.

— С чего вы взяли, что это была их собака? Небось, они взяли ее в приюте и тут же от нее избавились. Собака была нужна для отвода глаз. Ну что это за конкурс на самую уродливую собаку в мире? Вы о таком раньше слышали?

— Я много о чем не слышала, — надулась Томка. — Но это не значит, что этого не существует. И вообще... Не похожи они были на жуликов.

— Жулики никогда не похожи на жуликов. Иначе кто им доверится?

Томка фыркнула. Только что она пережила крайне неприятное приключение с жуликами, которые выглядели именно как жулики.

— Ерунда, — сказала девушка. — Для жульничества слишком много лишних ходов. Они могли украсть мой чемодан тысячей куда более легких способов.

И кое-что еще... Томка не стала рассказывать фокуснику всей истории. Умолчала она о гадании на Таро и о намеках на «роман с фокусником». Нечего поднимать эту тему. Не сказала она и о таинственных «воспоминаниях» чемодана, странным образом перекликавшихся с историей ее прабабки. История и без того была слишком запутанной.

— Лишних ходов никогда не бывает, — сказал Тинкет. — Поверьте специалисту: чтобы отвлечь внимание, все средства хороши. Сомневаюсь, что вы встретите здесь свою бородатую даму. Ей только и надо было — направить вас по ложному следу.

— Но попытаться ведь стоит? — уперлась Томка.

Тинкет не стал спорить.

— Почему бы и нет? Все равно вы уже здесь... Только не увлекайтесь поисками. Нам еще нужно работать. На сегодняшний вечер вы моя ассистентка.

— Ха! И что же я должна делать? Отвлекать внимание?

— По большей части. Строить удивленные физиономии. Сумеете?

— Я же актриса! — задрала нос Томка.

— Вот, держите, — Тинкет вытащил игральную карту и протянул девушке. — Спрятать в одежде. Когда я подам знак, вытащите с удивленным видом. Это карта номер один...

— Будет и вторая?

— Да. С этой картой малость сложнее. Итак, запоминайте...

И Тинкет подробно рассказал, как делается трюк «карта через стекло».

— Так просто? — удивилась Томка, когда он закончил. — Только и всего?

— Все фокусы объясняются просто, — Тинкет скривился. — Тот случай, когда загадка настолько лучше отгадки, что отгадку хорошо бы и не знать.

Он щелкнул пальцами и на его ладони заплясал голубой огонек. Тинкет подбросил его, поймал, резко дунул и огонек обернулся блестящей монетой. Зажав ее большим и указательным пальцами, фокусник крутанул монету волчком и оставил вращаться в воздухе вопреки всем законам физики.

— Видите — ничего сложного. *Voilà!*

Тинкет хлопнул в ладоши, и монета рассыпалась разноцветными блестками. Томка обреченно покачала головой. Красуясь перед дамой, птица-фрегат раздувает уродливый горловой мешок; олень-марал ревет, как паровозная сирена; а о том, как ведут себя некоторые креветки, подумать страшно... Так что ей, можно сказать, повезло. Фокусы — не самый плохой вариант, хотя креветки-девушки ее бы не поняли.

— В общем, что делать с картами я уяснила, — сказала Томка.

— Прекрасно. Только, ради Бога, постарайтесь их не перепутать.

— Приложу все усилия, — клятвенно пообещала девушка. — Надеюсь, мне хватит ума не перепутать...

Она перевернула карты. И коротко вскрикнула, вмиг побледнев.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросил Тинкет.

— Нет-нет, все в порядке, — хрипло сказала Томка, таращась на карты.

Самые обыкновенные, очень удобные для фокусов, поскольку легко запоминаются... Джокер и пиковый валет. Шут и Обманщик. Прямой эквивалент тех карт Таро, которые показывала ей Лаура. Если это не совпадение, то как еще это можно назвать? На ум приходило только одно слово — заговор. Томку охватило неприятное чувство, какое бывает, когда вагончик на американских горках, взобравшись на самую вершину, срывается вниз. Кажется, это и называется паранойей.

— Вы уверены, что все в порядке? Как-то на вас лица нет.

— Все замечательно, — натянуто улыбнулась Томка.

Тинкет понимающе кивнул.

— Не бойтесь, — сказал он, не совсем верно истолковав причины ее бледности. — Страх сцены — нормальное явление. Опытные люди говорят, что помогает немного коньяка. Я могу попросить нашего демонического друга Каппети принести немного. Пары бутылок вам хватит?

— Нет у меня страха сцены! — Томка едва не взорвалась. — Я играла на улице, а это быстро избавляет от боязни публичных выступлений...

Девушка перевела дыхание и немного смягчилась.

— Но коньяк, пожалуй, лишним не будет...

Когда Тинкет вернулся с бутылкой, Томка успела переодеться в вампирский костюм. Будь ее воля, она бы предпочла одеяния менее обтягивающие, с меньшим количеством шнурков

и с большим количеством ткани. Однако, глядя на себя в зеркало, девушка признала, что выглядит весьма эффектно. Томка крутанулась на носках. Ее мать подобный костюм точно бы не одобрила. Но ведь это только на один вечер, и мать не увидит...

Дверь скрипнула, на пороге появился фокусник. Томка повернулась к нему и улыбнулась. С тем же результатом она могла бы швырнуть в него половинкой кирпича. Тинкет споткнулся и замер, во все глаза глядя на девушку.

— Ээ...

— Ну как? — спросила Томка, вертаясь перед зеркалом.

Тинкет приложился к бутылке. Удивительное лекарство коньяк, помогает справиться не только со страхом сцены.

— Вам... идет, — проговорил он, когда алкоголь разомкнул связки.

— Ах! Подлецу все к лицу, — Томка откинула челку со лба и надела маску, добавив своему образу необходимую капельку загадочности. — Вы, кстати, решили, что делать со Снуппи?

Она посмотрела на пса. Тот ответил ей уважительным взглядом — новый Томкин образ произвел впечатление даже на него.

— Лучший вариант — запереть его в комнате и не выпускать, пока гости не разойдутся.

— Разумно, — согласилась девушка. — А как же «реквизит для главной иллюзии»?

— Не стоит так рисковать... — сказал Тинкет. — Иначе главной иллюзией станет исчезновение любимой левретки кого-нибудь из гостей.

Снуппи громко клацнул челюстями, словно упоминание левреток пробудило в нем дремлющие инстинкты.

— Что ж, если вы готовы, пора спуститься к гостям.

Томка забрала у фокусника бутылку и сделала большой глоток из горлышка. Наверное, это было кощунством по отношению к столь благородному напитку — коньяк-то в доме графини был дорогой, — но угрызений совести девушка не испытывала. Иногда коньяк это просто коньяк.

— Готова, — Томка прижала тыльную сторону ладони к губам. Опыта хватило не закашляться.

— Тогда подождите меня пару минут за дверью, и в бой.

— Угу, — Томка сделала еще один глоток из бутылки. На всякий случай.

Долго себя ждать Тинкет не заставил. Неизвестно, что он делал в комнате, и имела ли к этому отношение бутылка французской aqua vita, но из гримерной вышел совсем другой человек. Растряянность и растрепанность исчезли, уступив место аристократическому изяществу и лоску. Волосы не торчали во все стороны, во взгляде появилась твердость, от извиняющейся улыбки не осталось и следа. Каждый шаг, каждый взмах руки или поворот головы был выверен и точен.

Томка много читала про людей, которые источают некий «внутренний свет», но впервые увидела, как это выглядит на самом деле. Словно кто-то щелкнул переключателем, и внутри Тинкета зажглась лампочка на тысячу киловатт. Сейчас Томка прекрасно понимала тех мотыльков, которые летят на пламя свечи. Жалела она только о том, что коньак остался в гримерной.

Томка нервно поправила упавшую на глаз прядку волос. Призрак amore a prima vista только что не потоптался на поверженной девушке. Если бы Тинкет предложил бежать на край света, она бы не медлила и секунды. Оставалось порадоваться, что он не предложил: в бегстве на край света есть одна неприятная сторона — потом приходится думать, как оттуда выбираться. Томка стиснула зубы и мысленно трижды проговорила: «Держи себя в руках и улыбайся».

Фокусник тоже переоделся и щеголял теперь в черном сюртуке в красную полоску. В тех же цветах был выдержан и остальной костюм: невысокий цилиндр, полумаска, узкий галстук и прочее. Непонятно, где он только прятал всю эту одежду: пришел он с небольшой сумкой через плечо.

— Пойдем? — Тинкет щелкнул пальцами и из воздуха материализовался пиковый туз.

Томка захлопала в ладоши, хотя, казалось бы — совсем простенький фокус. Тинкет учтиво поклонился.

В то же мгновение из-за поворота выскочила вампирша Винченца с подносом, полным бокалами. Не иначе как караулила. Заметив Тинкета, официантка остановилась:

— Оу!

Томка напряглась, улыбка ее стала холодной. Девушке совсем не понравилось, что эта особа шастает поблизости. На земле есть тысяча мест, где ее «оу!» будет куда уместнее — в Африке, например, или Антарктиде. И Томка искренне желала Винченце там оказаться.

Меж тем официантка стала подкрадываться к фокуснику. Во взгляде появилась целеустремленность, глаза стали узкими как щелочки, в уголке рта задрожала нарисованная капелька крови.

— Оу! Ну вы и выглядите, дорогуша! — вампирша оглядела Тинкета с головы до ног с тем выражением, с каким гурман смотрит на блюдо, полное устриц. — Шик и блеск! Настоящий франт!

— Благодарю, синьора, — улыбнулся фокусник.

— Нет-нет, — Винченца отмахнулась ладошкой и хрипло за-смеялась. — Никак не синьора. Синьорина.

— О, прошу прощения!

— Шампанского? — предложила вампирша, скалясь во всю пасть.

Винченца провела пальцем по краю одного из бокалов и низко наклонилась, видимо, пытаясь выскользнуть из своего корсета. Позиция очень удачная, чтобы согреть дамочку по затылку, но под рукой не оказалось ничего подходящего. В который раз Томка с тоской подумала о бутылке в гримерной.

— Кхм... — девушка громко откашлялась.

Спустя пару секунд официантка снизошла до того, чтобы посмотреть на Томку. Во взгляде промелькнуло легкое раздражение — словно в ботинок ей попал камешек, но приличия не позволяют вытряхнуть его на людях.

— Оу! Вы, кажется, простудились?

— Нет-нет, — заверила ее Томка, глядя прямо в глаза. — Першинка в горло попала. Такая, неприятная...

Те, кто обвиняет женщин в болтливости, забывают о простом факте: когда надо, женщина может сказать все, не проронив ни звука. Томка и Винченца только обменялись взглядами, и в воздухе отчетливо запахло озоном.

— Мдау? Но если вы плохо себя чувствуете, лучше вам пойти домой. Нельзя рисковать своим здоровьем. Вы так легко одеты, что можете серьезно заболеть.

Томка с лязгом захлопнула рот. Вот ведь гадюка! Кто бы говорил про костюм! Винченца же, решив, что вопрос исчерпан, снова повернулась к Тинкету.

— Берите шампанское. Графиня угощает, — она склонила голову. — Какой у вас симпатичный галстук... Шелк?

Тинкет, похоже, и не собирался ставить эту мымру на место. Вместо этого он изящно взял бокал и отпил небольшой глоток.

— Благодарю.

— Оу! — простонала официантка, наклоняясь ближе, хотя, казалось, это невозможно. — Надеюсь, вам понравится...

— Разумеется. Очень вкусное шампанское.

Томка заскрипела зубами так, что эхо заметалось по коридору. К желанию треснуть Винченцу бутылкой по голове прибавилась твердая убежденность, что одним трупом здесь не обойтись. И тщетно глас разума пытался сказать, что ее это не касается. Томка обошлась с ним как взбесившийся слон с туземной деревушкой — растоптала и не заметила. Еще как касается.

— Кажется, нам пора, — напомнила Томка. Одного тона было достаточно, чтобы температура в коридоре упала на пару градусов. — Гости уже заждались.

Официантка повернулась, кровавая капелька дрогнула.

— Не беспокойтесь. Гости заждались Сару-Джессику Паркер, а вашего отсутствия они даже не заметят.

Но пока Томка думала, как бы поприличнее выщапать ей глаза, Тикет уже поставил бокал на поднос.

— Боюсь, моя ассистентка права, — покачал он головой. — Нельзя заставлять синьору графиню ждать.

— Какая жалость, — Винченца отстранилась. — Но вечер длинный. Увидимся.

И с улыбкой довольной акулы она удалилась вниз по коридору.

— Вот дрянь... — беззвучно сказала Томка, глядя вслед вампирше.

— Что?

— Я говорю — какая милая девушка!

— Главное, — сказал Тинкет, когда они поднимались по лестнице, — не пугайтесь графини...

— Что? — хмуро спросила Томка.

Она шла позади фокусника, уставившись под ноги. Окажись на ее месте Зевс-Громовержец, уже вовсю бы сверкали молнии. И никак иначе: палаццо, по которому расхаживают Винченцы, должно быть разрушено. К счастью, не всегда желания совпадают с возможностями. И вместо того, чтобы сеять смерть и разрушение, Томка дулась и обиженно сопела.

Тинкет если и заметил ее состояние, то вида не показывал. Оно и к лучшему: если бы ему хватило ума спросить, что случилось, Томка бы не удержалась. Даже не верится, насколько тупыми бывают некоторые мужчины. Как он мог посмотреть в сторону этой... этой... Тут словарный запас ее подвел. Она знала множество слов, которыми могла бы охарактеризовать Винченцу, но все они были какими-то добрыми.

— Я говорю: увидите графиню — не пугайтесь.

— Она страшная? Строгий взгляд, античный профиль? — живых графинь Томке видеть не доводилось, пришлось довольствоваться теоретическими познаниями. — Смотрит на людей так, что мурашки по телу?

— Нет. Просто она... большая. Очень большая.

— Великанша?

— И это тоже, — кивнул Тинкет. — Во всех отношениях. Карты спрятали?

— О да, — буркнула Томка.

— Тогда пойдем. Будьте готовы...

— Всегда готова, — отозвалась Томка и улыбнулась. Улыбкой № 57, кислой, будто девушка разжевала лимон.

Тинкет толкнул высокие застекленные двери, и они вошли в бальную залу.

Первым делом Томка подумала, что она волшебным образом перенеслась на шабаш на Лысой Горе. Гостей на приеме было много и сплошь чудища да монстры: ведьмы, вампиры, черти и сумасшедшие изобретатели... Хватало и классических венецианских масок — мелькали бауты, коломбины, вольто, моретты. Впрочем, из общего настроения они не выпадали. Есть в венецианском карнавале что-то жуткое, наводящее на мысли о призраках и мертвецах. Венецианские маски созданы, чтобы беззвучно появляться из тумана и так же беззвучно исчезать, оставляя случайного свидетеля дрожать от страха. Это не разудальные бразильские танцы под грохот жестяных барабанов, здесь все серьезно.

Звучала музыка. Струнный квартет, загrimированный под зомби, играл дикое попурри из Эдварда Грига, Денни Эльфмана и заставок к фантастическим сериалам. Получалось не очень: музыканты надеялись, что придется исполнять Вивальди, как это заведено на венецианских приемах, а приходилось импровизировать.

Томка оглядела гостей, но ни Лауры, ни Джеппетто не заметила. Впрочем, ничего страшного — людей было много и все в масках. Надо только присмотреться повнимательнее, пройтись по залу, задать пару вопросов и тогда она их найдет...

И тут Томка увидела Огромную Женщину. На секунду девушка замерла. Потом пришла мысль, что стоять и таращиться на хозяйку неприлично; Томка отвела взгляд, хотя это заняло время.

— Это графиня? — прошептала девушка, голос ее дрогнул.

— Да. И не говорите, что я не предупреждал.

— Вы сказали, что она большая!

— Разве это не так?

— Так... Но... — Томка не нашлась, что сказать.

Слово «большая» и впрямь не подходило графине. Даже «огромная» было преуменьшением. Росту в ней оказалось больше двух метров, одного этого достаточно, чтобы привлечь внимание. Однако в придачу графиня была такой толстой, словно ее накачали воздухом. Шея у нее отсутствовала, зато подбородков было не меньше шести; щеки выпирали, будто во рту она держала пару грейпфрутов, пальцы походили на сардельки... Единственное сравнение, которое приходило на ум — это дирижабль.

У графини был костюм Мертвой Невесты. Учитывая тематику приема, лучше ей было предстать в образе тролля или великана-людоеда. Но корпулентные дамы любят легкие и воздушные образы. А тут такая возможность появиться на людях в подвенечном платье! Пусть даже в белом гриме и с аккуратно нарисованными шрамами. В руках графиня М. держала мертвящего вида лысую кошку, озиравшую гостей с презрением египетского сфинкса.

Графиня повернулась, и Томке показалось, что содрогнулось все здание палаццо. Зазвенели люстры муранского стекла, штукатурка посыпалась с потолка. Очень медленно она подняла руку, подзываая к себе фокусника.

У Томки по спине пробежал неприятный холодок. Графиня ее пугала, предупреждения Тинкета не особо помогли. Однако сам фокусник держался спокойно, будто каждый день встречался с гигантскими Мертвыми Невестами. В его взгляде Томка не увидела ни жалости, ни смущения — на графиню он смотрел так же, как и на остальных людей. Если бы Томка не злилась, то наверняка записала бы на счет Тинкета пару очков.

— Buona sera, синьора, — фокусник галантно поклонился. — Выглядите очаровательно.

В горле графини зародился странный звук, похожий на медленное бульканье. Так кипит очень густая каша, лопаясь пузырями. Это был самый удивительный смех, который Томке доводилось слышать.

— Льстишь, Чарли, — графиня легонько ударила его по руке. Тинкет вздрогнул.

— О! Вы меня помните, синьора, — сказал он, растирая плечо. — Мы же встречались всего один раз.

— Конечно, помню, дурилка, — фыркнула графиня, в общении тактичная, как ледокол. — У меня же идиотическая память, или как там правильно.

— Я польщен. У вас чудесный прием, синьора.

Графиня снова забулькала, на сей раз возмущенно.

— Чудесный! А тощая лохудра куда-то запропастилась. Все только ради нее собирались, знаю я эти морды, и где она, спрашивается?

— Осмелюсь предположить, тощая лохудра — это несравненная Сара-Джессика Паркер?

— Она самая. В канале, поди, утопла? Так дальше пойдет — гости взбесятся. Одна надежда на тебя, Чарли, будешь их развлекать.

— Приложу все усилия, — Тинкет почтительно склонил голову.

— Уж постараися, — сказала графиня. — За те деньги, что я тебе плачу, я бы тоже все усилия приложила... Селедка с тобой?

Пальцем-сарделькой она указала на Томку. Девушка выпрямилась; щеки ее вспыхнули. Но синьора улыбалась вполне дружелюбно и, похоже, не хотела ее обидеть.

— Тамара. Моя ассистентка, — представил девушку Тинкет. — Исключительно одаренная девушка из России.

— Может, и одаренная, — не стала спорить графиня. — Да больно тощая и мелкая. На таксу похожа. Не следишь ты за ней, Чарли, нехорошо. А мы, женщины, заботу любим... Покорми ее и приступайте к делу.

— Благодарю, — сказал Тинкет.

Графиня снова хлопнула его по руке (чудом обошлось без перелома) и повернулась к двери, обратившись в статую, которую искусствоведы нарекли бы «В ожидании Сары-Джессики Паркер». Тинкет потянул Томку за рукав.

— Пойдем, — шепнул он. — Аудиенция окончена.

Однако Томка так не считала.

— Синьора, — спросила девушка. — Можно вопрос...

Графиня посмотрела на Томку со снисходительным выражением, с каким гиппопотам смотрит на квакающую по соседству лягушку.

— Валяй.

— Я ищу одну даму, она должна быть на вашем приеме. Ее зовут Лаура...

— Не помню, чтобы среди моих гостей была какая-то Лаура, — нахмурилась графиня. — Привел, что ли, кто?

— У нее примечательная внешность, — сказала Томка. — У нее есть бородка, такая вьющаяся, как у фавна...

Графиня медленно моргнула.

— Что? Бородатая женщина? Как в цирке, что ли?

— Да, синьора, — кивнула Томка.

— Ну ничего ж себе! — графиня мотнула головой. — Лаура с бородой! Если б я знала, что такая есть, я б ее сама за бороду сюда притащила. А то все только на меня и пялятся, будто я экспонат какой. Нет, милая, никогда я о твоей Лауре не слышала, и видеть ее не видела. А теперь беги и поешь. Не хочу, чтобы на моем приеме кто-нибудь отбросил копыта с голодухи.

Пошатываясь, Томка отошла к дальней стене. Ей нужно было немного побывать одной, собраться с мыслями... Но не успела она перевести дыхание, из воздуха сгустился вампир-официант с подносом, полным канапе из креветок.

— Синьорина? — оскалив в улыбке фальшивые клыки, он поиграл бровями. — Угощайтесь.

И шепотом добавил:

— Быстрее, пока хозяйка не смотрит... Новенькая, да? Не видел тебя раньше. После приема, как? Ко мне поедешь?

Томка ответила ему рассеянным взглядом.

— А? — она не сразу поняла, о чем толкует этот извивающийся хлыщ.

— Не туши, — ухмыльнулся официант. — Я клевый парень, ты — симпотная девчонка. Почему бы нам...

— А! — протянула Томка. — Извините, я не...

— Спешишь домой? Так тут много пустых комнат. Как тебе клевая идеяка, а?

Он снова задвигал бровями. Томка глубоко вдохнула.

— У вас есть знакомые с медицинским образованием?

Брови замерли.

— Не понял?

— Кто-то должен о вас позаботиться, когда я сломаю вам нос.

Вообще-то Томка обошлась с ним по-доброму, могла и не предупреждать.

Официант громко икнул. Что-то в Томкиной улыбке подсказывало ему, что девица не шутит. Может, стоило рискнуть и предложить еще какую клевую идеяку, но он слишком дорожил своим носом. Никакая девица не стоит таких жертв: их-то полно, а нос у него один. И официант испарился — вампиры это умеют.

Томка прислонилась к стене, глядя на прохаживающихся по залу гостей. Человек в красном костюме палача чокался бокалами с компанией ведьм в остроконечных шляпах; толстый тип в маске акулы-людоеда нарезал круги у большой миски с икрой; дамы в роскошных платьях à la восемнадцатый век уивались за Человеком-Осьминогом, известным кинопродюсером; некий Казанова, в бауте и треуголке, шептал на ухо Медсестре-Убийце в окровавленном халатике. Сумасшедший дом во всей красе.

Томка хмурилась и кусала губы. Она рассматривала гостей, все еще надеясь, что среди них окажется Лаура. Но надежда таяла быстрее, чем эскимо на сковородке. В конце концов, Томка

сдалась. Оставалось признать, что Лауры здесь нет, никогда не было, а ее саму развели как последнюю дуру.

Томка не знала, на кого ей злиться: на Лауру, которая оказалась обыкновенной воровкой, на себя — что так легко повелась на льстивые речи, или на Тинкета — за то, что тот оказался прав. И обманули-то ее по-детски: поманили не конфетой, а пустым фантиком. «Дю Солей», тридцать тысяч евро... А она развесила уши. Как уличных шарлатанов выводить на чистую воду, так Томка Кошкина в первых рядах, а как сама...

Томка шмыгнула носом и сжала кулаки. И что теперь? Утопиться с горя в канале — не вариант. Снова бродить по улицам в поисках бородатой воровки? Глупо. Шансов никаких... Бросить все и забыть? Это не позволяли гордость и уязвленное самолюбие.

Томка прекрасно понимала, что обязана найти Лауру и ее муженька-чревовещателя. Нельзя, чтобы подобные вещи сходили с рук. Иначе обостренное чувство справедливости выест ее изнутри; проще выпить бутыль серной кислоты. К тому же девушке был дорог ее чемодан, не говоря о содержимом.

Справа раздалось вежливое покашливание. Задумавшись, Томка не заметила, как подошел Тинкет.

— Вы в порядке?

— Не очень, — честно призналась Томка. — Вы были правы: Лауры здесь нет. Она оказалась воровкой.

— Сочувствую, — вздохнул Тинкет. — Жаль, ничем не могу вам помочь.

— Да? Наверное... Что, пора начинать шоу?

— Пожалуй, — сказал Тинкет. — Голливудская гостья еще не появилась, а хотелось бы перед ней выступить... Но дальше тянуть нет смысла. Вы последовали совету хозяйки и успели подкрепиться?

— Я не голодна.

— Взяли бы креветок. Тут один милый молодой вампир разносит...

Томка не выдержала. Нельзя же бесконечно сохранять лицо?

— Креветки? — зашипела девушка. — Какие, к чертям, креветки? Я влипла по уши, а вы говорите о креветках!

— Но это хорошие креветки...

Томка его не слушала. Иногда девушке необходимо выговориться, и чужие реплики только портят процесс.

— Одна в чужом городе, без денег. Меня ограбили, чуть не убили. Креветки! Права была мать — нужно было сломать ногу и оставаться дома. Не пришлось бы теперь думать, что делать и как из всего этого выкручиваться.

— Раз речь зашла об этом... — Тинкет вдохнул. — Завтра у меня выступление еще на одном мероприятии. И ассистентка мне не помешает. Много обещать не могу, но пятьдесят евро за вечер вас устроит?

Томка осеклась.

— Что?

— Это будет не такой прием, как сегодня. Место, скажем так, попроще, но...

— Вы предлагаете мне работу ассистентки? На полном серьезе?

— Почему бы и нет? Каждому фокуснику нужна ассистентка, вы правы — это как кролик из шляпы. А поскольку место вакантно...

Что-то похожее Томка испытала во время достопамятной истории с парашютом. Только что она с визгом падала в объятья бездны, отсчитывая последние секунды своей такой короткой жизни, и вдруг раз — кольцо сработало, над головой раскрылся белый купол, и мир стал восхитительно прекрасным. Томка уставилась на фокусника, чувствуя, что еще немного, и она не сможет сдерживать радостную улыбочку. Глаза ее заблестели.

— Э... А... Вы уверены, что вам нужна ассистентка, которая выглядит как селедка похожая на таксу?

Тинкет насупился.

— Вы не похожи на селедку.

— А на таксу? — прищурилась Томка.

— Ну... — в поисках поддержки фокусник посмотрел на графиню. — Все, пора начинать выступление.

— Чарльз Уилмот Тинкет! Если ты думаешь, что я оставлю этот вопрос...

Тинкет развернулся к залу.

— Дамы и господа! Минуту вашего внимания...

Выступление иллюзиониста было в самом разгаре. Всех гостей на приеме оно не привлекло — чтобы тягаться с отсутствующей Сарой-Джессикой Паркер, фокусов недостаточно, — но как минимум две трети его смотрели и даже хлопали. Тинкет начал с фокусов с монетами, потом были ленты, меняющие цвет, летающий бокал и мобильный телефон, который Тинкет утопил в шампанском, затем расколотил, а после — целым и невредимым — достал из шляпки одной из дам. Дело двигалось к фокусам с картами.

— До чего хорош! — услышала Томка голос у самого уха. — Прямо лапушка. Так и хочется...

Девушка резко повернулась. Вампирша Винченца приветливо ей улыбнулась, но Томка ни на грош не поверила ее улыбке.

— Простите?

Тинкет как раз провернул свой излюбленный трюк с розой из пламени.

— Какой он милый! — воскликнула официантка. — Я бы с ним замутила. Надо нам познакомиться поближе...

— Что?!

Возможно, существовал и лучший ответ, например: «Только попробуй, и я оторву тебе ноги». Но врожденное красноречие в сей раз Томке изменило. Хоть она и попыталась вложить в это «что?!» все, что думала о девице, но вышло не ахти. Винченца даже внимания не обратила.

— У нас наверняка получится. Такому фокуснику нужна хорошая ассистентка, — сказала вампирша. — Чтобы было на что посмотреть, понимаете?

И Винченца передернула плечами, аж корсет затрещал. От подобной наглости Томка лишилась дара речи.

— Вам плохо, дорогая? — участливо поинтересовалась Винченца. — Так дышите, будто у вас астма.

Звук, вырвавшийся у Томки, походил на свист пара из готового взорваться котла. Видимо, шестое чувство подсказало официантке, что самое время смыться.

— Извините, должна работать, — покачивая бедрами, официантка ушла разносить шампанское. Томка проводила вами-пиршу взглядом, думая о том, что Ван-Хельсинг, в сущности, был мягким и добрым человеком.

Если бы девушка не смотрела вслед официантке, то ничего бы не заметила. Но именно в этот момент открылась дверь, и в зал вошел маленький человек в черной пелерине и маске «доктора чумы». Остановившись на пороге, он огляделся по сторонам.

Томка замерла. Быть этого не может...

Девушка не удивилась. Удивляется человек, который утром в собственной ванной находит труп с перерезанным горлом. Томка же была в шоке. За миллиардную долю секунды она забыла и о гадкой Винченце, и об обманщице Лауре, и о Тинкете. В мире не осталось никого, кроме жуткого карлика в маске, похожей на птичий череп.

Вокруг было полно всяческих монстров и чудовищ, но до сих пор Томка не думала пугаться. Какой смысл бояться папье-маше и акриловой краски? Но сейчас девушка не могла пошевелиться. Хотелось закричать, но смогла она лишь тихо пискнуть.

Страх — обширное понятие. Бояться можно чего-то конкретного, как боятся, например, высоты (акрофобия), мышей (мусофобия), числа «тринадцать» (трискаидекафобия) или клоунов (коулрофобия). Сама Томка считала, что не боится ничего, и раз за разом пыталась это доказать, в первую очередь — самой себе. Прыгала с парашютом (борьба с акрофобией), надевала рыжий парик и поролоновый нос (борьба с коулрофобией) и ввязывалась в самые нелепые авантюры (просто борьба).

Но кроме страхов конкретных, вызванных объяснимыми причинами, есть и другие, объяснить которые не так легко. Ужас, охвативший Томку, не имел под собой никаких оснований. Ну карлик, ну в маске... Томка же смотрела на него и тряслась, как восточная танцовщица, наступившая на оголенный провод. Спина стала мокрой, а по коже словно забегали пауки. Это был именно тот страх, который ценил и уважал писатель Г.Ф. Лавкрафт. Окажись он рядом, то понимающее похлопал бы Томку по плечу.

Карлик меж тем продолжал топтаться на пороге, оглядывая зал. При этом он странно дергал головой, резко поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Так мотают головой некоторые птицы, голуби, например. От этих дерганых движений девушке стало дурно. И лучшим людям порой хочется испариться, но никогда Томка не желала этого так сильно.

На негнущихся ногах Томка двинулась в сторону высокого толстяка в маске, известной как «нос турка». Человек этот был поперек себя шире, и миниатюрная девушка вполне могла за ним спрятаться.

Лучше бы она этого не делала. Карлик словно почувствовал движение и мигом к ней повернулся. В черных глазницах маски полыхнул огонь. Тут и человек с нервами, как стальные канаты, не удержался бы и подпрыгнул. Уже в полете Томка сообразила, что это свет люстр отразился в черных стеклах. Но легче ей от этого не стало.

Огни в черных глазницах лишили ее остатков храбрости. Самым ужасным было то, что карлик ничего не делал. Только стоял и смотрел, постукивая по полу тростью с набалдашником в виде какой-то серебристой фигурки. Несмотря на гул голосов, музыку, аплодисменты и смех, этот стук Томка слышала так четко, словно карлик колотил ее прямо по черепушке. У девушки подкосились ноги.

Спасение пришло внезапно, и откуда она его не ждала. Дверь снова открылась и в зал проскользнула расплывчатая белая

фигура, мгновение спустя обернувшаяся тощим Белым Пьеро. Склонившись к карлику, Пьеро что-то зашептал, картино взмахивая руками. Томка не сразу поняла, что он указывает на графиню М.

Карлик повернулся, едва не ударив Пьеро по лицу длинным клювом маски. Что он сказал, Томка не услышала, но Пьеро заскакал на месте, будто хотел в уборную. Он снова указал на графиню, хотя мог бы этого не делать — не заметил бы ее только слепой.

Едва карлик перестал на нее таращиться, Томка почувствовала странную легкость. Как Гарри Гудини, сбросивший сковывающие его цепи. Страх остался, но девушка, по крайней мере, могла двигаться. И упускать такую возможность она не собиралась. Томка попятилась. Сейчас у нее было одно желание — убраться из этого дома как можно дальше. Лучше всего — на другой континент.

Сбежать не получилось. Не успела Томка сделать и пары шагов, как рядом появился Тинкет. На девушку он не смотрел, но она сразу поняла — пришел ее черед выступить в роли ассистентки. И как бы Томка не тряслась от страха, уйти и подвести Тинкета она не могла.

— Синьор, — обратился фокусник к толстяку с «носом турка». — Выберите карту.

Он протянул толстяку раскрытую веером колоду. Тот фыркнул, как сенбернар при виде болонки, но карту вытащил.

— Запомнили? А теперь вложите карту в колоду и сами перемешайте.

Продолжая фыркать, толстяк выполнил указания. Тасовал он старательно, словно это доставляло ему физическое наслаждение. Сделал все, чтобы карту невозможно было найти — так он думал.

— Вот, — злорадно сказал толстяк, возвращая Тинкету колоду.

— Благодарю, — фокусник поклонился. — Но фокус я покажу без помощи рук. Подбросьте колоду вверх...

Едва заметно он кивнул Томке. В то же мгновение ворох карт посыпался на девушку. Томка замахала руками, как Алиса в последней главе «Страны Чудес».

— Ой!

— Простите, синьорина, — всполошился толстяк. — Я не хотел, но этот...

Томка еще пребывала в полуобморочном состоянии от встречи с жутким карликом. И ей не пришлось разыгрывать удивление — лицо говорило само за себя. Она вытащила из корсета заранее спрятанную карту и уставилась на нее как баран на новые ворота. Джокер... Черно-красный шут ехидно ухмылялся, словно знал какую-то тайну, которой ему очень хотелось поделиться. На мгновение девушке показалось, что шут на картинке пляшет по-настоящему, хотя причиной тому были дрожащие руки.

— А? Что? Я? Откуда??!

— Ух ты! — воскликнул толстяк, разглядев карту в руке девушки. — Это ж моя! Ловко... А, дает!

Он снова фыркнул, на сей раз одобрительно. Хотел что-то сказать, но на горизонте появился официант с блюдом креветок. Толстяк тут же забыл о волшебстве.

— Эй! Погоди, приятель! — он поспешил вслед за деликатесами.

Тинкет тихо выругался. Всегда так: трудишься, не покладая сил, несешь людям свет и радость, воскрешаешь детскую веру в чудо... А выясняется, что нужны им только креветки. Он глянул на Томку. Девушка оторопело таращилась на карту, будто и в самом деле увидела ее впервые в жизни.

— Отлично держишься, — шепнул Тинкет. — Молодец. Только не переигрывай.

— Я не...

Томка обернулась, ища взглядом карлика. Но тот исчез вместе с Пьеро; не было в зале и графини. Томка замотала головой. Не может быть, чтобы ей померещилось. У нее, конечно, богатое воображение, но не до такой же степени!

— Ты видел? — громким шепотом спросила девушка. — Он здесь!

— Кто? — растерялся Тинкет. — А! Нашла бородатую мошенницу? Она все-таки пришла?

— Нет! Здесь он! Карлик из Театра Ужасов. Как его... доктор Калигари.

— Правда? И где он?

— Вышел куда-то...

— Ничего, — утешил ее Тинкет. — Еще вернется. Спросишь его про ту афишу?

Томка совсем не успокоилась. Думала она о том, как бы поскорее убраться с этой вечеринки. А задавать карлику какие-либо вопросы у нее и в мыслях не было. Легче снова прыгнуть с неисправным парашютом, чем подойти к карлику ближе, чем на пятьдесят шагов.

— Я...

— Поговорим позже, — сказал Тинкет. — Нас не должны долго видеть вместе.

И галантно поклонившись, как совершенно чужому человеку, он исчез среди гостей. Томка осталась стоять. И что теперь делать? Уйти нельзя, а оставаться — нарываться на новую встречу с карликом. Томка понятия не имела, почему ей так страшно от одного его вида. Но искать ответ на этот вопрос не было ни малейшего желания — при всем ее любопытстве.

Томка топталась на месте, кусая губы и заламывая руки, точно позировала для статуи музы Нерешительности. Одиночество ее, впрочем, было не долгим — к девушке подошла Винченца. И судя по тому, как сияло лицо официантки, она только что выиграла в лотерею.

— Вот вы где! — заявила Винченца, как Холмс при виде Мориарти.

— Да? — Томка постаралась придать лицу строгое выражение.

— Вас все ищут! С ног уже сбились!

— Ищут? Кто?

Единственной мыслью было то, что ищет ее жуткий карлик в маске. Внутри все похолодело, словно она за раз съела пять порций мороженого.

— Каппети, конечно! Он там рвет и мечет.

— Из-за меня?!

— Ага, — ухмыльнулась вампирша. — Там ваша псина учинила какой-то разгром и сбежала. Каппети грозился шкуру спустить...

— Видите?! Нет! Вы видите?!

Распорядитель Каппети громко пыхтел, размахивая трезубцем. Бутафорские рога тряслись — того и гляди отвалятся. Доброе, в сущности, лицо сейчас наводило на мысли о царе гуннов Аттиле.

— Вижу, — сказала Томка. Не притворяться же слепой, в самом деле.

Комната, в которой они оставили Снуппи, выглядела так, будто арабские террористы собирали здесь бомбу, да что-то у них не заладилось со взрывателем. Даже не верилось, что все-го одна собака способна учинить такой разгром. Сложно сказать, что именно пес порушил, поскольку порушил он все. Умудрился даже отгрызть ножку у стула и опрокинуть шкаф.

Девушка подняла с пола клетчатую тряпку и на глаза навернулись слезы. Томка не была излишне сентиментальной и за вещи не цеплялась. Но это же были ее любимые, а главное — единственные, джинсы! Вся прочая одежда пропала вместе с чемоданом. Сейчас последние штаны выглядели так, будто они побывали у портного-маньяка и тот долго пытал их ножницами. Остались лишь жалкие лохмотья.

Теперь ей даже на улицу не выйти! Костюм официантки-вампира уместен на закрытом приеме, но появляться в таком виде снаружи и неприлично, и, главное, холодно.

— А потом она сбежала! — продолжал кричать Каппети. — Я услышал грохот, открыл дверь... И тут он как выскочит!

— Вы его поймали?

— Я?! — Каппети сглотнул. — Я похож на укротителя, да?

Томка промолчала. Сложно ответить на такой вопрос — с официантами Каппети обращался именно как умелый дрессировщик. Можно не сомневаться: по одному взмаху его трезубца они прыгали через горящие обручи. Но одно дело официанты, и совсем другое — Снуппи в ярости. От него и в спокойном состоянии шарахались люди.

— Теперь ваша собака носится по дому! А если она нападет на кого-нибудь из гостей? Представляете, что напишут в газетах? Сару-Джессику Паркер укусила бешеная собака! А потом она набросится на синьюру графиню, так?

— Сара-Джессика Паркер? — тупо спросила Томка. Она подозревала, что голливудская звезда со странностями, но не до такой же степени?

Застонав, распорядитель дернул себя за мефистофельскую бородку, оторвал ее и в сердцах отшвырнул в угол. Судя по цвету лица, давление его шло на мировой рекорд.

— Это катастрофа! Ваша псина перевернет весь дом!

— Мне очень жаль, — виновато сказала Томка.

— Жаль! — вскричал Каппети. — Только послушайте: ей жаль!

— А чем я могу помочь?

— Она спрашивает! Это ваша собака, вы должны немедленно ее найти, и чтобы духу ее в этом доме не было!

Томка могла бы возразить, что на самом деле это не ее собака. Что псину ей подбросила одна обманщица и воровка. Но объяснение заняло бы слишком много времени. К тому же, и тут ничего не попишешь, это она ввела пса в дом графини. Собаки не в ответе за своих хозяев, а вот Томка за Снуппи в ответе — такой вот поворот.

— Куда он убежал?

— Туда, — трезубцем Каппети указал вглубь коридора. — Немедленно ею займитесь!

— А вы разве не пойдете?

— Нет у меня времени! Сейчас приедет Сара-Джессика Паркер, а еще не готовы сырные канапе!

И распорядитель удалился. Томка осталась стоять, держа в руках нечто клетчатое, что когда-то было ее джинсами. Где-то минуты через три она скомкала их и с яростью отшвырнула в дальний угол комнаты. Ну, попадись он ей...

Но найти собаку оказалось не просто. Даже снаружи палаццо графини впечатляло размерами, внутри же казалось бесконечным. Причиной этой иллюзии, скорее всего, были зеркала; это они зрительно увеличивали расстояние, превращая палаццо в некое подобие лабиринта. А зеркала в доме графини были повсюду — даже в чулане для швабр. Наследие славного прошлого, когда муранские зеркала ценились дороже золота. Дешевле было заказать свой портрет Рафаэлю, чем купить зеркало соответствующих размеров. Позже, когда французы узнали секрет изготовления амальгамы, они упали в цене. Но, говорят, ни одно французское зеркало не сравнится с настоящим венецианским. Мастера с острова Мурано знали некий секрет, который и делал их работу по-настоящему волшебной.

Томка долго ходила по пыльным коридорам, заглядывала в многочисленные комнаты и залы и картинные галереи, спускалась и поднималась по лестницам — все без толку. Похоже, ей суждено было блуждать здесь до конца дней своих. А лет через сто кто-нибудь найдет ее пожелтевшие кости аккурат под утерянным шедевром Тициана. Но когда Томка окончательно отчаялась и решила, что никогда не найдет гадкого пса, до уха донеслись весьма подозрительные звуки.

Девушка остановилась. Звуки раздавались из-за приоткрытой двери одной из комнат. Из тысячи голосов Томка узнала бы этот голос... Снуппи! Ни одно другое живое существо не способно одновременно хрипеть, пыхтеть и булькать как старая кофеварка.

Прокравшись на цыпочках, девушка заглянула в комнату. Пес сидел посреди зала и таращился в огромное старинное

зеркало с таким видом, словно впервые увидел собственное отражение. И увиденное потрясло Снуппи до глубины души. Пес так и этак поворачивал голову, чтобы посмотреть на себя то одним, то другим глазом — двумя сразу не получалось.

Ступая тихо, как мышь в кошачьем питомнике, девушка подкралась к собаке. Не хватало еще спугнуть мерзкую тварь и опять искать ее по всему дому. И лишь когда от пса ее отделяло полшага, Томка решилась заговорить.

— Ага, — язвительно процедила она. — Вот ты где...

Снуппи хрюкнул в ответ — мол, проходи, раз пришла. Томка тут же схватила пса за ошейник. Прошло то время, когда она боялась к нему приближаться.

— Знаешь, что я с тобой сделаю? — прошипела она в оттопыренное ухо. — Слышал про кошачьи консервы?

Однако угроза не подействовала. Пес продолжал плятиться в зеркало и урчал, точно мотороллер на холостом ходу. Томка дернула за ошейник.

— Пошли отсюда. Нечего свою морду разглядывать...

В ворчании Снуппи ей почудились обиженные нотки. Томка проследила за его взглядом и от удивления даже присвистнула.

Зеркало на стене было вытянутой овальной формы, высотой метра полтора. Но из-за массивной бронзовой рамы оно казалось гораздо больше — Алиса могла бы пройти на ту сторону не пригибаясь. Известно, что зеркала лишь отражают свет, но это зеркало не столько отражало, сколько само излучало мягкое золотистое сияние. И в этом призрачном свете комната и все, что в ней находилось, преображались самым причудливым образом.

За двадцать лет Томка видела столько своих отражений, что и сотой части не упомнишь. Она видела себя во всей красе, блеске и славе; видела и в самом неприглядном виде — с красными глазами, опухшими веками и прической, похожей на драную мочалку. Казалось бы, тут ее ничем не удивишь. Но ничего подобного отражению в этом зеркале ей не встречалось.

Томка всегда была высокого мнения о своей внешности, но сейчас ей пришлось признать, что в зеркале она выглядит лучше, чем это есть на самом деле. Черты лица слегка искажились, кожа приобрела приятный оттенок, а глаза заблестели, как звезды. Это не столько радовало, сколько озадачивало. Отражение хотелось разглядывать до бесконечности. Томка же прекрасно помнила, до чего самолюбование довело Нарцисса и ведьму из «Белоснежки». Себе она такой судьбы не желала.

С усилием девушка заставила себя отвернуться. Она пришла сюда не для того, чтобы разглядывать свою физиономию — пусть и чертовски симпатичную. У Снуппи, к сожалению, не было такой силы воли. Томка боялась представить, что же видит пес в этом странном зеркале, но отражение его явно пленило. Пришлось брать дело в свои руки. Девушка пихнула собаку кулаком в бок.

— Налюбовался и хватит. Уходим отсюда...

Понимая, что просто увести пса не получится, Томка схватила его поперек туловища и потащила к выходу. Снуппи засучил лапами, но Томка сильно встряхнула его и прошипела:

— Не рыпайся!

Снуппи тут же обмяк, как куль с мукой, странным образом став от этого тяжелее раза в два. Томка едва его не выронила, чувствуя себя, как цирковой силач, которому подменили гирю. В этот момент она и услышала голоса. Кто-то шел по коридору в ее сторону.

Томка замерла, прислушиваясь. Слов она не разобрала, но один из голосов определенно принадлежал графине М. Он рокотал и булькал, как прибой, грохочущий о скалы. Томка быстро огляделась. Не то, чтобы она испугалась, но ей не хотелось, чтобы графиня застукала ее в этой комнате. Еще примет за воровку, а лишние расспросы и объяснения совсем ни к чему.

В критических ситуациях Томка умела соображать быстро. У стены стоял массивный шкаф темного дерева. Не прошло и секунды, а девушка уже сидела внутри, крепко прижимая к себе собаку и затаив дыхание.

В шкафу было темно, тесно и душно; от крепкого нафталинового духа у девушки заслезились глаза. Томка устроилась на чем-то мохнатом и жестком, подозрительно похожем на шкуру гигантской обезьяны. Скорее всего, это была шуба, которую не удосужились повесить на вешалку. Размеры же одеяния наводили на мысли о том, что Кинг-Конг существовал на самом деле, и конец его был печальнее, чем принято думать. Над головой девушки колыхалось еще несколько тяжелых шуб — графиня определенно любила меха.

Снуппи задергался, пытаясь вырваться на свободу, и девушке стоило немалых трудов его удержать. К тому же пришлось зажать ему пасть, чтобы возмущенное рычание звучало не столь громко. К счастью, меха заглушали лишние звуки.

Полностью закрыть дверь Томка не успела — осталась крошечная щель, сквозь которую девушка видела небольшой участок комнаты справа от зеркала. В тонкой полоске света крутились мириады блестящих пылинок. Когда Томка только запрыгнула в шкаф, пыль поднялась столбом, и если бы не сильный запах псины и нафталина, девушка бы расчихалась. А так — минус на минус дают плюс, и Томка держалась.

Звуки шагов быстро приближались. Графиня топала как слон, будто целью ее жизни было переломать паркет в собственном доме. Сложно было ее не услышать. Томка надеялась, что графиня пройдет мимо и не будет заглядывать в комнату. Но нет — так далеко ее везение не распространялось.

Дверь комнаты хлопнула, послышалось шумное сопение.

— Уф... Проходите, доктор. Нам сюда, — сказала графиня М. с интонациями кита, всплывшего из пучины перевести дыхание.

— Благодарю, синьора.

Есть звуки, которые вызывают чисто физиологическое отвращение. Например, скрип гвоздя по грифельной доске, визг разрезаемого пенопласта или тот мерзкий сосущий звук, когда кто-то допивает остатки молочного коктейля через соломинку.

Прозвучавший голос был из той же когорты. Он походил на скрип ржавых дверных петель, забитых песком. На очень вежливый скрип — именно с такой вежливостью палач интересуется, удобно ли подсудимому на плахе. Томка не видела говорившего, но перед мысленным взором сразу возник образ белой птичьей маски. Так мог говорить только жуткий карлик, и никто другой.

Томке показалось, что шкаф вместе с ней рухнул в пропасть. Дыхание у нее перехватило, под ложечкой образовалась неприятная пустота. Девушку бросило в жар, затем спина и шея покрылись ледяным потом, в висках застучала кровь...

Первым желанием было с визгом выскочить и бежать прочь из этой комнаты. Но крошечная часть сознания, которая не впала в панику, успела подсказать: стоит выйти из укрытия и Томка первым делом столкнется с карликом. Вряд ли после этого она сделает хотя бы шаг. Как пить дать — замрет, точно кролик под взглядом удава. Девушка не понимала, почему карлик вызывает у нее такую реакцию, но факт остается фактом — она в жизни не боялась ничего и никого так сильно, как этого типа в маске, похожей на птичий череп. Любые доводы разума здесь были бессильны.

Томка зарылась в шубу, мечтая превратиться в маленькое, незаметное существо. Сгодилась бы, например, мышь-невидимка — говорят, такие есть в секретных лабораториях ЦРУ. Отличным выходом стала бы и скрытая в шкафу дверь в Нарнию — по крайней мере, Томка знала, к кому там обратиться за помощью. Но шубы остались шубами и не спешили превращаться в зачарованный лес. А скрипучий голос карлика звучал все ближе и ближе...

— Так, так, так, — проговорил он. — И что тут у нас?

Томка приготовилась к тому, что доктор распахнет дверь шкафа и уставится на нее пустыми черными глазницами маски. Но нет — карлик разговаривал с графиней.

— Самое старое зеркало в этом доме, — с приподыханием заявила графиня. — Оно принадлежит моей семье несколько

столетий. Я не делала экспертизу, но полагаю, к нему приложил руку сам Челлини. Слышали историю про зеркало мадам де Путатье?

— Челлини? Сомневаюсь, синьора, — голос карлика был абсолютно спокоен. — Это более поздняя работа: середина восемнадцатого века, не раньше. Скорее всего, зеркало работы мастера Пьетро Аретти, но нужно посмотреть клеймо на обратной стороне.

— Что?! — графиня засопела. — Хотите сказать, что это — подделка?

Карлик громко скрипнул. Томка не поняла, что означает этот звук. Может, карлик усмехнулся, возможно — расхохотался, не исключено и то, что это скрипнула маска, когда доктор повернулся голову.

— Почему же подделка?

— Только что вы сказали, что Челлини... — начала графиня, но карлик ее перебил.

— Челлини! — язвительно воскликнул доктор. — Что в имени, синьора? Челлини не знал и половины того, что полагается знать зеркальщику. Аретти же настоящий мастер. Он понимал, что и для чего делает. Последний из тех, кто действительно понимал.

Томка услышала несколько звонких ударов — карлик постучал тростью по раме.

— Настоящий мастер, — повторил он и в голосе послышались довольные нотки. — Да, синьора, это одно из тех зеркал.

Графиня запыхтела и минуты две не могла уняться. Было слышно, как она мечется по комнате. Пол дрожал, а вместе с ним дрожал и шкаф, в котором прятались Томка и Снуппи. И если девушка еще могла это вынести, собаке шкафотрясение пришлось совсем не по душе. Пес задергался сильнее, царапнув лапой по задней стенке. Если б он ворвался в оркестровую яму, кусая подряд всех музыкантов, и то было бы тише.

— Вы слышали? — резко спросил карлик.

Томка попрощалась с жизнью.

— Что? — удивилась графиня.

— Кто-то скребется...

— Это мыши. Старый дом, развелось, как грязи. Чем только не травили... Видите, как Мими разволновалась? Она их чует — кошачий инстинкт.

— Ах, мыши... — протянул карлик.

Даже сквозь дверцу шкафа Томка почувствовала его взгляд: он жег точно кислота. Девушка не сомневалась — карлик знает, что в шкафу кто-то прячется, и знает, кто именно. Казалось бы: что ему стоит подойти и открыть дверь? Сейчас Томку можно брать голыми руками. Но ничего подобного карлик не сделал. Он ни на шаг не приблизился к шкафу, и от этого Томке стало еще страшнее.

— Значит, одно из тех зеркал, — задумчиво произнесла графиня. — Похоже, мои благородные предки подкинули мне еще один скелет в шкафу...

— О да, синьора, — скрипнул доктор. — Именно так.

Томка прикусила руку, чтобы не вскрикнуть. Он издевается? Да, ее можно назвать худой, даже тощей, но «скелет» — уже слишком. Томка представила, как уголки клювастой маски изгибаются в злорадной ухмылке. Непросто вообразить усмехающуюся птицу, но ей это удалось.

— Что ж, — сказала графиня. — Это многое объясняет. Выходит, зеркало волшебное?

Как бы Томка ни была напугана, она прислушалась. Волшебное зеркало? Так-так... Карлик сухо закашлял:

— Нет, синьора, конечно, нет. Мы живем в двадцать первом веке, какое волшебство? Любому, самому невероятному чуду существует рациональное объяснение...

— Неужели? — графиня громко хмыкнула.

— Да, синьора. Секрет этого зеркала в особой амальгаме, которую умели делать старые мастера с Мурано. Эту амальгаму еще называют египетской. Считается, что венецианцам секрет достался по наследству от римлян. Римлянам, соответственно,

от египтян... Существует легенда, что Клеопатра рассказала его Юлию Цезарю при довольно пикантных обстоятельствах. Хотя сомневаюсь, что при тех обстоятельствах они обсуждали технологию производства зеркал. Откуда секрет амальгамы стал известен египтянам — еще большая тайна. Вполне возможно, они узнали его от беженцев из Атлантиды...

— Римлянам? Сказки рассказываете. Я же не дура — древнеримские зеркала делались из полированной бронзы. Амальгаму, хоть египетскую, хоть китайскую, изобрели гораздо позже.

— Заблуждаетесь, синьора, — в голосе карлика прозвучала такая твердость, что только полный псих решил бы ему перечить. — Раньше умели хранить тайны и понимали, что настоящая тайна — удел избранных.

— Как скажете, доктор, — сдалась графиня. — Вам виднее. И в чем же секрет этого зеркала?

— Удачное сочетание компонентов и формы. Частично это достигается добавлением в амальгаму золота — отсюда мягкий блеск... Есть и другие особенности. В целом это дает тот удивительный эффект, что отражение в таком зеркале выглядит лучше оригинала.

— Кривое зеркало наоборот?

— Можно сказать и так, синьора, — не стал спорить карлик.

— А вы неплохо разбираетесь в вопросе.

— Разумеется, синьора. Как говорится, на старинных зеркалах я собаку съел.

Хорошо еще Снуппи его не понимал. Иначе после этих слов пес затрясся бы, как молочный кисель. Томка задрожала за двоих.

— Мне нравится, как я выгляжу в этом зеркале, — протянула графиня. — Хотела бы я выглядеть так на самом деле.

На долгую минуту в комнате воцарилась тишина. По громкому сопению графини Томка догадалась, что последняя фраза произнесена не просто так, а с подвохом. Но девушка была не в том состоянии, чтобы ломать над этим голову. Куда больше

ее занимала мысль о том, как бы в эту минуту затишья окончательно не выдать своего присутствия.

Шансов, с какой стороны ни посмотри, не было никаких. Сердце Томки грохотало, как кузнечный молот, слышно, поди, до австрийской границы. Прибавить сюда ворчание Снуппи — и готово. С тем же успехом можно прятать в шкафу оркестр мексиканских марьячос, распевающих серенады.

Карлик кашлянул.

— Выглядеть, как в этом зеркале? А разве не ради этого вы меня пригласили?

— Конечно, — сказала графиня, и в голосе ее прозвучало смущение. — Понимаете, доктор... Мне говорили, что вы можете... В общем, ходят слухи...

Графиня шумно перевела дыхание. По комнате словно проносялся маленький ураган.

— Слухами земля полнится, синьора, — скрипнул карлик. — Что ж, в данном случае они не беспочвенны.

Графиня восторженно пискнула. Если бы Томка не услышала это собственными ушами — никогда бы не поверила, что такое возможно.

— Правда?

— У меня есть особые методы, синьора.

— А они... безопасны? — Томка представила, как графиня поджимает губы. — Понимаете, я столько перепробовала: диеты, таблетки, несколько раз ложилась под скальпель... Без толку. Обмен веществ, чтоб его, и дурная генетика. Приходится расплачиваться за благородное происхождение и то, что мои прадеды женились исключительно на своих кузинах.

— Боюсь, возникло недоразумение, — несколько резко сказал карлик. — Я не врач, который занимается похуданием. У меня другие интересы.

— Но... Вы только что сказали...

— Я сказал, что могу сделать так, чтобы вы выглядели, как отражение в этом зеркале. Надеюсь, вы понимаете разницу?

Судя по голосу, графиня растерялась.

— А... Э... Да, думаю, я вас поняла...

— Очень хорошо, синьора. Это снимет ряд вопросов, которые могут возникнуть в дальнейшем. Вы окончательно решили?

— Знаете, — вздохнула графиня. — Я так долго терпела. Жуткие взгляды... «О! Вы только посмотрите на это! Это кто, мамаша Кинг-Конга?» А еще хуже те, кто пытается вести себя прилично. Мол, все нормально — каждый имеет право выглядеть как отожравшаяся самка гиппопотама. Как бы я хотела от всего этого избавиться!

— Вот этого я обещать не могу. Смотреть на вас будут.

— Но это будут уже другие взгляды? Восхищенные и удивленные, так?

— Несомненно. Смотреть на вас будут по-другому.

— Что ж, — голос графини стал твердым, как гранит. — Ради такого я готова на что угодно. Хоть продать душу дьяволу...

— Как вам угодно, синьора, — сказал карлик. — Прошу, становитесь напротив зеркала и закройте глаза.

— Только и всего? Как я понимаю, это что-то вроде гипноза? А вы уверены, что он поможет?

— Можете не сомневаться, синьора. Мой метод проверен веками. И к гипнозу он не имеет никакого отношения.

— Ладно. Вроде, ничего сложного, — графиня хмыкнула. — Посмотрим на ваш проверенный веками метод.

Томка сжалась. Там, за дверцей шкафа происходило что-то чудовищно неправильное. Что-то, чего не должно было быть. Девушке хотелось крикнуть: «Не делай этого!». Но горло словно сдавили крепкой рукой. Она не могла даже дышать.

— Интересная у вас трость, — сквозь гул в ушах донесся голос графини. — Очень необычный набалдашник. Какая-то птица?

— Это Голубь, синьора, — ответил карлик. — Очень древний предмет. Прошу, встаньте здесь. Вы должны видеть свое отражение целиком... Замечательно. Закройте глаза...

Снуппи снова дернулся. Неизвестно, какие мысли ворочались в собачьих мозгах, но, похоже, они были близки мыслям

Томки: чтобы не творилось снаружи, этому нужно помешать. А жуткого карлика пес не боялся. Истинный рыцарь, он стремился на выручку прекрасной даме.

Впрочем, возможно и более простое объяснение: Снуппи осточертело сидеть в душном шкафу. К тому же, как бы ни был силен нафталиновый дух, пес учуял и другой запах. Кошка! Здесь!

Пес рванулся с такой силой, что его не удержала бы чемпионка по вольной борьбе. Томка успела только громко охнуть, заработав сильный удар в солнечное сплетение. Она судорожно вдохнула и тут же закашлялась. Казалось, она проглотила целую пригоршню сухой пыли. В то же мгновение дверца шкафа распахнулась, и Снуппи вырвался на свободу, рыча как взбесившаяся циркулярная пила.

Сила рывка была такова, что Снуппи промчался через всю комнату и врезался в дальнюю стену. Грозное рычание сменилось обиженным повизгиванием — такой подлости от гравитации пес не ожидал. Но Томка на него уже не смотрела.

Перед девушкой, точно гора, возвышалась графиня М. К Томке она не повернулась, даже не вздрогнула от шума. Уставившись на свое отражение, графиня раскачивалась, подобно маятнику гигантского метронома. Подвенечное платье Мертвой Невесты колыхалось волнами, словно с горы одна за другой сходили снежные лавины.

Рядом, держа женщину за рукав, топтался жуткий карлик, доктор Коппелиус. На фоне великанши-графини он выглядел даже меньше, чем был на самом деле. Ростом он едва доставал ей до пояса, считая вместе с высоким цилиндром. Прямо ожившая картинка с афиши старинного фрик-шоу: карлики и великаны, добро пожаловать в «Театр Кошмаров».

Карлик мотнул головой. Лишь на мгновение взгляд его задержался на Томке, но этого оказалось достаточно, чтобы девушка почувствовала себя как гусеница под тяжелым башмаком. Томка сразу поняла, что ее присутствие здесь неуместно. Каким

образом ему удалось это выразить, осталось загадкой — маска не передавала эмоций, а за черными глазницами глаз не видно.

Неприятно, когда тебя застают в чужом шкафу. Положение двусмысленное и требует хотя бы минимальных объяснений.

— Простите... — проблеяла Томка. — Я просто... Случайно...

Она запнулась. Пусть девушка была напугана до смерти, но в голове зазвучал гневный голос. «Эй! — сказал он — Возьми себя в руки, Тамара Кошкина! Ведешь себя как какая-то квашня!».

Это слово — «квашня» — всплывшее из глубин памяти, по-действовало как пощечина. О том, что такое «квашня», Томка имела смутные представления, но ей хватило одного звучания. Никому непозволительно называть ее такими словами. Особенно ей самой. А после того, как внутренний голос добавил слово «размазня», Томка разозлилась.

Когда она снова посмотрела на карлика, глаза ее метали молнии. Перед кем она оправдывается? Перед графиней? Так та ее не слушает! А объясняться с доктором Коппелиусом Томка не собиралась. Пусть сначала сам объяснит, что здесь происходит.

Насколько это было возможно в ее положении, Томка выпрямилась:

— А что, собственно...

Доктор метнул в ее сторону быстрый взгляд, но Томка была к этому готова. Резким движением головы откинула со лба прядку волос. Картинный жест пропал втуне — карлик успел отвернуться.

Доктор Коппелиус опустил руку графини и сделал шаг в сторону. И тут же женщина пошатнулась и упала на спину. Должно быть, именно так падает подстреленный слон. Вся комната содрогнулась, подпрыгнули и шкаф со стульями, под потолком закачалась люстра. Лысая кошка вырвалась из рук графини и метнулась на шкаф, шипя, как масло на сковороде. Томка смотрела только на графиню. Фата соскользнула, и девушка увидела ее лицо. Графиня счастливо улыбалась.

— Синьора! — взвизгнула Томка, бросившись к упавшей женщине.

Несколько разделявших их шагов Томка преодолела одним прыжком, будто внутри нее расправилась пружина. Сама не поняла, как все случилось — только что она сидела в шкафу, и вот уже стоит на коленях перед огромным телом графини и трясет ее за плечи.

— Синьора?! Что с вами, синьора?!

Графиня улыбалась, уставившись на девушку невидящими глазами. Томка отлично разбиралась в типах и классификации улыбок, ей не составило труда разгадать и эту. С одной стороны, улыбка графини была счастливой и радостной, но настоящего счастья и радости в ней не было. Так улыбаются пациенты сумасшедшего дома, если их накачать препаратами.

— Синьора! Вы...

Томка тряхнула графиню что было силы. С места не сдвинула — для этого требовалась лебедка — но голова графини слегка дернулась.

— Ыа... — прогудела женщина.

Томка отпрянула. Подняв взгляд, девушка посмотрела на доктора Коппелиуса.

За время этой кошмарной сцены карлик даже не шелохнулся. Стоял, опираясь на трость, и глядел на девушку. Нелепая черная пелерина колыхалась, смятый гармошкой цилиндр съехал на бок. Томка уставилась на диковинный набалдашник трости в виде птичьей фигурки из серебристого металла. Фигурки Голубя...

Перед мысленным взором появились две карты Таро из гадания Лауры: «Черт» и «Голубь», каким-то образом связанные между собой. И теперь Томка видела, каким именно. Пусть Лаура оказалась подлой мошенницей, подбрасывающей собак и похищающей чемоданы, но ее предсказания сбывались с пугающей точностью.

— Что... — Томка задохнулась от ужаса. — Что вы с ней сделали?

Карлик молча указал на зеркало на стене. Томка повернула голову.

Сначала она даже не поняла, что не так. Зеркало как зеркало, пусть и с диковинной амальгамой, отражающей все в лучшем свете...

Осознание приходило медленно, со скоростью черепахи в болоте. Томка таращилась на зеркало и с каждой секундой глаза ее становились круглее, пока девушка окончательно не уподобилась какому-то ночному зверю вроде лемура.

Сталкиваясь со сверхъестественным, мозг первым делом пытается найти рациональное объяснение. Но бывают случаи, когда оно не находится, хоть ты тресни. Раз за разом мозг тщетно пытается объяснить происходящее, но, в конце концов, сдается. И тогда приходит черед паники. А паника такой зверь, спрятавшись с которым не могли и самые сильные люди.

Томка взвизгнула, словно ее окатили из холодного душа.

— Там, там...

Девушка вытянула руку и застыла в этой позе. Видимо, это позабавило доктора Коппелиуса; карлик коротко скрипнул — с огромной натяжкой данный скрип мог сойти за усмешку.

То, что отражалось в зеркале, никак не соответствовало тому, что происходило в комнате. Томка не увидела своего отражения, как не увидела и карлика или Снуппи. А графиня с той стороны зеркального стекла не лежала на полу, точно огромный куль с мукой. Вместо этого она твердо стояла на ногах, и на лице ее не осталось и тени идиотской улыбки... Будто зеркало сработало как фотоаппарат, и запечатлело комнату, какой та была несколько минут назад.

За тем исключением, что фотография обязана быть статичной, чего нельзя сказать про отражение.

Графиня-из-зеркала подняла руки и ощупала свое лицо. Принялась мять его пальцами-сардельками, как скульптор мнет глиняную заготовку; сжимала щеки и растягивала губы. Словно пыталась вылепить на своей физиономии выражение

безграничного ужаса, но вместо этого у нее получалось растерянное удивление и почти детская обида.

Сейчас графиня как никогда походила на Мертвую Невесту. Нарисованные шрамы выглядели как настоящие и, похоже, настоящими стали; мертвенная синева кожи объяснялась вовсе не гримом, а в спутанных волосах закопошились мохноногие создания вроде пауков. Темные круги под глазами были именно темными кругами под глазами, а не косметическими тенями. Подвенечное платье и то стало похоже на полуистлевший саван, в хлопьях паутины и пятнах плесени.

Губы графини шевелились, но Томка не услышала ни звука. Впрочем, девушка по выражению лица прочитала вопросы: «Где я?» и «Что случилось?». Вопросы, на которые при всем желании Томка ответить не могла. Как и графиня, девушка совершенно не представляла, что же произошло.

Неужели доктор Коппелиус отправил графиню в Зазеркалье, как известную Алису? Чушь собачья! Во-первых, так не бывает, а во-вторых — если графиня в Зазеркалье, кто же лежит на полу, пускает пузыри и идиотски хихикает?

— Чудный образец, не правда ли? Он станет одной из жемчужин моей коллекции.

Скрипучий голос карлика резанул по ушам.

— Вы... вы... — девушка слегкотнула. — Что вы с ней сделали?

— Дал ей то, о чем она просила, — карлик так мерзко захихикал, что Томку передернуло. — Обыкновенное исполнение желаний.

— Ыыы... — прогудела графиня. Томка схватила ее за запястье. — Ыа!

— Исполнение желаний?! Но разве... Она просто хотела...

— Она хотела выглядеть как отражение в этом зеркале. Она это получила, не так ли?

Другая графиня, та, что была в зеркале, с тоской посмотрела на девушку. Губы ее изогнулись в печальной улыбке, которую испортила тоненькая многоножка, выскользнувшая из уголка

рта. Конечно, она хотела выглядеть как в зеркале... А в зеркале отразилась Мертвая Невеста, пусть с этой стороны это был лишь карнавальный костюм.

Томка зажмурилась. Это сон, сказала она себе, галлюцинации от нервов... От нервов ведь бывают галлюцинации? Иначе придется признать, что все происходит на самом деле. А так не бывает, и точка.

Томка приоткрыла один глаз. Ничего не изменилось. Одна графиня по-прежнему хихикала на полу, другая обреченно улыбалась, а между ними радостно скакал карлик в птичей маске — точно пингвин, получивший наследство.

Карлик остановился напротив зеркала. Графиня с той стороны стекла отшатнулась.

— Вот и все, синьора, нам пора, — скрипнул карлик.

Со всей силы доктор Коппелиус ударил по зеркалу тростью. Стекло разлетелось на тысячу осколков. На пол брызнул сверкающий дождь, переливающийся серебром и золотом. И вторя звону, графиня расхохоталась в голос.

Смех загрохотал подобно пушечной канонаде, он рвался наружу, сметая все на своем пути. У Томки вмиг заложило уши, но она продолжала слышать хохот. Словно кто-то стучал по вискам резиновым молотком. Грудь графини раздувалась, сквозь белый грим простили красные пятна... Графиня замахала руками, точно отбивалась от стаи летучих мышей.

Томка быстро отползла в сторону. Даже в нормальном состоянии графиня-великанша могла отправить ее в нокаут щелчком по носу. Сейчас же ей ничего не стоило прихлопнуть девушку как муху: взмахнет рукой и не заметит.

Впервые в жизни девушка увидела чистое, ничем не замутненное безумие.

— Печальное зрелище, — сокрушенno сказал доктор Коппелиус. — Не правда ли? Но что поделаешь — искусство требует жертв.

Двумя пальцами карлик поднял один из осколков. Заглянул в него и удовлетворенно кивнул.

— И потом, это всего лишь тело...

Он спрятал осколок зеркала в своих одеяниях.

— За сим позвольте раскланяться, синьора, — набалдашником трости карлик поправил цилиндр и протянул: — Ciao! Еще увидимся! Поиграем...

Доктор поклонился и зашагал к выходу. Томка даже не попыталась его остановить. Взгляд карлика и безумный смех графини лишили ее и силы, и воли. Томка сидела и смотрела на закрывшуюся дверь; перед глазами стояла печальная улыбка Мертвой Невесты.

А потом она вдруг вскочила и кинулась в коридор, вопя, что есть мочи:

— На помощь! Кто-нибудь! Графиня... На помощь!!!

Последующие час или два Томка запомнила плохо. Отчасти потому, что девушка с трудом понимала, что же происходит, отчасти потому, что не хотела запоминать. Существуют в жизни моменты, которые хочется старательно вымарать, не жалея черной гуаши. В кино все можно решить с помощью ножниц, клея и приема, известного как «монтажная склейка». А так приходилось, стиснув зубы, ждать, когда же оно закончится.

Как известие о несчастье с графикой восприняли гости на приеме, Томка не знала. Все это время она провела в комнате рядом с хихикающей женщиной. Уйти девушка не могла и в то же время ничем не могла помочь, как бы ей ни хотелось.

Когда на крики о помощи сбежались официанты-вампиры во главе с опереточным чертом Каппети, начался сумасшедший дом. Странный и страшный сон, который должен был закончиться с уходом карлика Коппелиуса, вступил в новую, более абсурдную фазу. Все бегали и сутились, как муравьи в горящем муравейнике. Кто-то порывался окатить графиню холодной водой, кто-то — напоить коньяком или дать нюхательной соли; все орали друг на друга и отчаянно размахивали руками.

Томка старалась не высовываться. Она-то знала, что не помогут ни коньяк, ни нюхательная соль, но никто ее не слушал.

Потом Каппети ценой нечеловеческих усилий сумел организовать это безумное действие. Он был шокирован, но оставался организатором, а такой талант не пропьешь. С его подачи, наконец, вызвали врачей и полицию.

Приехали они быстро. Но полиция вскоре отбыла под предлогом, что дело не попадает под их юрисдикцию. Вот если бы убийство или, на худой конец, ограбление — тогда да... А тут обыкновенный несчастный случай, даже трупа нет.

Версию с несчастным случаем поддержали и врачи. Они прибыли целой бригадой, в компании с дюжиной санитаров. Однако чтобы справиться с хохочущей и размахивающей руками графиней, этого оказалось мало. С огромным трудом им удалось ее спеленать и вынести из комнаты, после чего женщину увезли. Куда — Томка не имела ни малейшего понятия. Со слов медиков, Томка поняла, что подозревают микроинсульт, вызванный «сильным нервным потрясением». Более глупого объяснения Томке слышать не приходилось, но почему-то все в него поверили. Люди склонны безоговорочно верить типам в медицинских халатах, какую бы чушь они не несли.

Наконец в комнате остались только Томка и Каппети. Распорядитель рухнул на стул и обхватил голову руками. Сказать, что он был подавлен — не сказать ничего. Человек, которого дорожным катком вкатали в асфальт, и тот выглядит жизнерадостнее.

— Проклятье! — Каппети схватился за рога. — Это вы! Вы во всем виноваты!

Щеки Томки вспыхнули. Она всегда болезненно и остро воспринимала любую несправедливость, особенно на свой счет.

— Я ни при чем! Я уже сто раз говорила...

Снуппи, чтобы ее поддержать, зафыркал, как испортившийся сифон. Едва из комнаты унесли лысую кошку графини, на пса напала обычная апатия. Пока вокруг творился настоящий

бедлам, он умудрился уснуть, проснуться, и теперь вальяжно развалился у Томкиных ног.

— Ни при чем?! — простонал Каппети. — Вас надо отдать под суд! О боги, почему не я сочиняю законы?

— Да, ни при чем я, — упрямо повторила Томка, готовая за правду стоять до последнего. — Я вам все рассказала. Синьора графиня была с карликом, доктором Коппелиусом. И это он...

— Чушь! — распорядитель перебил ее взмахом руки. — Бред! Вы думаете, вам кто-то поверит? В те сказки, что вы наплели?

— Я же сказала правду.

— Ха! — вскричал распорядитель. И на случай, если Томка не поняла с первого раза, добавил: — Ха!

— Это не сказки, — Томка надула губы. — Я понимаю, это очень необычно и странно. Но так все и было! Зачем мне вас обманывать?

— А давайте я расскажу, как все было? — язвительно поинтересовался Каппети. — Я же говорил, предупреждал — графиня не выносит собак. И тут она видит это... это... это чудовище!

От избытка чувств Каппети тряслось. Томка не решилась его перебивать.

— Она слабая женщина, — продолжил распорядитель. — С виду синьора большая и сильная, но у нее больное сердце, давление... Когда ваша псина на нее набросилась, синьора этого не вынесла. И как сказали врачи — сильное нервное потрясение и приступ, инсульт... О боги, что теперь делать?!

Он снова обхватил голову руками и завыл.

— Вы должны найти карлика Коппелиуса, — твердо сказала Томка. — Я не знаю, зачем ему это нужно, но...

Она осеклась. Каппети смотрел так, словно еще мгновение и он вцепится ей в горло. Что бы она сейчас не сказала, распорядитель ее не услышит.

— Убирайтесь, — холодно сказал он. — Сейчас же убирайтесь из этого дома. Чтобы ноги вашей здесь не было! Если... Если я снова вас увижу, я за себя не ручаюсь.

Бывает такой тон, после которого любые дальнейшие слова бессмысленны.

— Простите, — хрипло сказала девушки. — Простите, я...

Схватив Снуппи за ошейник, Томка пулей вылетела из комнаты. Ее трясло, как в лихорадке, лицо горело, в голове же зажженной пластинкой вертелась единственная мысль: «Но я же сказала правду! И я... Я докажу это! Умру, но докажу!».

Когда Томка маленьким торнадо ворвалась в гримерную, она застала там Тинкета и Винченцу.

Официантка-вампирша сидела на столике, закинув ногу на ногу, и смотрела, как Тинкет показывает карточные фокусы. Видимо, в комнате было очень душно — корсет Винченца ослабила так, что тот держался лишь на честном слове. На фокусника она уставилась с томным восхищением. А тот и рад — надулся как павлин, карты в руках так и мелькают:

— Пятерка пик? Нет, это не ваша карта... Но если мы ее потрем, оп, и готово — четверка пик...

— Bay! — простонала Винченца. — Волшебник!

— Стараюсь, стараюсь, — улыбнулся Тинкет. — Никакой магии. Ловкость рук...

Томке показалось, что она с разбегу влетела лицом в кирпичную стену. Несколько мгновений она не могла вдохнуть. Стояла и тупо открывала рот, точно рыба на берегу.

Сейчас ей, как никогда, были нужны помощь и поддержка. И она рассчитывала на Тинкета. А он, вместо того, чтобы броситься к ней с утешениями, стоит и крутит хвостом перед мымрой из дешевого фильма ужасов. Тут кто угодно потеряет самообладание.

Томка изо всех сил прикусила нижнюю губу. Девица с менее крепкими нервами могла бы разреветься или того хуже — закатить истерику. Но Томка смогла взять себя в руки. Лишь незаметно шмыгнула носом. Ну и ладно... Нравится ему эта Иезавель — его личное дело. И вовсе ей не обидно даже...

Тут противный внутренний голосок ехидно пискнул: «Что, сдалась? Переиграла тебя ведьма? Кто бы мог подумать: Томка

Кошкина сдалась, и даже глаза не попыталась выцарапать! Скоро свиньи полетят, и наступит мир во всем мире...»

«Заткнись!» — беззвучно сказала Томка и захлопнула дверь ногой так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Винченца повернулась к девушке; на лице ее появилась кислая мина, словно она надкусила гнилой банан.

— Эу... Это вы... — протянула она, не скрывая досады.

— Да я, — сказала Томка тем тоном, которым и полагается разговаривать с Иезавелями. Тон этот сам по себе мог спровоцировать новое оледенение. Но Винченца и бровью не повела. Вампиры по своей природе существа хладнокровные.

— Мне Чарли фокусы показывал, — доверительно сообщила Винченца, невзначай поправляя одежду. — Он очень талантливый...

— Правда? — изумилась Томка. — Кто бы мог подумать!

Думала она о судьбе исторической Иезавели. Кажется, та кончила жизнь тем, что ее разорвали собаки? Томка посмотрела на Снуппи. Какое удивительное совпадение...

Проследив за ее взглядом, Винченца мигом изменилась в лице. Все же есть польза от самой уродливой собаки в мире, и приятно иметь в колоде такой козырь.

Как все мужчины, Тинкет ничего не смыслил в дуэли недосказанных фраз.

— Вот ты где! — воскликнул фокусник. — Нашлась, наконец. Я начал беспокоиться, не случилось ли чего.

Томка изумленно посмотрела на Винченцу. Но та едва заметно развела руками — мол, тут она ни при чем.

— Ага, — Томка кивком указала на дверь.

Винченца ответила таким же быстрым кивком. Она была той еще стервой, но не дурой. Приближение бури почувствовала, как хороший барометр.

— Оу! — вскричала официантка. — Заболталась я с тобой, Чарли, а мне давно пора бежать. Ускакала, завтра увидимся! Ciao!

И она выскошла из комнаты, словно за ней гналась стая голодных гиен. Миг, и топот шагов стих в коридоре.

— Ты была права, — сказал Тинкет, глядя на захлопнувшуюся дверь.

— Да? — Томка осмотрелась в поисках тяжелых предметов. На всякий случай, чтобы были под рукой. — В чем же?

— Действительно милая девушка. Учится на социолога. А официанткой подрабатывает, чтобы платить за обучение.

— Удивительная тяга к знаниям, — никакого желания обсуждать жизненные обстоятельства Винченцы у Томки не было. — Так говорите, мое отсутствие вас обеспокоило?

— Я удивился, — признался Тинкет. — Я рассчитывал на тебя: трюк с картой сквозь стекло, не забыла? А тут половина иллюзии сделана, а тебя нет. Еле выкрутился.

Как бы Томка не злилась на фокусника (а злилась она сильно), она почувствовала себя виноватой. В самом деле — она ведь подвела его. На фоне последовавших событий это выглядело совершеннейшей мелочью, но девушке стало неловко.

— Прости... те, я не хотела ставить вас в неудобное положение.

— Пустяки, — отмахнулся Тинкет. — Во-первых, подобные повороты заставляют держать себя в форме. А во-вторых, у тебя была уважительная причина.

— Да... — проговорила Томка. Стоило подумать об этой «уважительной причине» и ее затрясло.

— Винченца мне рассказала, что тебя вызвали из-за собаки. Таарам она тут устроила жуткий, — широким взмахом Тинкет обвел комнату, еще хранившую следы буйства Снуппи. — Хорошо, что ты его нашла, пока он не разгромил весь дом. Графиня могла бы расстроиться, а мне совсем не хочется ее злить...

Томка уставилась на фокусника. Он серьезно? Хотя какие здесь шутки... Девушка была уверена, что все палаццо, да что там — вся Венеция уже знает о несчастье с графиней. Пусть не в подробностях, но как минимум в общих чертах. Но, похоже, Каппети оказался более великим организатором, чем ей представлялось. Одно дело руководить толпой поваров и официантов

и следить, чтобы гостям хватило креветок, и совсем другое — скрыть ото всех, что с хозяйкой вечера приключилась беда. Но распорядитель не мог допустить, чтобы прием закончился скандалом.

— Да, — сказала Томка, тщательно подбирая слова. — Я нашла Снуппи. А еще я встретила графиню.

— Серьезно? Проклятье! И она...

Нет ничего приятного в том, чтобы оказаться в шкуре гонца, который приносит дурные вести. Но кто-то должен выполнять и черную работу.

— С графикой произошло несчастье. Она... Ее увезли в больницу.

— Несчастье? Из-за собаки?! — вытаращил глаза Тинкет.

— Нет, Снуппи не виноват. Там были... другие причины.

— Надеюсь, ничего серьезного? — обеспокоенно спросил фокусник и по глазам Томки догадался, каким будет ответ. — Но... Как?! Что случилось?!

Томка едва не выложила ему все как на духу. Однако после общения с Каппети она побоялась рассказывать всю историю. Если бы Тинкет посмотрел на нее как распорядитель, всем видом показывая, что в подобные сказки он не верит, девушка бы этого не вынесла. Правда — никому не нужна; нужно убедительное объяснение, вписывающееся в представления людей об устройстве мира.

— Врач говорит — микроинсульт, вызванный сильным нервным потрясением.

— О, Господи! Она...

— Не уверена насчет «микро». Когда я ее видела в последний раз, синьора, извините за грубость, походила на хихикающий овошь. Она не только не могла сосчитать, сколько пальцев ей показывает доктор, но не понимала, что такое пальцы.

Новость настолько шокировала Тинкета, что он схватился за край стола, лишь бы устоять на ногах.

— И давно это случилось?

Томка кивнула.

— Damn! А внизу в это время шел бал-маскарад... Прямо пир во время чумы!

— Можно сказать и так.

— Умеешь же ты выбирать время и место, — Тинкет посмотрел на Томку как на заморскую диковину. — Что же случилось потом?

— С графиней? Врачи и увезли ее. В больницу или куда там забирают графинь с микроинсультом.

Тинкет тихо выругался.

— Проклятье... Неприятная ситуация. Черт! И где теперь достать газет?

— Не думаю, что новость успела попасть на первые полосы, — вздохнула Томка. — Подождите до утра.

— До утра нужно дотянуть. А из авторитетного источника мне известно, что когда ночуешь на улице, без газет не обойтись.

Томка удивилась.

— На улице? Разве вам негде ночевать? Мне казалось, раз вы здесь живете, у вас должна быть квартира или что-то в этом роде.

Тинкет печально покачал головой.

— Чисто теоретически квартира у меня есть. Беда в том, что я два месяца за нее не платил. Пришлось клятвенно пообещать хозяину, что сегодня рассчитаюсь с долгами. Я надеялся на гонорар за выступление... А его не будет: графике сейчас не до счетов.

Томка кивнула, фокусник же продолжил:

— Если я вернусь домой без денег, хозяин квартиры выпотрошит меня голыми руками и продаст органы на черном рынке. Когда дело доходит до финансов, венецианцы превращаются в диких зверей. Лучше я проведу ночь на улице, укрывшись парой вечерних газет.

— Вы простудитесь, — заметила Томка.

— Из двух зол я выбираю меньшее. Может, мои почки и не лучшие на этом свете, но они мне дороги.

— Что ж, — Томка развела руками. — Могу только посочувствовать... Почему бы вам не обратиться за помощью к милой девушке Винченце? Она наверняка сможет приютить вас на ночь.

Один поэт как-то сравнил сарказм с каплями яда. Но если перенести сравнение на Томкин голос, речь шла уже не о каплях, а о целом водопаде. Даже Тинкет — чурбан чурбаном — и тот что-то почувствовал. На девушку он посмотрел несколько озадачено.

— С какой стати ей это делать? Мы же едва знакомы.

— Вряд ли это будет проблемой. Завтра вы и так собираетесь встретиться, — Томка не упустила ничего из слов официантки. — Зачем же откладывать?

— А! — воскликнул Тинкет. — Нет. Завтра она будет работать на той вечеринке, где мы выступаем. В Венеции не так много официантов по найму.

— Вот как? А мы завтра выступаем на вечеринке?

Интересно, он действительно идиот или умело прикидывается? По лицу не поймешь. Томка не заметила, когда фокусник успел сбросить маску спокойной уверенности, которую надевал перед выступлением, и на физиономии снова появилось растерянное и удивленное выражение. Будто специально — знает, поди, что когда он делает недоуменное лицо, злиться на него невозможно. Хотя Томка и старалась изо всех сил.

Сейчас девушка разрывалась между тремя противоречивыми желаниями. С одной стороны, ей хотелось оторвать Тинкету голову, и от желания своего она не отказалась. Человек, который показывает фокусы официанткам с четвертым размером, большего не заслуживает.

В то же время Томке хотелось его как-то утешить. Кому-то неприятности фокусника могли бы показаться сущей безделицей; особенно в сравнении с тем, что случилось с графиней. Но

не Томке. Ей самой приходилось задерживать оплату за квартиру и она не понаслышке знала, на что способны квартирные хозяева, если вовремя не получают свою мзду.

А в-третьих, Томке все еще хотелось, чтобы он утешил и успокоил ее саму. И это притом, что он один из самых отвратительнейших людей на земле. Голова шла кругом. Кошке Шреденгира было легче — ее выбор хотя бы лежал в одной плоскости.

— Разумеется, мы выступаем. Мы же договорились. Нам нужно успеть отрепетировать несколько новых номеров. Есть у меня пара интересных задумок.

— Мне показалось, вы забыли о своем предложении.

— Почему я должен о нем забыть?

Томка мысленно сосчитала до десяти.

— Да так, — сказала она. — Не берите в голову. Завтра мы выступаем на вечеринке. Тяжко вам будет, если простудитесь.

Тинкет развел руками, мол, что поделаешь.

— Ладно, — обреченно сказала Томка. — Раз мы деловые партнеры, то оба должны думать о пользе дела...

Тинкет удивленно приподнял бровь.

— То есть, — продолжила Томка, — если вы заболеете, и завтрашнее выступление сорвется, я окажусь внакладе? Похоже, ради общего дела придется приютить вас у себя в номере. Газет не обещаю, но какой-то коврик там был.

— О! А это будет прилично?

Томка прищурилась. И после того, как он крутился тут перед официанткой, он еще говорит о приличиях? Что ж... Свое право на месть она заслужила.

— Вы у Снуппи спросите. Вам же с ним придется делить коврик.

Некоторое время Тинкет смотрел на собаку. Выбор между ночью на улице и ночью под крышей, но рядом с этой псиной, далеко не так очевиден. Снуппи ответил ему тем же задумчивым взглядом и хрюкнул.

— Хорошо, — сдался Тинкет. — Тогда, если вас ничего здесь не задерживает, мы можем идти.

— Сначала решим одну крошечную проблему... — Томка сжалась и выпалила на одном дыхании: — Вы не одолжите мне запасные штаны?

Всю дорогу до отеля Томка мучилась мыслью: рассказать Тинкету, что же случилось с графиней или не стоит? Рассказать хотелось — история прямо вертелась на кончике языка. Но каждый раз Томку что-то останавливало. Девушка вся извелаась, и даже штаны, которые Тинкет одолжил ей из сценического гардероба, не способствовали поднятию духа.

Эти замечательные брюки, к несчастью, оказались на три размера больше, чем Томка могла себе позволить. Чтобы они не свалились, приходилось их постоянно поддерживать. А еще они кошмарно пузырились, где только возможно, и девушка через шаг спотыкалась о чересчур длинные штанины. Томка не видела себя со стороны, но подозревала, что похожа сейчас на загулявшую утку.

Томке, конечно, нравилось выглядеть смешной, но не такой ценой. Масла в огонь подливал Тинкет. Стоило ему только взглянуть на девушку, черты лицаискажала едва заметная ухмылка. Томка только-только и с огромным трудом поборола желание треснуть его по голове, а тут оно вспыхнуло с новой силой.

— Есть у меня мысль по поводу завтрашнего выступления, — сказал Тинкет.

— Да неужели?

— Знаешь, чего ждет публика, когда на сцене появляются фокусник с ассистенткой?

— Волшебства?

— Это тоже, — кивнул Тинкет. — Но в первую очередь они жаждут крови. Самый известный в мире фокус — «распиливание женщины». Его, кстати, изобрел один шотландец, как и трюк с кроликом из шляпы. То есть это были два разных человека, но оба — шотландцы. Фокусы у нас вроде национального спорта.

— Погодите, погодите. Вы собрались меня распилить? Не уверена, что это хорошая идея.

— Распиливание не получится, — с сожалением сказал Тинкет. — Нужна специальная аппаратура и еще одна ассистентка...

— Слава Богу. Я очень дорожу своими ногами, не хотелось бы с ними расставаться даже на время.

— Тут важна сама идея: прекрасная девушка в смертельной опасности. Вот что я придумал... Кажется, ты говорила, что помешаешься в чемодан?

— Было дело, — осторожно сказала Томка. — В зеленый. У нас в театре есть такой кофр.

— Думаю, цвет чемодана не столь важен. Смотри, какая схема. Берем чемодан, в который ты забираешься. Запираем и подвешиваем на канате. После этого фокусник — то есть я — начинает бросать в чемодан ножи... А лучше металлические копья, чтобы они пробивали его насквозь. Затем чемодан опускаем, и ты выходишь оттуда живая и невредимая, с очаровательной улыбкой на устах.

— С очаровательной улыбкой?

— Думаю, эта часть фокуса получится лучше всего, — уверенно заявил Тинкет.

Томка далеко не сразу вынесла вердикт.

— Звучит безумно.

— Да? — уголки губ фокусника опустились.

— Не в том смысле, — поспешила сказать Томка. — Мне нравятся безумные идеи... А как я уцелею после того, как меня пронзят копьями?

— Еще не придумал, — признался Тинкет. — Но к утру управлюсь. Технические детали — дело десятое. В искусстве иллюзий главное придумать, что делаешь, а остальное приходит само собой.

— Надеюсь, оно и в самом деле придет, — сказала Томка. Как бы она не любила безумные идеи, есть же границы! Не хотелось

начинать карьеру, истекая кровью. Улыбка от этого теряет половину очарования.

— Кстати, о технических деталях... В фокусах же используются всякие зеркала?

— Сплошь и рядом, — сказал Тинкет. — Собственно я потому и перебрался в Венецию из Глазго. Здесь о зеркалах и отражениях знают все. На Мурано сохранилось несколько старых мастерских, с амальгамой они творят настоящие чудеса... Хотя, если честно, перебрался я из-за климата, но зеркала — очень красивое оправдание.

— А могли бы вы сделать такой фокус, — отстраненно сказала девушка. — Допустим, некто становится перед зеркалом, а его отражение вдруг начинает жить собственной жизнью?

— Чисто теоретически... Можно взять фальшивое зеркало. Фокусник становится перед пустой рамой, а его ассистент-двойник повторяет за ним движения, а потом начинает вести свою игру. Если фокусник и ассистент — близнецы, может получиться весьма эффектно. Можно использовать и маски, но это хуже.

— А без близнецов и двойников?

— Если правильно расставить зеркала, можно использовать скрытый проектор. Как в иллюзии с театром теней.

— Мм... Понятно.

Ни двойниками, ни скрытым проектором объяснить то, что случилось с графиней М., было нельзя. Да и вообще, при всем старании Томка не находила ни одного рационального объяснения.

— А почему ты спрашиваешь? — насторожился Тинкет. Видимо, понял по голосу, что вопрос не праздный.

— Любопытство, — фальшиво улыбнулась Томка. — Слышали истории про всяческие таинственные отражения? И мне стало интересно, откуда они берутся?

— У нас в Шотландии распространено одно суеверие. Считается, если перед зеркалом трижды произнести «Кровавая Мэри», то появится ее призрак.

Томка озадачилась.

— Призрак водки с томатным соком? Но...

— Да нет же, — отмахнулся Тинкет. — Призрак королевы Марии Английской. Говорят, она похищает детей.

— Забавно, — сказала Томка. — В России схожим образом вызывают Пиковую Даму... Или сразу Пушкина.

— Он тоже похищает детей?

— Нет, конечно! — возмутилась Томка и задумалась. — Хотя наверняка сказать нельзя... Нет, стоп. Зачем призраку Пушкина похищать детей?

— Понятия не имею. Это же у вас в России происходит.

— А зачем похищает детей ваша Кровавая Мэри?

— По легенде, Мария Английская сошла с ума, потеряв собственных детей, вот и охотится за чужими.

— И как она это делает? Вылезает из зеркала?

— Понятия не имею, — сказал Тинкет. — Легенды и суеверия обычно не отличаются проработкой деталей. В суде бы сказали, что показания свидетелей расходятся. То она вылезает из зеркала, то забирает отражение...

— А что будет с человеком, у которого похитили отражение? — продолжала допытываться Томка. — Раз вы приехали в Венецию изучать зеркала, наверняка слышали подобные легенды.

— Слышал, — кивнул Тинкет. — Их много, и не только в Венеции. У Гофмана была «История с пропавшим отражением»... Это очень распространенное суеверие: если долго смотреться в зеркало, дьявол утащит твою душу. Именно поэтому всяческая нечисть в зеркалах и не отражается.

— Точно! Похитит душу! — Томка подпрыгнула так, что едва не выскоцила из штанов. — Голубь — птица, которая переносит души; если долго смотреться в зеркало — душу можно потерять; сумасшедших называют душевнобольными... Все сходится!

Тинкет откашлялся в кулак.

— Что сходится?

Томка посмотрела на фокусника. Пожалуй, все-таки не стоит его впутывать. Не сейчас...

— Да так, мысли вслух... Не обращайте внимания, — и она торопливо сменила тему: — Кстати, мы пришли. Вон в том отеле я живу.

— Где? — Тинкет завертел головой. — О... Но это не отель! Это бывший...

— Я знаю, — ледовитым голосом сказала Томка.

— *Buona sera, синьорина*, — прорычал громила-портье, оторвав взгляд от книжки про кролика Питера. За сутки он не сильно продвинулся, но, судя по глубоким морщинам, избородившим лоб, старался, как мог. Вокруг его головы клубилось облако табачного дыма. — Снова припозднились?

— Вроде того.

В отель, озираясь, вошел Тинкет. Заметив фокусника, портье обижено надулся и принял разглаживать бороду.

— О... Так вы не одни. Весело проводите время?

— *Si*, — сказала Томка, глядя ему прямо в глаза. Сказала таким тоном, что портье прикусил язык. Парень сообразительный, он сразу понял, что любая шуточка про «город романтики» будет стоить ему бороды.

— Кстати, днем ваши друзья приходили, — сказал портье, прячась за облаком вонючего дыма.

— Какие еще друзья? — не поняла Томка. Вообще-то ее друзья должны были приехать в Венецию только через пять дней. Никаких гостей она не ждала.

— Я не видел, — ответил портье. — Мне сменщик передал. Принесли ваши вещи, мы их в номер поставили.

Томка изумленно уставилась на рокера. Он что, издевается? Или это такой венецианский юмор? Голос девушки едва не сорвался на хрип:

— Какие еще вещи?!

— Как, какие? Чемодан ваш, а что там внутри, не знаю. Не успел посмотреть...

Портъе выглянул из дымного облака и снова исчез. По его лицу Томка не поняла — говорит он серьезно или же упражняется в сарказме. Сама она стояла ошеломленная, как человек, который в собственной спальне повстречал единорога. Как же так... Получается, ее чемодан нашелся? Кто-то принес его в отель?

— А... А ваш сменщик ничего не говорил про «моих друзей»? Как они выглядели, или может что-то ему показалось необычным?

— Это же ваши друзья, — сказал портье. — Вы что, не знаете, как они выглядят? А я не спрашивал.

Впрочем, Томка его не слушала. Ясно же, как день, что чемодан могла принести только Лаура. Она же знала адрес Томкиного отеля.

Девушка поджала губы. Проклятье! А ведь она с самого начала знала, что бородатая женщина ей не врет! Так нет же, поддалась навету, поверила в то, что та воровка... А теперь выясняется, что случившееся на вокзале и в самом деле досадное недоразумение. Глупая ошибка, над которой можно только посмеяться — ха-ха! Все это время Лаура сама искала Томку. И нашла...

Утешало только то, что сейчас женщины нет рядом. Иначе бы Томка не выдержала и провалилась бы со стыда сквозь землю. А так — лишь покраснела, словно на нее вылили ведро томатного соуса. Как же она могла так плохо думать о Лауре?! Нельзя настолько не доверять людям!

Выхватив у портье ключ от номера, Томка чуть ли не взлетела по лестнице. Руки дрожали, пришлось собрать все силы, чтобы попасть в замочную скважину. Но когда она, наконец, справилась, то была вознаграждена по полной.

Посреди комнаты, целый и невредимый, стоял ее чемодан.

Обхватив себя за плечи, Томка стояла на пороге и смотрела на чемодан, как адмирал смотрит на давно потерянную подлодку, которая, гляди-ка, входит в порт. Даже слезы на глаза навернулись.

В том, что это именно ее чемодан, можно не сомневаться. В целом мире другого такого не сыщешь. Томка с умилением глядела на выгоревшие наклейки со всего света, на латунные накладки на углах и на потертую кожу... Сколько ей пришлось из-за него вытерпеть!

Но теперь все позади. Жизненная кривая резко поползла вверх. И дело было не в самом чемодане — он послужил, скорее, символом. Напоминанием о том, что все не так плохо, есть в жизни и светлые стороны. Главное не отчаиваться и верить в счастливый конец.

Радостно улыбаясь, Томка шагнула к чемодану и положила его на кровать. Тут бы ей удивиться — багаж оказался чересчур легким, но Томка была слишком впечатлена чудесным возвращением и не обратила на это внимания. Мысленно сосчитав до трех, она щелкнула застежками. На мгновение у нее перехватило дыхание. Герои «Криминального чтива» открывали свой таинственный кейс с меньшим благоговеньем.

К тому, что открылось глазам, Томка оказалась совсем не готова. Челюсть ее упала; девушка знала, что открытый рот ее не красит, но и закрыть его была не в состоянии.

Нет, бесспорно, в чемодане лежали ее вещи — что-то из одежды, косметичка, полотенце, зубная щетка и прочие туалетные принадлежности. Но... Где, черт возьми, остальное? Будучи порой девушкой несдержанной, молчать Томка не стала. Портые внизу подскочил на стуле, а Тинкет, который поднимался со Снуппи по лестнице, споткнулся и едва не упал.

— Эй! Где мои деньги? Где фотоаппарат и вообще?! Где ноутбук?!

От криков вещи не появляются, не появились они и сейчас. Вместо них в чемодане лежал большой пакет собачьего корма. Если бы оттуда выскоцил чертик на пружинке, Томка удивилась бы меньше. Подобного цинизма она никак не ожидала. Акции Лауры рухнули столь стремительно, что разлетелись вдребезги. Одно дело принять, что бородатая ведьма — обыкновенная воровка. Так ведь она еще и издевается! Смеется прямо в лицо!

— Вот дрянь! — прошипела Томка. — Только попадись она мне!

Неизвестно, что имела в виду графиня М., когда сравнила девушку с таксой — взгляд, выражение лица или другие таинственные признаки. Но сейчас Томка и впрямь почувствовала родство с этими представителями семейства собачьих. Таксы, как известно, собаки, выведенные для лисьей охоты. Любую таксу хлебом не корми, дай только вцепиться лисе в глотку. А Лаура была именно что лиса, самой высшей пробы.

Схватив чемодан, Томка с размаху швырнула его о стену. Вещи, какие были, разлетелись по комнате. Чемодан же упал прямо под плакатом «Театра Кошмаров доктора Коппелиуса». Томка зло уставилась на афишу. Жуткий карлик ответил ей пустым взглядом, но Томка не собиралась пугаться.

— И до тебя я доберусь, — она ткнула в афишу пальцем. — И мало тебе не покажется...

Она шагнула к плакату. Плевать она хотела на историческую ценность и прочую ерунду — ночевать в одной комнате с портретом птицеголового Карлика Носа Томка не собиралась...

За спиной послышалось вежливое покашливание и не менее вежливое похрюкивание.

— Что еще?! — возопила Томка, разворачиваясь на пятках.

На пороге номера стоял Тинкет, озадачено глядя на девушку и разбросанные по номеру вещи. Та же озадаченность читалась и во взгляде Снуппи.

У Томки опустились руки. К счастью, она не видела себя в зеркале, хотя и догадывалась, что похожа сейчас на разбушевавшуюся фурию. Наверняка и волосы стоят торчком, как иглы дикобраза.

Многих девушек ярость украшает, но Томка не входила в их число. Когда злилась, она слишком сильно морщила нос, да еще и скалилась, отчего злосчастное сходство с таксой только усиливалось. Причем с таксой, которой дверью прищемили хвост.

А Томке не хотелось, чтобы человек, к которому она испытывает чуть более чем просто дружеское расположение, видел ее такой. У девушки есть свои причуды.

Чтобы немного исправить ситуацию, Томка улыбнулась уголками губ, на большее ее не хватило.

Тинкет снова откашлялся.

— Прости, не хотел тебя беспокоить, но...

— Да ладно, — Томка вяло махнула рукой. — Проходи

Она присела на угол кровати, с тоской смотря на разбросанные вещи. Одна радость — можно хотя бы привести себя в порядок и переодеться. А то в костюме вампирши и позаимствованных у фокусника штанах она сама себе напоминала Чарли Чаплина в роли графа Дракулы.

— Уютный номер, — Тинкет огляделся. — По венецианским меркам, конечно...

— Ха! — одним простым словом Томка сказала все, что она думает и об этом номере, и о Венеции в целом.

Следом за фокусником в комнату ввалился Снуппи. Энтузиазма Тинкета по поводу комнаты он не разделял. Мог бы — вставил бы в диалог и свое «ха!». Пес покрутил головой, выискивая местечко, где бы упасть и забыться сном. Взгляд скользил по каким-то тряпкам, раскрытыму чемодану, пакету собачьего корма...

Мгновение спустя Снуппи повернулся. Может быть, он был не самым сообразительным псом на этой планете, но и его мозгов оказалось достаточно, чтобы понять, что рыжий сеттер на упаковке неспроста так радостно скалится.

Снуппи терпеть не мог других собак, признавая право на существование лишь за бульдогами, бультерьерами и китайскими хохлатыми собачками (и у животных бывают свои причуды). Сеттеров же он на дух не переносил, считая их грязным пятном на истории всего собачьего племени. Однако на этого сеттера Снуппи уставился, как на посланца небес: рыжего, длинношерстного и длинноногого ангела, даром что без крыльев.

Пес застыл с раскрытой пастью. Никогда еще Томке не доводилось видеть настолько удивленной собаки. Глаза его заблестели. Можно понять — весь день он довольствовался лишь тем, чем делилась с ним Томка, а люди, как известно, едят всякую гадость и ничего не смыслят в высокой собачьей кухне.

Медленно и с почтением, как подходят к святыне, Снуппи шагнул к пакету с кормом. Лапы его дрожали.

— Сидеть! — рявкнула Томка. Вскочив с кровати, она хлопнула собаку ладонью по носу.

Пес настолько ошелел от грубости, что, в самом деле, сел. Вернее, попытался, но запутался в ногах и завалился на бок. Думал он о том, что этот мир слишком жесток по отношению к честным собакам, и радостно скалиться в нем могут лишь рыжие сеттеры.

— Держи себя в руках, — нравоучительно сказала Томка. — То есть в лапах. Запомни — порядочные собаки не набрасываются на еду и не едят с пола!

Снуппи, который до сегодняшнего дня и не подозревал, что существует такое понятие, как собачий этикет, заскулил. Томка повернулась к фокуснику.

— Вас не затруднит сходить к портье и раздобыть миску для этого троглодита?

Тинкет не ответил; похоже, он не услышал, что Томка к нему обратилась. Он смотрел на афишу на стене, ту самую, на которой Гуттаперчевая Принцесса крутилась в обруче над пылающим озером.

— Это ты? — Тинкет вытянул руку. — Здорово выглядишь...

— Не-а. Этой афише сто лет в обед. А нарисована здесь моя прабабка, я те... вам про нее рассказывала. Знаменитая цирковая гимнастка. С ней произошел...

Томка прикусила язык. Она хотела сказать «несчастный случай», но еще до того, как слова сорвались с губ, поняла, насколько они неуместны. Несчастный случай?! Как же! Все было настолько очевидно, что Шерлок Холмс не стал бы даже браться

за такую задачку. Конечно: пррабабка сошла с ума, то же самое случилось с графиней М. Получается, мерзкий карлик Коппелиус похитил и ее отражение, а, может, даже душу. Об этом свидетельствовала и пустая рама зеркала на стене номера.

— Прабабка? Да, говорили... — Тинкет подошел к афише ближе. — Вы действительно похожи...

— Ага... — отрешенно ответила Томка и тут же вздрогнула. — Похожи?!

— Ну, фигура, прически, выражение лица, как у... симпатичное.

Очень похожи... Вот почему карлик так на нее смотрел! Он знал, кто она такая; понял сразу, как только заметил Томку в бальном зале палаццо. И именно потому доктор Коппелиус позволил ей увидеть похищение графини. Была ли эта угроза, предупреждение, чтобы Томка не лезла не в свое дело, или карлик руководствовался иными мотивами — оставалось гадать. Как и о том, почему он так легко отпустил девушку...

Хуже всего, что с каждым новым вопросом история становилась более запутанной. Ответов же не наблюдалось даже на горизонте. Томке казалось, что она ногой раздавила осиное гнездо и теперь пытается уследить за кружашим над головой роем крайне раздраженных насекомых.

Например — как доктор Коппелиус смог похитить и графиню М., и ее пррабабку? Разница во времени между двумя событиями составляла около ста лет... Конечно, не исключено, что под птичьей маской скрывается древний старишак, но подобная версия представлялась девушке сомнительной.

Или еще вопрос — зачем ему это? Почему именно графиня и ее пррабабка? Что в них такого особенного? Тут долго ломать голову не пришлось — «особенного» в них было выше крыши. Одна — Гуттаперчевая Принцесса, вторая — настоящая великанша из детских сказок, вместе — бродячий цирк на выезде.

Томка напрягla память. Что там сказал Коппелиус, забирая осколок с «отражением» графини? Что-то вроде: «Она станет

жемчужиной моей коллекции»... Томка с отвращением посмотрела на афишу доктора Коппелиуса. Так вот что такое этот «Театр Кошмаров»! Тинкет говорил, что видел новую афишу в городе, и упомянул Самого Старого Человека и какого-то Великан...

Картина начинала проясняться. Получается, каким-то образом — может, при помощи старинных зеркал или же жуткой трости с набалдашником в виде фигурки Голубя — доктор Коппелиус похищал «особых» людей. А после, за деньги, показывал их в «Театре». Классическое фрик-шоу в худшем из своих проявлений.

Образ жуткого доктора обретал более четкие черты. За таинственной инфернальной внешностью скрывался компрачикос! Самый настоящий Карабас-Барабас, только без бороды и плетки о девяти хвостах.

Томка замотала головой. Глупость какая-то! Но чем больше она об этом думала, тем более убедительной казалась ее версия. Пусть она противоречила Томкиным представлениям об устройстве вселенной, но зато все объясняла. И плевать на Шерлока Холмса, который умолял начинающих детективов первым делом отбрасывать невозможное.

Томка вдруг заметила, как Тинкет что-то говорит. А она, погрузившись в собственные мысли, его даже не слышит.

— А?

Слова фокусника прозвучали несколько глухо.

— Ты тоже так можешь? — Тинкет постучал пальцем по краю нарисованного обруча, на котором крутилась Гуттаперчевая Принцесса.

— Что? — Томка вздрогнула. — Не знаю... Но раз моя прабабка так могла, то и у меня должно получиться. Была бы огненная яма...

— Хм... Что, если... Смотри, есть у меня одна идея. За основу берем этот номер — обручи, огонь и копья. И представь: в самый ответственный момент трос обрывается, и ты падаешь

вниз. Я почти придумал, как это провернуть технически, осталось проработать детали.

Томка растерянно моргнула.

— Одного не понимаю, — произнесла девушка, — откуда такое желание отправить меня на тот свет таким количеством столь извращенных способов? Ну, правда? То чемодан и копья, теперь огненная яма... Вас в детстве укусила прекрасная миниатюрная брюнетка, и вы затаили злобу на прекрасных миниатюрных брюнеток как класс?

Тинкет поперхнулся и громко закашлялся. Пока кашлял, окончательно пришел к выводу, что с ассистенткой он не прогадал.

Наконец, Томке удалось выставить фокусника за порог.

Тинкет все порывался рассказать схему иллюзии, которую без лишней скромности назвал «Прекрасный Феникс». Загоревшись идеей, он мог говорить о ней часами. Однако Томка, как бы ей не лъстило название, была не в состоянии слушать о веревках настоящих и веревках фальшивых, ступорах, блоках и прочей тайной кухне иллюзионного жанра. Несколько раз она недвусмысленно намекнула Тинкету, что собирается в души, если ему дорого здоровье, не стоит становиться у нее на пути. Да и собаку пора кормить, пока та не захлебнулась слюной.

Того же мнения придерживался Снуппи, и именно его голос оказался решающим. Пес скулил так жалобно и так настойчиво, что этого не вынес бы самый жестокосердный человек. Царь гуннов Аттила и тот отправился бы на поиски собачьей миски, сжигая по пути города.

Не успел фокусник закрыть за собой дверь, а Томка уже собрала полотенце, мочалку, шампуни и прочие принадлежности, необходимые девушке, чтобы принять душ, и отправилась в ванную комнату. Снуппи она привязала к спинке кровати, благоразумно убрав пакет с кормом подальше от его глаз. Не хватало, чтобы он и здесь учинил разгром, как в палаццо

графини. На удивление, пес принял это с безропотной покорностью.

Душ в номере только назывался этим словом, но едва ли его заслуживал. Мыться под ним могла бы только цапля, и та — стоя на одной ноге. Томке еще повезло с фигурой — девушка корпулентная с задачей бы не справилась. Ржавая сантехника не менялась с тех времен, когда в номере жила Томкина прабабка. Минут пять девушка воевала с кранами, выбирая между водой ледяной и водой кипящей, прежде чем достигла компромисса. Вода пахла ржавчиной и тиной, но после всего, что Томке пришлось вытерпеть, на подобные мелочи она уже смотрела сквозь пальцы.

Довольно долго она просто стояла под горячими хлесткими струями. Вокруг нее клубился пар, громко шипела вода, и расшатавшаяся вселенная постепенно стала приходить в порядок.

Томка старалась ни о чем не думать и, в конце концов, добилась определенных результатов. Как бы упрямо не лезли в голову мысли — о Лауре и Снуппи, о карлике и графике, о Тинкете и фокусах, — Томка гнала их со всей безжалостностью, на какую была способна. Ей хотелось просто отдохнуть. А ничто так не приводит в порядок голову, как полчаса под горячим душем. К тому же душ согревал, а за пару дней в Венеции Томка успела прогрнуться, как ездовая лайка на подходах к Северному Полюсу.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается. Как бы комфортно Томка не чувствовала себя под душем, она прекрасно понимала, что нельзя оставаться под ним вечно. Иначе рискуешь превратиться в распаренный розовый студень. Пришлось наступить на горло собственной песне и закрутить краны.

Растирая волосы полотенцем, Томка вышла из-под душа. Пар и водяная взвесь постепенно рассеивались. Девушка рассеяно посмотрела на запотевший осколок зеркала на стене... И подскочила на месте, визжа, как сигнальная ракета. Если, конечно, бывают сигнальные ракеты «ню».

На свете существуют тысячи вещей, которые могут заставить впечатлительную девушку скакать, точно горная серна, и верещать, словно ее ужалила пчела. Если верить статистике, то первым номером в списке окажутся мыши, второе место честно поделят пауки, тараканы и обручальные кольца. Однако ни в одном исследовании не указано, на каком же месте стоит «загадочная надпись, таинственным образом появляющаяся на стене». Самый известный случай «таинственной надписи на стене» имел место на пирамиде вавилонского царя Валтасара, но в летописях не сохранилось данных о том, сколько же девиц заизжало, увидев, как невидимая рука чертит: «Мене, мене, текел, упарсин».

Томка, скака и вереща, о статистике не думала. Думала она как раз о надписи, приступившей на запотевшем осколке зеркала. Надписи, в отличие от древнего пророчества, простой и понятной:

«Помоги мне!!!»

Не успели ее ноги коснуться земли, дверь с грохотом распахнулась, и в ванную ворвался Тинкет.

— Что слу... О, черт!

Томка взвизгнула еще громче и, кое-как прикрывшись полотенцем, забилась в угол. Возвращаясь к статистике: мужчина, врывающийся к девушке в душ, как повод для визга стоит на двенадцатом месте.

— Прости, я не... — забормотал Тинкет, тщетно пытаясь на Томку не смотреть. — Я услышал, ты кричала... И подумал, что...

Томке было не до его мыслей. Протянув руку, она указала на надпись и выдохнула:

— Там... Слова! На зеркале...

Тинкет повернулся. Запотевшее стекло постепенно возвращалось к нормальному виду, но надпись еще можно было разглядеть. Впрочем, не похоже, чтобы она впечатлила фокусника. Глядя на исчезающие слова, Тинкет лишь нахмурился.

— И что? — осторожно произнес он. — Это какие-то особенные слова?

— Они появились! Из... ниоткуда! — выкрикнула Томка, поражаясь его бесчувственности.

Тинкет поднял руки.

— Без паники, — сказал он, обращаясь больше к себе, чем к девушке. В некоторых ситуациях сохранять хладнокровие очень сложно. — Все в порядке, ничего страшного не случилось...

— Не случилось?! Да если бы ты смотрел на зеркало, ты бы сразу понял, что случилось! — Томка возмущенно засопела, изо всех сил пытаясь плотнее укрыться не таким уж большим полотенцем.

— Хм... Все объяснимо. Кто-то написал эти слова раньше и на зеркале остался след, который не виден, пока стекло не запотевает. Понимаешь, как бы чисто мы не мыли руки, всегда остается...

Неизвестно, что больше взбесило Томку — его успокаивающий тон или же его непроходимая тупость. Не нужно было бы придерживать полотенце — всплеснула бы руками, а так — всплеснула руками мысленно.

— Всегда?! Да я видела, как эта надпись появляется! Как ее пишут... Буква за буквой!

— О! А как пишут? В смысле — кто?

— Откуда я знаю? — огрызнулась Томка. — Я просто увидела, как она появляется. Спроси меня, откуда — я скажу, что с той стороны. И я знаю, что это невозможно, можешь не говорить.

Тинкет подошел к осколку зеркала.

— А что здесь написано? — спросил он. — Это по-русски?

— По-русски, — кивнула Томка. — А написано здесь «Помоги мне», восклицательные знаки не переводятся.

— Помоги мне? Кому?

— Понятия не имею, — ответила Томка. — Подписи здесь нет.

Тут она покривила душой, ибо догадывалась, кто мог оставить послание. Девушка была растеряна, смущена и напугана, но не настолько, чтобы не решить столь простую задачу. Надпись появилась с той стороны зеркала — раз; она была на русском — два; само собой, первым делом на ум приходила вездесущая Томкина прабабка. Вот и сходила в душ, проветрила голову... Мало ей прочих проблем, а тут еще такой подарочек.

Тинкет протянул руку, дотронулся до исчезающей надписи. И, вскрикнув, отдернул ладонь.

— Что? — Томка рванулась к фокуснику, едва не забыв, в каком она сейчас виде.

— Dammed! — Тинкет замахал рукой. — Холодная, как...

Не подобрав подходящего сравнения, фокусник ограничился тем, что облизал палец. После чего посмотрел на зеркало с куда большим подозрением.

— Пожалуй, ты права, — согласился он. — Что-то действительно странное...

— Ха! — ехидно сказала Томка, что в переводе означало: «Я всегда права!».

— Надо рассмотреть получше, — пробормотал Тинкет. — Какое-то это зеркало необычное... Жаль, света здесь маловато.

— Так снимай его, и выметайся отсюда! Я скоро выйду.

— О, конечно... Извини.

Тинкет аккуратно снял зеркало со стены и шагнул из ванной комнаты, стараясь не глядеть на Томку. Но на пороге все же не выдержал и обернулся.

— Кстати, замечательно выглядишь. Полотенце тебе очень идет...

— Пошел вон!

Мочалка шмякнулась о захлопнувшуюся дверь.

Когда Томка вышла из ванной комнаты, сменив полотенце на пижаму фисташкового цвета, Тинкет стоял под люстрой

и вертел в руках осколок зеркала. Желтое пятно отраженного света скакало по потолку, как взбесившийся заяц.

Что бы Тинкет не увидел в зеркале, ему это не нравилось — он едва заметно покусывал губы, а на переносице появились морщинки. А вот Снуппи был спокоен, точно статуя Будды. Пес лежал кверху пузом, в обнимку с пустой миской. И судя по тому, как он елозил хвостом по полу, до нирваны ему оставалась пара шагов.

— Вот и я, — сказала Томка, откидывая со лба влажные волосы. — Говорила же, что скоро... Что там с зеркалом?

— Странное оно, — сказал Тинкет, поворачивая осколок к свету. — Не понимаю, почему хозяева держат в номере осколок вместо того, чтобы купить новое зеркало? Не так дорого они сейчас стоят. С конца пятнадцатого века цены заметно упали. А о такой осколок кто-нибудь может пораниться.

— Думаю, он от того зеркала, — Томка указала на пустую раму. — Здесь же все историческое-историческое. Зеркало разбилось, но выбросить его не решились... Вот и повесили на стену то, что осталось. Этому осколку, небось, уже сто лет.

— Сто лет? — Тинкет усмехнулся. — Бери выше. Я не большой специалист, но кое-чего нахватался. Думаю, это работа середины или конца восемнадцатого столетия, старая школа... Смотри, здесь на обороте есть печать мастера... Большая ее часть. Зеркало сделано в мастерской некоего «ретти».

— Аретти, — сказала Томка. — Его звали Пьетро Аретти.

— Ты знаешь мастера?

— Кое-что про него слышала, — уклончиво ответила Томка. — Что был такой зеркальщик, и работы его очень высоко ценятся. Вроде, он умел делать особую амальгаму.

— «Особая амальгама» — это любимый прием муранских мастеров, — объяснил Тинкет. — Они все утверждали, что владеют неким секретом, и их зеркала не такие, как у соседа по улице. Конкуренция была бешеная, вот и выдумывали подобные сказки. Хорошая реклама — основа торговли.

— Но особенная амальгама существует, — возразила Томка. — Ее называют египетской. Клеопатра в минуту нежности выболтала ее секрет Юлию Цезарю, а ей его рассказали древние атланты.

— Вот видишь. Столько веков прошло, а прием работает. Венецианцы — гении торговли. Они бы продали эскимосам айсберг, снабдив его соответствующей этикеткой. Мол, это тот самый айсберг, на который напоролся «Титаник» и так далее.

— За каждой легендой всегда что-то стоит, — упрямо заявила Томка.

Фразу эту любил повторять один ее родственник по материнской линии, некий Вильгельм, он же Вим, Вегенер. В семье его считали вроде штатного дурачка — носится по свету, как угорелый, связан с какими-то подозрительными личностями и явно замешан в темных делишках. Когда же он появлялся, то травил байки в духе барона Мюнхгаузена. Послушаешь его историю о путешествии аргонавтов, так будто он сам там был и выдавал себя за Орфея. Вот этот Вим и утверждал, что всякая легенда имеет под собой основание твердое, как скала. И сейчас Томка готова была подписатьсь под каждым его словом. Она же собственными глазами видела эту особую амальгаму.

Привстав на цыпочки, девушка заглянула в зеркальный осколок. Отражение как отражение, ничего особенного... На удивительное зеркало из палаццо графини М. совсем не похоже. И выглядела она в нем как в обычном зеркале — то есть выше всяких похвал, но не более того.

— Тем не менее, это зеркало очень странное, — продолжил Тинкет.

— Куда уж страньше! — сказала Томка. — Тебе мало таинственной надписи?

— Надпись это еще не все... Вот, смотри.

Он повернул осколок, чтобы девушка могла лучше видеть свое отражение.

— И что? — спросила Томка, приглаживая растрепавшиеся после душа волосы.

— Ничего не замечаешь?

Томка всмотрелась в зеркало как могла внимательнее. Изучила свое лицо до мельчайшей черточки, от кончика носа и карих глаз до крошечной родинки рядом с ухом.

— Нет. Не вижу...

— На стены посмотри, — подсказал Тинкет. Томка послушно посмотрела на стены, — а теперь обернись...

Томка выполнила и это указание. Зачем это было нужно, она не понимала, но, может, Тинкету нравится, как она поворачивает голову, всякое ведь бывает?

— И все равно, — неуверенно начала девушка, — ничего не...
Ой!

— Ага.

— Обои! Они другие!

— Не совсем, — покачал головой фокусник. — Сперва мне тоже так показалось, но потом я присмотрелся — нет, обои те же самые.... Разница в другом. Здесь, — Тинкет постучал по осколку, — они выглядят лучше. Смотри: и цвета ярче, нет подтеков и пузирей...

— Как? — только и смогла произнести Томка.

— Если бы я знал! — сокрущенно заметил Тинкет. — Оптическая иллюзия? На ней можно было бы построить отличный фокус...

У Томки тем временем появилось некое подобие объяснения.

— Не забыл, что я тебе говорила про особую амальгаму?

— Египетскую, от Клеопатры?

— От нее самой. Эта амальгама заставляет вещи выглядеть лучше, чем они есть на самом деле. Не знаю, как это получается... Вроде, туда добавляют золото и еще какие-то элементы. Правда, мне казалось, действует это только на людей... — Томка вспомнила о Снуппи перед зеркалом графини. — И на собак. Но не на обои же!

— Та еще загадка, — протянул Тинкет. — Кстати, когда ты смотришься в это зеркало, у тебя нет странного ощущения?

— Какого именно?

— Не могу понять, — сказал фокусник. — Такое чувство, что не только я в него смотрю, но и оттуда кто-то за мной наблюдает. Как бы подглядывает из-за угла. Не сочи меня параноиком...

— И не подумаю! — с горячностью воскликнула Томка. — Скажешь тоже — параноик... В этом зеркале взаправду кто-то есть. Кто-то же написал на нем ледяными буквами «Помоги мне» и поставил три восклицательных знака! Зуб даю, там кто-то прячется. И, кажется, я знаю кто именно.

— Кто? — фокусник удивленно приподнял бровь.

Ответила Томка не сразу.

— Вот скажи, — проговорила она после минутной паузы. — Ты веришь в привидений?

— Я же шотландец!

— Это ответ на вопрос?

— В какой-то мере, — кивнул Тинкет. — Понимаешь, в Шотландии не верят в призраков...

— А... — разочаровано протянула Томка, но Тинкет продолжил:

— Еще мы не верим в дождь, овец, «Глазго Рейндже́рс» и лохнесское чудовище — какой смысл верить в очевидные факты? Если ты родился шотландцем, с первого дня тебя сопровождают пять-шесть фамильных привидений плюс призраки, живущие в родильном доме, призраки, живущие в доме родителей, призраки из домов соседей, призраки младшей школы, средней и старшей, призраки, которые воруют по утрам молоко, и призраки, которые воют по ночам...

— Какая у вас в Шотландии насыщенная потусторонняя жизнь!

— Не то слово, — согласился Тинкет. — Так что ты говорила про привидений?

На всякий случай Томка повернулась, чтобы не встречаться взглядом с доктором Коппелиусом, таращившимся с афиши. Почему-то казалось, что нарисованный карлик внимательно слушает каждое произнесенное ею слово.

— Я думаю, в зеркале заточен призрак моей прабабки, — сказала Томка зловещим шепотом. — Это она просит о помощи.

Если Тинкет и подумал, что у Томки не все дома, то вида не показал. Наоборот — понимающе кивнул и с серьезным выражением посмотрел на осколок зеркала.

— Твоей прабабки? Той, которая гимнастка?

— Именно, — кивнула Томка.

— Знаешь, призраками просто так не становятся. Нужно соблюсти некоторые формальности. Твою прабабку кто-то жестоко убил, однако преступник остался безнаказанным?

— Нет, но...

— Тогда она кончила жизнь самоубийством от неразделенной любви?

— Нет, но...

— Есть еще вариант: смерть в результате трагического несчастного случая.

— Нет, но... — собравшись духом, девушка выпалила: — Думаю, с ней случилось то же, что и с графиней М.

При упоминании имени графини глаза Тинкета блеснули. Слишком поздно Томка поняла, в какую ловушку сама же себя загнала.

— А что именно случилось с синьорой графиней?

— Э... Это запутанная и долгая история...

— Но мы никуда не спешим, правда? — Тинкет присел на спинку кровати. — Если думаешь, что я не заметил, как ты что-то скрываешь, ты ошибаешься. С твоим лицом нельзя хранить секреты.

— Эй! — возмутилась Томка. — Что не так с моим лицом?

— Все замечательно, — сказал Тинкет. — Самое прелестное лицо, которое мне когда-либо доводилось видеть...

Томка кивнула — сухово, но удовлетворенно, а фокусник продолжил:

— Просто оно, как бы сказать, слишком живое. Слышала выражение — «на лице написано»? Это про тебя. Я с самого начала понял, что про графиню ты знаешь куда больше, чем рассказала. А мне не нравится, когда вокруг меня происходят важные события, а меня даже не ставят в известность.

— Прости, но...

— Если мы собираемся работать вместе, — сказал Тинкет, — между нами не должно быть никаких тайн и секретов. Полное абсолютное доверие — краеугольный камень в отношениях... фокусника и ассистентки. Может, стоит выложить карты на стол?

Томка пристыжено уставилась в пол. Фокусник прав, это тот самый груз, который лучше нести вместе. Что за приключение, если его нельзя разделить на двоих? Ввязываясь в опасную авантюру, важно знать, что кто-то прикрывает спину. Тинкет же был единственным человеком, которого Томка могла представить в данной роли. Он уже доказал это. Страшно представить, где бы она сейчас была, если б не фокусник. Сидела бы на холодном и сыром чердаке, и с бантом на голове дожидалась дня рождения Маркиза.

То, что она до сих пор ничего не рассказала, объяснялось исключительно упрямством и тупостью, и еще некоторыми чувствами, в которых ей не хотелось себе признаваться. Но, видимо, срок пришел...

— Это все он, — Томка указала на афишу. — Мерзкий карлик, доктор Коппелиус...

Тинкет склонил голову, приготовившись слушать.

Все оказалось проще, чем Томка думала. Стоило открыть рот, и она уже не могла остановиться. Историю о своих злоключениях в палаццо она рассказывала вдохновенно, не жалея красок и эпитетов. Получался настоящий жуткий триллер — Стивен Кинг, не задумываясь, вручил бы Томке свою корону Короля Ужасов.

— В общем, как знаешь — можешь считать меня ненормальной. Можешь думать, что у меня галлюцинации... Но все было именно так, как я рассказала.

Тинкет задумался.

— Что меня смущило в твоей истории... — наконец сказал он. — Есть два интересных момента... Во-первых, ты сказала, что на прием карлик заявиллся в компании Белого Пьера?

— Да. Но после я Пьера не видела...

— Помнишь, я рассказывал про уличную гадалку? Может быть, она имела в виду этого Пьера?

Томка пожала плечами.

— С этими гадалками никогда не поймешь, что у них на уме...

— И то верно, — согласился фокусник. — Но что я подумал. Нам действительно стоит наведаться в тот дом, про который я тебе рассказывал. Не уверен, что здесь есть какая-то связь, но чем черт не шутит? Иногда связи находятся там, где их меньше всего ждешь.

— Нам?

— Конечно. Не надейся лишить меня такого приключения. Я всю свою сознательную жизнь ждал, когда же на горизонте появится прекрасная незнакомка и втянет меня в безумную авантюру. И упускать этот шанс я не собираюсь. Не родился еще шотландец, который усидит на стуле, когда вокруг творятся такие дела.

— Здорово! — сказала Томка, чьи взгляды на мир до мельчайшей детали совпадали с предложенной концепцией. До сих пор ей не приходило в голову взглянуть на ситуацию под таким углом. А ведь это и вправду самое настояще приключение, о котором романтично настроенная девушка может только мечтать. Конечно, полное опасностей, но без опасностей приключений не бывает.

— А что за второй момент? Который тебя смущил?

Тинкет кивнул.

— Смотри. По роду службы мне полагается замечать детали, на которые обычно не обращают внимания.

— Как с обоями?

— Именно. Помнишь типа в феске, который на тебя напал?

Томка кивнула. Нужно очень сильно ударить ее по голове, чтобы она забыла Лучано.

— Он сказал, что найдет тебя. Ты же забрала у него какую-то серебристую фигурку и выбросила в канал.

— Ну?

— А теперь вспомни карлика и серебристую фигурку у него на трости. Собственно, чего вспоминать — вот она нарисована на афише. Тебе не кажется, что между ними есть сходство?

— Да нет вроде, — Томка задумалась. — У бандита была фигурка Собаки, у карлика — Голубь. Хотя... Ух ты! Действительно!

Фигурку Лучано Томка держала в руках; ту, что была у карлика — видела в непосредственной близи; и не заметить между ними сходства практически невозможно. Обе фигурки выглядели так, будто их сделал один и тот же мастер-ювелир.

— Мне, почему эта мысль пришла в голову, — сказал Тинкет. — Я уже видел подобную фигурку. Давно, еще в Глазго, я побывал на выступлении одного фокусника. И он делал трюк, секрет которого я не смог разгадать. Он брал апельсиновое семечко, сажал в горшок, и за несколько минут из него вырастало апельсиновое дерево с плодами.

— Это же классический фокус, — сказала Томка. — Я знаю, как он делается. Рассказать?

— Вот именно, что классический, — подтвердил Тинкет. — Его показывал еще Робер-Уден. И я тоже знаю, как он делается. Но тот фокусник делал все по-другому. Если бы имелись какие-нибудь секретные механизмы, я бы сразу увидел. Я сидел в первом ряду, и кроме меня там сидела дюжина других иллюзионистов. Никто из нас не заметил подмены. Тот фокусник действительно выращивал дерево из косточки на глазах у публики. Однако всякий раз перед фокусом он сжимал в кулаке маленькую серебристую фигурку Жирафа. Тогда я не придал

этому значения — мало ли, у кого какие суеверия — но сейчас мне кажется, что стоило бы присмотреться к тому амулету.

— Возможно, — согласилась Томка. — Только где теперь искать того фокусника?

— Не фокусника нужно искать, — сказал Тинкет, — а бандита, который на тебя напал. Раз у него была фигурка, он что-то про нее знает.

До сих пор Тинкет не давал ни малейшего повода усомниться в его умственном здоровье. Но сейчас, Томка посмотрела на него с той опаской, с которой нормальные люди смотрят на буйно-помешанного, у которого развязались рукава смирительной рубашки.

— Найти бандита?! Из всех безумных идей, что я когда-либо слышала — эта самая ненормальная.

— Не спеши с выводами, — серьезно сказал фокусник. — Я не спорю, риск есть. Но нельзя идти к доктору Коппелиусу, не зная, какой козырь он прячет в рукаве. Из того, что я понял — связываться с ним опаснее, чем с шайкой наемных убийц. Мы же не можем завалиться в его «Театр Кошмаров» и заявить: «Ха! Мы знаем все!»... Мне бы не хотелось попасть в то положение, в которое угодили синьора графиня и твоя прабабка. И еще меньше мне хочется, чтобы подобное случилось с тобой. Нет, прежде чем начинать военные действия, нужно досконально изучить противника.

— Да, но...

Несмотря на убедительные доводы, мысль о новой встрече с Лучано Томку не обрадовала. Но фокусник прав: лучше встретиться с десятком бандитов, чем оказаться один на один с доктором Коппелиусом.

— Хорошо, — сдалась она. — Только где нам искать того жулика? Не станем же мы бегать по улицам, надеясь на случайную встречу?

— Если честно — понятия не имею, — сказал Тинкет. — Можно навести справки в полиции, наверняка он есть у них в картотеке...

— Этот Лучано кое о чем обмолвился, — сказала Томка. — Завтра они с приятелем собираются на вечеринку к некоему Маркизу. Как я поняла, это местный криминальный авторитет. Венецианский дон Корлеоне или кто-то в этом роде. Не знаю, что это дает, но...

— На вечеринку к кому? — переспросил Тинкет.

— К Маркизу, — Томка нахмурилась. — Да, точно к Маркизу... Вообще-то мне бы не хотелось с ним встречаться, особенно после того, как эти бандиты собирались меня ему подарить на день рождения. С подарочным бантом на голове — представляешь, какая гадость?

— Представляю, — Тинкет замялся. — Тут такое дело... Мы завтра выступаем на этом мероприятии. На дне рождения Маркиза Де Морта.

О предстоящем выступлении Томка почти не думала, хватало и других проблем. Кто же знал, что именно с этой стороны и стоит ждать подвоха?

— Я не ослышалась?! На дне рождения Маркиза?

— Именно, — кивнул фокусник. — Как интересно складывается. Стоило подумать, где искать наших друзей-бандитов, и пожалуйста — готовое решение.

— Не вижу никакого решения. Я туда не пойду. Ты тоже.

— Почему это? — насупился Тинкет. — Глупо упускать такой шанс.

— Потому что идти туда — самоубийство. Лезть прямо в бандитское гнездо — это перебор. После того, что мы сделали с дружками этого Маркиза, я бы не рассчитывала на теплый прием. Они нас ждут, не дождутся и уже разводят цемент в тазике.

— И это говорит девушка, которой ничего не стоит прыгнуть с неисправным парашютом! — с легким укором сказал Тинкет. — Где ваш здоровый авантюризм, синьорина?

— Я думала, он исправный! И не вижу ничего здорового в том, чтобы лезть в клетку с голодным львом, размахивая куском мяса.

— Не преувеличивай, — отмахнулся Тинкет. — Уверен, риска практически нет.

— Ха! — сказала Томка. — И еще раз: ха!

— Сама посуди: во-первых, приглашение у нас официальное, а Маркиз не станет портить вечеринку в свою честь неприятными сценами. Потом, наши друзья-бандиты нас не узнают... Костюмы, маски, грим — и дело в шляпе. Мы первыми нанесем удар... А заодно заработка на выступлении.

— Да нас разоблачат сразу, как только мы там появимся!

— Вот еще. Сложнее всего заметить то, что находится у тебя под носом.

Томка нахмурилась. На каждое ее слово у этого фокусника заранее был готов ответ.

— А этот Маркиз... Он в самом деле главарь местной мафии?

— Я с ним не знаком. Так, кое-что слышал... Вообще-то он владелец нескольких частных клубов, но поговаривают, что он замешан в каких-то делишках. Ничего конкретного, только слухи, но сама понимаешь — такие вещи не афишируют. Кстати, «Маркиз» это не титул, его так зовут.

— Знал бы ты, как мне это не нравится, — покачала головой Томка.

— Да не трусь. Все пройдет замечательно.

Вот этого ему говорить не стоило. Томка задрала нос.

— Я не трушу! — с вызовом сказала девушка. — Я пытаюсь проявить хоть капельку благородства.

— Завязывай с этим делом, — сказал Тинкет. — Благородство никого еще не довело до добра. Где была бы цивилизация, если бы все подряд проявляли благородство? Сидели бы по веткам и ели бананы. Лучше продумаем завтрашнее выступление... И раз зашла об этом речь: я знаю, как сделать трюк с чемоданом. Все элементарно.

— Правда? — мигом заинтересовалась Томка.

— Делаем отверстие в боковой стенке и прячем его за резиновой прокладкой, покрашенной в соответствующий цвет.

Снаружи выглядит как обычный чемодан, но отверстие достаточно большое, чтобы через него выбраться. Ты залезаешь в чемодан, я закрываю крышку. Пока я готовлюсь, у тебя будет около минуты, чтобы вылезти и спрятаться в фальшивой тумбе. Операцию с копьями проворачиваем с пустым чемоданом... Затем ты преспокойно забираешься обратно, я открываю крышку. Изумленные крики, аплодисменты, как полагается. Ну?

— Здорово, — сказала Томка. — Действительно просто. Но у нас нет чемодана, в котором я должна прятаться — мой слишком мал. И копий тоже нет...

Тинкет отмахнулся от столь несущественной проблемы.

— С утра поедем на Мурано, — сказал фокусник. — Там живет мой знакомый, мастер на все руки — он поможет с реквизитом. Кстати, в зеркалах он разбирается лучше меня. Может, скажет что-нибудь и про это?

Фокусник еще держал в руках осколок. Взглянув на него последний раз, Тинкет передернул плечами и отложил в сторону.

— Знаешь, — сказал он. — С тех пор, как мы познакомились, меня не покидает странное чувство...

— Какое же? — затаив дыхание, спросила Томка.

— Будто я по собственной воле забрался в бочку, которую сбросили с водопада. Не ясно, куда меня вынесет, нутром чую, что дальше будет только хуже, но остановиться нет никакой возможности.

— Что ж... В этой бочке ты не один. Прости, что втянула тебя, сама не понимаю, во что. Я не со зла.

— Нет-нет, — замахал руками Тинкет. — Я не жалуюсь. Все, что приключилось, и что приключится, это самое...

— А я думаю, что пора спать, — перебила его Томка. — Время позднее, завтра нам предстоит тяжелый день.

— Мм... Ты права. Где же обещанный коврик?

— Как сказать, — смущилась Томка. — Боюсь, Снуппи занял большую его часть. Но если дашь слово, что будешь вести себя прилично, я, так и быть, могу немного потесниться.

— Слово шотландца и слово джентльмена, — фокусник галантно поклонился. — Вам не придется усомниться в моей порядочности, леди.

Одним глазом Снуппи покосился на Томку и фыркнул. Жаль, под рукой не всегда есть тяжелые хрупкие предметы. Томка бы с огромным удовольствием расколотила о собачью голову, например, фарфоровую вазу. Но пес уже отвернулся и закрыл глаза, прогрузившись в мысли о китайских хохлатых собачках. Как говорится — каждому свое.

— Просыпайся, — голос ворвался в Томкин сон с бес tactностью носорога, круша и ломая хрупкую конструкцию.

— И не подумаю, — буркнула девушка, натягивая на голову одеяло. — Я сплю.

Голос не сдавался.

— Пора вставать, — повторил он с мягкой настойчивостью. — Уже поздно, а нам нужно очень много сделать...

Томка мысленно застонала. Вот зануда... Неужели не видно, что она спит? Нельзя проявить хоть капельку участия? Девушка решила прибегнуть к проверенной годами уловке:

— Мм... Все нормально. Мне ко второму уроку.

Ход был настолько удачным, что голос заткнулся. Зевнув, Томка плотнее закуталась в одеяло. Что за глупость вставать в такую рань? «Сова» до мозга костей, Томка была убеждена, что мир станет только лучше, чище и благороднее, если перестать будить честных людей ни свет, ни заря.

Но, как выяснилось, голоса так легко не сдаются. Едва Томка успела вновь задремать, как над ухом прозвучало:

— Просыпайся!

— Еще чего...

— Не вынуждай меня прибегать к экстренным мерам.

Об «экстренных мерах» Томка знала не понаслышке. Ее мать разработала целую методику того как будить дочь-соню. Например, ей ничего не стоило мимоходом сдернуть с Томки

одеяло, или же случайно хлопнуть по лицу холодным мокрым полотенцем.

— Каким еще экстренным мерам? — с опаской спросила Томка, высовывая нос из-под одеяла.

— Не знаю, — сказал Тинкет. — Есть множество способов.

Фокусник сидел на краю кровати. Вид у него был до неприличия свежий и бодрый, аж тошно стало. Томка, которая по утрам чувствовала себя как лимон после встречи с соковыжималкой, поморщилась. Нельзя же так, в самом деле! У него совсем нет жалости?

Собрав все силы, девушка приподнялась на локтях.

— Каких же? — хмуро спросила она.

— Шарль Перро утверждает, что лучший способ заставить девушку проснуться — это поцелуй. Но современные исследователи говорят, что достаточно стакана холодной воды.

— Если бы ты вылил на меня стакан воды, — заметила Томка, — это был бы последний день твоей жизни.

— Мне и самому не по душе новые веяния. Классические методы надежнее и эффективнее.

— Пф! — только и смогла сказать Томка.

Выбравшись из-под одеяла, она пошлепала в ванную комнату приводить себя в порядок.

— И зачем было вставать в такую рань? — сказала она спустя полчаса, переодевшись и практически собравшись. Среди вещей, которые соизволила вернуть Лаура, к счастью, обнаружились узкие темно-красные джинсы. Не чета любимым клетчатым, но в них Томка чувствовала себя все же гораздо комфортнее, чем в брюках Тинкета. Да и выглядела не в пример лучше: если приподнятую бровь можно считать комплиментом, то своего Томка добилась.

Фокусник стоял у окна и делал гимнастику для пальцев. Монета в два евро крутилась в ладони, распадаясь на две монеты по евро, но лишь затем, чтобы волшебным образом слиться в одну.

— Нам нужно многое успеть, — сказал Тинкет. — Сначала добраться до Мурано. Там — подготовить реквизит и отрепетировать иллюзию. Вернуться в город до начала представления... В общем, предстоит насыщенный денек.

— Тогда чего мы ждем? — спросила Томка с тем наивным удивлением, которое доступно только девушкам, которых-то все и ждут.

В холле отеля вместо рокера, любителя детских книжек, дежурил другой портье — прыщавый юнец с физиономией сну лой рыбины и волосами настолько прилизанными, словно на них вылили бутыль оливкового масла. Увидев Томку и Тинкета, он расплылся в широкой улыбке, так что голова его едва не развалилась надвое.

— *Buon giorno, синьорина. Синьор,* — портье подмигнул Тинкету. — Надеюсь, вам понравился наш отель?

Томка не решила, чего же ей хочется больше — треснуть этого типа по башке или хихикнуть в ответ. Как девушка приличная, она терпеть не могла прозрачных намеков, но нельзя сказать, чтобы на этот раз она сильно обиделась.

— Вчера, когда принесли мой чемодан, вы дежурили?

— А то! — сказал портье. — Прямо тут сидел, на этом самом месте.

— А кто его принес, вы не помните?

— Как сейчас, — сказал портье. — Пришла восточная синьора и говорит: «Вот вещи русской синьорины из четвертого номера, извольте забрать».

— Восточная синьора? — удивилась Томка.

— Ну да, — кивнул портье. — Знаете, как у них — повязка на лицо, только глаза и сверкают.

— А! — сказала Томка. — Понятно...

Теперь ясно, что чемодан принесла Лаура. Томка даже обиделась — неужели мошенница о ней такого невысокого мнения, что думает, будто ее можно провести столь нелепой маскировкой?

— А вы правда из России? — спросил портье, приглаживая волосы. Томка кивнула. — В жизни бы не поверил! У меня дядя троюродный ездил в Россию. Столько наплел про rampushki... Вот ведь врун!

Томка поперхнулась. Метнув в сторону портье взгляд, от которого поежился бы и полярник, Томка зашагала к двери, сопя точно обиженный еж. Тинкет и Снуппи догнали ее только на улице.

День выдался облачный, но теплый. Обошлось без стылой мороси, пробирающейся сквозь одежду, и холодного тумана. Солнце то и дело выглядывало сквозь прорехи в облаках, золотистыми бликами отражаясь в темно-зеленой воде канала. Томка, как кошка сощурилась от яркого света.

Мимо, громко тарахтя, проплыла моторка, груженная ящичками с фруктами. Лодочник, коренастый тип в матерчатой кепке, во все горло орал похабную песню, в подробностях объяснявшую, чем же венецианские девушки отличаются от девушек из Милана, Неаполя и особенно — Генуи. Толпа японских туристов, сгрудившихся на соседнем мостице, радостно снимали его выступление на видеокамеры. Радость их не убавилась даже после того, как лодочник ловко ввернул куплет про девушек японских, после которого любой уважающий себя потомок самураев должен был выхватить фамильную катану и изрубить певца на мелкие кусочки.

— Куда теперь? — спросила Томка подошедшего фокусника.

— К Большому Каналу, — сказал Тинкет. — Там сядем на вапоретто и доберемся до Мурано...

Томка сразу увидела ошибку в его расчетах. Проплывшая лодка напомнила о проблемах насущных:

— Эй! Погоди! А кормить ты меня не собираешься?

— Что? — оторопел Тинкет.

— Ты сам взял меня в ассистентки, — напомнила Томка. — Тем самым принял на себя определенные обязательства. В частности — кормить меня завтраками, обедами и ужинами. В любой

энциклопедии написано, что ассистентки нуждаются в регулярном полноценном питании. В противном случае они становятся вспыльчивыми, раздражительными и злыми, бросаются на людей и могут кого-нибудь укусить. И вообще — графиня поручила тебе следить за моим питанием. Мы в ответе за тех, кого приручили.

Все красноречие, которое девушка вложила в свой вдохновенный монолог, пропало даром. Тинкет лишь смущенно откашлялся.

— Мы перекусим у Бруно, — сказал фокусник. — У него наверняка что-нибудь найдется... А готовит он — пальчики оближешь. Надеюсь.

Томка вздрогнула, уголки ее губ печально опустились. Прекрасное видение завтрака в уютном венецианском кафе, с горячим кофе и горячими булочками растаяло, как дым, и даже не помахало на прощание.

— Что, у нас совсем нет денег?

— Практически. Хватит только на билеты на вапоретто.

— А на яблоко? — спросила Томка, решив, что в отношениях главное — искать и находить компромиссы.

Тинкет посмотрел в ее большие и грустные глаза. Томка медленно-медленно моргнула.

— На билеты и на яблоко, — обреченно сказал фокусник. Царь Трои Парис тоже бы не смог ей отказать.

— Кто такой этот Бруно? — спросила Томка, когда приземистый теплоходик вапоретто выходил из Большого Канала в Лагуну.

Они стояли на носу кораблика. Томка с упоением вгрызлась в огромное зеленое яблоко, которое Тинкет купил ей на рынке Риальто; фокусник смотрел на удаляющийся город, размышляя о выступлении на дне рождения Маркиза Де Морта; Снуппи разглядывал собственные лапы и думал, что если бы не левая была короче правой, а наоборот, мир стал бы чуточку лучше.

— Бруно? — Тинкет повернулся. — Забавный такой стари-чок. Как это принято говорить — затворник. Живет на Мурано и в жизни оттуда не выбирался... Он изобретатель или что-то в этом роде.

— А что он изобретает?

— Все подряд, — сказал Тинкет. — Велосипеды, кофемолки, водопроводные краны, межконтинентальные баллистические ракеты... Мне он помогает с иллюзиями, где одной ловкостью рук не обойтись и требуются другие уловки.

— Как с чемоданом, — подсказала Томка.

— Именно, — согласился Тинкет. — Еще у него самая большая в Италии коллекция хлама и барахла.

— Что значит «коллекция хлама и барахла»? — нахмурилась девушка.

— То и значит. Представляешь, что такое «блошиный рынок»?

— Само собой, — Томка вспомнила толкучку в Удельной. Там она нашла свой чемодан, там же, при желании, всегда можно найти самые волшебные вещи.

— А теперь вообрази самый большой блошиный рынок, какой только можешь, и запихни в один дом.

— Ого! Твой приятель Бруно... он антиквар?

— Хуже. Он старьевщик. Старьевщик-изобретатель, если ты можешь такое представить.

— Могу, — сказала Томка. — Мне это даже нравится. Есть в этом здоровая эксцентричность. А как он собирает свой хлам, если безвылазно живет на острове?

— Не спрашивай. Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

Бруно жил в самой глубине острова Мурано, с одной стороны — рядом с базиликой Дуомо ди Мурано, но достаточно далеко от основных туристических троп. С виду это был обычный двухэтажный дом, цвета среднего между розовым и рыжим, с закрытыми ставнями окнами и кованым балкончиком над

входной дверью. В классическом венецианском стиле, даже дверной молоток сделан в форме львиной головы. На Мурано таких зданий предостаточно; единственное, что выделяло этот дом и свидетельствовало о наклонностях хозяина — пара ржавых велосипедных колес на балконе.

Тинкет минут пять колотил в дверь, прежде чем с той стороны раздались шаркающие шаги.

— Кого еще черти принесли? — голос прозвучал, будто слова выкрикивали в огромную кастрюлю.

— Открывай, старый мусорщик. Я битый час пытаюсь до тебя достучаться, совсем оглох на старости лет?!

Томка, не ожидавшая от фокусника столь фамильярных выражений, вскинула брови. Однако из-за двери послышался хот; Бруно, похоже, обрадовался, что беседа началась в таком ключе.

— А! Это ты, Карлito. Явился к старику... *avanti, avanti*, — дверь приоткрылась, и из щели показались красный нос и растрепанная седая бороденка, вся в табачных крошках. — Да ты, погляжу, с невестой...

— Это моя ассистентка.

— Вижу, вижу. *Viou giorno, синьорина*. Дайте-ка я погляжу, что за красавица снизошла до этого дурня...

Вслед за носом и бороденкой появилось морщинистое красное лицо. Чем-то Бруно напоминал старого, умудренного жизнью бульдога. Некоторое время он подслеповато шурился, разглядывая Томку. Сообразив, что она стоит против солнца, девушка вежливо отступила в тень.

Едва ли она ожидала, что это произведет такой эффект. Глаза старика чуть не выскочили из орбит, словно кто-то хорошенъко ударил его по затылку. Челюсть задрожала, кадык ходил ходуном. Бруно стал похож на бульдога, который подавился котлетой.

— Ты... Ты... — прохрипел он, тыча в Томку узловатым пальцем. — Ты... Как...

— Простите?

Бруно слотнул.

— Марш в дом! — рявкнул он так, что любой армейский сержант лопнул бы от зависти. — Быстро!

У Томки и мысли не возникло перечить. Сжавшись, как мышка, она юркнула в дом.

— Ты чего разорался, друг? — спросил Тинкет, проходя следом. — Что-то случилось?

— Где ты ее нашел, дурень? Ты хотя бы понимаешь, кто это?

Посмотрев на Томку, чтобы удостовериться, что за время поездки та не превратилась в сказочное чудище вроде единорога, Тинкет выдвинул свою версию:

— Моя ассистентка?

Бруно запыхтел.

— Как тебя только земля носит... Ты хотя бы понимаешь, во что вляпался?

— Конечно... — протянул Тинкет, продолжая глядеть на Томку. Та уставилась себе под ноги, носком ботинка ковыряя дыру в досках паркета.

Бруно затоптался на месте, будто в штаны ему запустили пригоршню муравьев.

— Ни черта ты не понимаешь! Это же Гуттаперчевая Принцесса!

Тут Томка решила, что пора ей вставить слово.

— Нет, не я.

— Что?!

— Гуттаперчевая принцесса — это не я, — повторила Томка. — Вы перепутали.

— Ха-ха! — с надрывом произнес Бруно и попытался выдрать из головы клок волос. По тому, как перекосило его лицо, ему почти удалось. — Это ты этому дурню будешь сказки рассказывать!

— Я не рассказываю сказок, — Томка начала злиться. — Никакая я не принцесса...

— Ха-ха!

— Хотя ошибка понятна, — настойчиво продолжала Томка. — Вас ввело в заблуждение некоторое внешнее сходство...

— Некоторое? Ха-ха!

— Но оно объясняется тем, что синьора, которую вы называете Гуттаперчевая Принцесса — моя прабабка.

Томка рассчитывала, что новость огорчит Бруно, и не ошиблась. Едва слова о родстве со знаменитой артисткой сорвались с ее губ, сардонические смешки встали у старика поперек горла. Старьевщик-изобретатель стал похож на бульдога, который хорошенько разогнавшись, преследуя кошку, впечатался мордой в дерево. А кошка, легко запрыгнув на это самое дерево, сидит себе наверху и посмеивается — такой кошкой и чувствовала себя Томка.

— Что? Но... Прабабка?! Как прабабка?

— Так прабабка. По материнской линии.

— Ах... Вот оно как... — Бруно затряс головой, и табачные крошки посыпались на пол, точно конфетти. — Правнучка Гуттаперчевой Принцессы?

— Именно. Меня тоже зовут Тамара... Назвали в ее честь.

— В ее честь!

— Теперь, — влез в разговор Тинкет, — когда мы разобрались, кто есть кто, может, ты соизволишь принять нас, как полагается? Открывай закрома и неси дорогие яства, выкатывай бочки вина.

— Какое, к чертям, вино?! — произнес Бруно таким тоном, словно фокусник предложил ему слизняка. — У меня, дурень, чуть разрыв сердца не случился. Пойду хлебну граппы... Это же надо — правнучка Гуттаперчевой Принцессы!

— А что... — начала Томка, но Бруно уже пошаркал вглубь дома. Тинкет посмотрел на девушку и развел руками.

До сих пор у Томки не было возможности оглядеться. А сделать это стоило — жилище Бруно впечатляло. Назвать его домом

язык не поворачивался. По сути это был большой шкаф, разросшийся до невероятных размеров. И в этом шкафу никто и никогда не наводил порядок. Сравнив это место с блошиным рынком, Тинкет не погрешил против истины, а кое в чем даже преуменьшил. Томка первым делом подумала о заброшенной свалке.

Чего тут только не было: старые велосипеды, разбитые часы, пыльные керосиновые лампы, свернутые ковры, вазы, клетки для попугаев, чучело гагары и похожие на гробы радиоприемники, коробки с пластинками... В некоторых местах горы хлама достигали потолка, поддерживаемые лишь парой хрупких стремянок. Казалось, одно неверное движение — и они рухнут, сметая все и вся, как снежная лавина. Отовсюду слышались зловещие скрипы и треск.

Каждый раз Томка нервно вздрагивала — ей бы не хотелось заканчивать жизнь под грудами барахла, которое не на всякую помойку возьмут. Чтобы этого не случилось, видимо, стоило соблюдать максимальную осторожность, передвигаться исключительно на цыпочках и говорить шепотом.

Бруно вскоре вернулся, с бутылкой в одной руке и грязным стаканом в другой. Делиться выпивкой с гостями он, похоже, не собирался. Плеснув себе граппы на три пальца, старьевщик-изобретатель выпил ее одним глотком, и некоторое время кривился и морщился, будто хотел показать Томке и Тинкету, какие он умеет корчить рожи. Диапазон у старика оказался широкий. За первым стаканом последовал второй и только после этого Бруно решился заговорить.

— Говори, зачем приехал? — Бруно вытер губы рукавом. — Только без сказочек, мол, хотел показать старику свою пассию, чтобы тот порадовался за дурака.

— Нужна твоя помощь, — сказал Тинкет. — Я задумал одну иллюзию и нужно сделать оборудование. Выступление сегодня вечером.

Бруно фыркнул так, словно в животе у него был спрятан воздушный шарик, из которого вдруг выпустили воздух.

— Рехнулся? А раньше ты где был?! Нельзя готовить оборудование за полдня до представления.

— Раньше у меня не было ассистентки. Так что придется поработать.

— О, Господи! — Бруно снова налил себе граппы. — Будь проклят тот день, когда я с тобой связался. Вы, шотландцы, сумашедшие, все до единого... Ты же в жизни не работал с ассистентками!

— Не встречал подходящей, — возразил фокусник. — Сам знаешь — легче найти жену, чем хорошую ассистентку.

— И когда же она у тебя появилась?

— Вчера, — признался Тинкет. — Так вышло, что я спас ее от бандитов.

Буравя Томку взглядом, Бруно осушил стакан. Добрая девушка обеспокоилась за старика, о чем не преминула ему сообщить:

— Нельзя столько пить, особенно с утра. В вашем возрасте стоит подумать о печени...

— Лучше бы ты жену себе нашел, — Бруно сплюнул под ноги. — От стакана доброй граппы, милая, никому вреда не было. От нее одна только польза: и кости согревает, и в голове порядок наводит. Хочешь, и тебе налью?

— Нет, благодарю, — поспешила отказаться Томка. Она была не в том настроении и не том возрасте, чтобы по утрам глушить стаканами виноградную водку.

— А прабабка твоя никогда от граппы не отказывалась. Могла за раз бутыль выпить, глотка у нее была луженая. И представь себе — никогда не пьянела, вообще никогда. Талант!

— А вы откуда знаете? — Томка не подозревала о подобных способностях своей родственницы.

— Да так... Знаю.

Не сказать, чтобы новость обрадовала девушку. Томка знала, что артисты, а особенно циркачи, много пьют. За все приходится расплачиваться. Не так-то просто вертеться вниз головой

над острыми копьями и языками пламени, рискуя в любой момент сорваться. После такого самому убежденному трезвеннику захочется пропустить стаканчик чего покрепче... Но когда смотришь на выступление артиста, никогда не думаешь об оборотной стороне медали. Видишь, как в воздухе порхает что-то легкое, гибкое и сверкающее, и не подозреваешь, что это легкое и сверкающее за кулисами бочками поглощает горючие жидкости.

— Ты бы лучше девушке еды предложил, — сухово сказал Тинкет. — Нечего спаивать мою ассистентку.

— Еды?! — возмутился Бруно. — По-твоему, здесь бесплатный ресторан, чтобы ты сюда девиц водил?

— Часто водит? — уточнила Томка.

Бруно смерил девушку взглядом.

— До сих пор не было такого, — недовольно сказал он. — Но и одного раза достаточно... Ладно, пойдем, посмотрим — может, найдем сухарей да корочку сыра. Только что тебе мои стариковские крохи? На один зуб, поди? Прабабка твоя ела как лошадь, даром что сама была как спичка. А ты, погляжу, костью в нее пошла.

Он взмахнул бутылкой, призывая следовать за собой, и пошаркал вглубь дома.

— Какими судьбами правнучку занесло в Венецию? — спросил Бруно, когда Томка подошла ближе. — Пошла по семейной стезе? Захотелось славы, цветов и поклонников?

— Нет, я... — Томка запнулась. Она же собиралась в Венецию на гастроли с родным уличным театриком... И что? За последними перипетиями ни разу она о нем не вспомнила. Девушке стало стыдно. — Я захотела посмотреть город... Как туристка.

— Посмотреть? Ну-ну... — Бруно усмехнулся. — Туристка, говоришь. А стала ассистенткой этого криворукого дурня? Ловко, ловко.

— Так получилось, — Томка тряхнула челкой. — И не называйте Чарльза криворуким! Он талантливый, способный иллюзионист.

— При тебе больше не буду, — пообещал Бруно. — Если ты в прабабку пошла, то и покалечить можешь. А я уже не молод, чтобы так рисковать.

— Мудро, — согласилась Томка.

— Но и ты дай обещание...

— Какое? — удивилась девушка.

— Головой так не тряси, хорошо? А то слишком на прабабку похоже. У меня прям мурашки по коже забегали.

Томка нахмурилась.

— Вы так странно о ней говорите...

— Странно?

— Да. Про то, как она трясла головой, или как... хм... ела. Будто сами видели.

— А если и видел? — прищурился Бруно.

Девушка рассмеялась, хотя и немного нервно.

— Шутите? Моя прабабка была в Венеции сто лет назад.

— А знаешь, что с ней здесь случилось?

— Знаю, — кивнула Томка и, чуть помедлив, добавила: — Даже больше, чем хотелось бы.

— Жуткая история, — вздохнул старьевщик-изобретатель. — Врагу не пожелаешь... Она же совсем юной была, немножко старше, чем ты сейчас. Приехала на гастроли... А в России у нее осталась пара прелестных детишек, она могла часами о них говорить. И как все обернулось.

Томка внимательно посмотрела на старьевщика-изобретателя. Показалось, или в его голосе промелькнула горечь, словно он говорил о знакомом и близком ему человеке? На вид Бруно было не больше шестидесяти. Томка, конечно, не отличалась выдающимися математическими способностями — интегралы и логарифмы ей вообще не давались, — но такой простейший пример оказался ей по силам.

Бруно не мог лично знать ее прабабку, несмотря на все его намеки.

Поймав взгляд девушки, стариk выразительно подмигнул.

Кухня Бруно соответствовала прочей обстановке дома. Томка заметила не менее дюжины старинных холодильников. И все они гудели на разные голоса, кто-то стучал, кто-то тарахтел, а парочка подпрыгивала на месте, видимо, от избытка чувств.

— Ну-с, посмотрим, — сказал старьевщик-изобретатель. — Чем бы угостить прекрасную синьорину...

Он распахнул дверцу одного из холодильников. Томка заглянула ему через плечо... Сверху донизу рефрижератор был заставлен большими кругами вонючего сыра с плесенью. Очень вонючего сыра.

У Томки перехватило дыхание, в голове помутилось, а на глаза навернулись слезы. Запах, который она почувствовала, можно было сравнить только с прямым ударом по носу. Томка слышала, что бывают вонючие сыры, но не представляла, насколько мягким может быть это слово. Аромат был резким, плотным и весомым, как тонна кирпичей, обрушившаяся на голову. Сложно представить, как запах может пробирать до костей, но именно это и случилось.

Жалобно посмотрев на Тинкета, девушка увидела, что и его глаза блестят от влаги. А какие муки испытывал Снуппи с его тонким обонянием, невозможно представить. Наверняка пес решил, что он попал в собачий ад. Тихо скуля, Снуппи попятился от порога кухни.

— Так-с, — сказал Бруно, доставая покрытую белой плесенью головку сыра размером с небольшую кастрюльку. В плесени определенно кто-то копошился, видимо, пауки или карликовые мыши-мутанты. — Твоя прабабка очень любила этот сыр. Знаешь, что каждый вид сыра положено запивать своим вином?

Томка молча кивнула — открыть рот она бы сейчас не рискнула.

— А этот сыр полагается запивать граппой, — сказал Бруно. — Это мое собственное изобретение.

Томку раздирали самые противоречивые чувства. Она всегда была готова попробовать что-нибудь новое и необычное. Но предел есть любому любопытству. Сыр выглядел и пах так, будто со временем их знакомства с Томкой новые формы жизни в нем не только зародились, но и успели вымереть.

— Ничего другого нет? — проговорила Томка, стараясь не разжимать зубов.

— Есть, конечно, — сказал Бруно. — Но этот сыр ты обязана попробовать. Твоя прабабка говорила, что он пахнет, как... *dohlaya koshka*, но съешь кусочек и мир становится прекраснее.

Прижав сыр к груди, Бруно полной грудью вдохнул жуткий аромат и счастливо заулыбался.

— Да... Старушка умела ценить жизнь.

Закрыв холодильник, старьевщик-изобретатель заметался между остальными рефрижераторами, и вскоре на крошечном кухонном столике выросла гора продуктов.

Судя по запасам, Бруно готовился к ядерной войне, однако не удосужился прочитать ни одной книжки о выживании. Никакой тушеники, прессованных сухарей и обезвоженных бульонов в кубиках в его доме не было. Нет уж — приход ядерной зимы старьевщик-изобретатель собирался встретить с шиком, обедаясь деликатесами. Холодильники ломились от сыров и колбас, копченой рыбы и маринованных моллюсков, всевозможных солений и прочее, и прочее... Даже не верилось, что это чудо существует на самом деле. В завершение Бруно достал две винные бутылки из черного стекла.

Если бы Томкины глаза не слезились от запаха кошмарного сыра, она бы расплакалась именно сейчас. Все-таки есть на земле справедливость, и рано или поздно добро торжествует. Она дождалась: вот она — награда за ее мучения и беды! Как во сне, девушка протянула руку к столу с едой.

Грубый окрик вернул ее на землю. Бруно едва не ударил ее по пальцам, а смотрел так, словно еще шаг, и он это сделает.

— Сперва — мой особый сыр, — сказал он тоном, не допускающим возражений.

Томка замерла, слегка сглатывая слюну. Для девушки с ее аппетитом испытание не из легких. Перед ней — стол, ломящийся от яств, о которых она и мечтать не могла, и все что нужно — съесть кусочек сыра... Казалось бы, куда проще? Однако, как она ни старалась, решиться не могла. Без толку говорить себе, что это просто сыр, и что камамбер тоже пахнет не лучшим образом... Доводы разума против этого запаха были бессильны. В конце концов, Томка не выдержала:

— Так нечестно!

— Такова жизнь, — вздохнул Бруно. — Я вам отрежу по кусочку?

Сыр Бруно резал с осторожностью сапера, перерезающего красный провод в бомбе с часовым механизмом. Едва нож вскрыл плесневелую корку, запах стал еще сильнее. Будто кто-то разлил в крошечной кухне ведро нашатырного спирта. Изнутри сыра что-то брызнуло и зашипело на лезвии ножа. Девушке стало не по себе.

— Вы уверены, что это можно есть?

— Конечно! — заявил Бруно. Таким же тоном Цезарь Борджиа отвечал на вопрос, все ли в порядке с вином.

— Да? А это законно?

— Кхм... Возможно. Вот, держите...

Бережно, как пробирку с нитроглицерином, Томка взяла ломтик.

— Смелее, — подбодрил девушку Бруно. — Ваша прабабка глотала этот сыр, не моргнув глазом.

— Не верю, — сказала Томка. — Это невозможно.

— А зря, — сказал старьевщик-изобретатель. — Она крепко зажмуривалась и не могла моргать.

— Хм...

— И все равно. Она набрасывалась на него, как львица.

— Хорошо, — Томка зажмурилась так сильно, как могла, и положила ломтик сыра в рот.

Сперва, она ничего не почувствовала. Томка прожевала кусочек сыра, и все было в порядке. Сыр как сыр, похож на горгондзолу, может, малость остреват. Видимо, аммиачный запах на время притупил ее чувство вкуса.

А невидимый таймер уже начал отсчет: три, два, один... Коротко вскрикнув, Томка взвилась в воздух и заскакала по комнате, как кошка по раскаленной крыше.

Она не могла даже описать свои ощущения. Во рту точно взорвалась бомба, начиненная гвоздями, битым стеклом и кайенским перцем. Томка закружилась на месте, отплевываясь и ругаясь на всех языках, какие только знала:

— Тьфу! Черт! Дрянь... Какая гадость! Muck! Dreck! Saleté! Porcheria!

Все, что ей хотелось — как можно скорее прополоскать рот щелочью. Она не верила, что это поможет избавиться от гадкого вкуса, но нужно было сделать хоть что-то!

Ответом на ее молитвы стала рука, появившаяся перед лицом и сжимающая стакан. Видимо, та самая пресловутая «рука помощи», о которой так много говорят и пишут. Недолго думая, Томка схватила стакан и осушила одним глотком. Сколько градусов было в граппе — неизвестно, но Томка выпила ее легко, как стакан воды.

И на землю снизошла благодать.

Словно девушка из самой бездны ада воспарила прямиком на небеса. Мир вдруг стал невыразимо прекрасен, краски обрели потрясающую яркость, а поскуливание Снуппи зазвучало как пение райских птиц. Потом девушка сообразила, что причиной всему стало то, что противный вкус исчез, будто его и не было. Полными изумления глазами Томка уставилась на старьевщика-изобретателя.

— Ну как? — было видно, что ему не терпится узнать ее мнение.

— Это... это... — на большее Томку не хватило.

— Вот теперь, — сказал Бруно, — я уверен, что ты правнучка Гуттаперчевой Принцессы. Всякий раз, попробовав этого сыра, она скакала по дому один в один как ты. И слова употребляла похожие...

— Зачем она его ела? — Томка не могла поверить, что человек, хоть раз попробовавший этого сыра, решится повторить эксперимент.

— Видимо, он ей нравился, — предположил Бруно.

На это у Томки был однозначный ответ:

— Вранье.

— Тогда так, — Бруно не стал спорить с очевидным. — Ты же знаешь, чем она зарабатывала на хлеб с маслом? Выполняла чертовски опасные трюки... Крутилась там под куполом безо всякой страховки. Она говорила, что если съесть кусочек моего сыра, то любой риск покажется детской забавой.

— Хм...

Свой резон в словах старьевщика-изобретателя определенно был. После того, как Томка попробовала сыра, ее собственный прыжок с парашютом с неисправным кольцом выглядел именно детской шалостью. Да и в предстоящем выступлении на вечеринке у Маркиза она уже не видела ничего опасного. Ну да, там будут Лучано и Бобо, и что с того? Томке доводилось читать истории про «эликсир храбрости», но она и не думала, что выглядит этот эликсир как круг плесневелого вонючего сыра.

— А теперь прошу к столу, — Бруно приветственно взмахнул рукой. — Заодно расскажите, какую иллюзию вы там задумали, и что за помощь требуется...

Так, за поздним завтраком, Тинкет рассказал старику о фокусе под названием «Смертельный Чемодан». Бруно сразу

включился в обсуждение. Идею трюка он уловил еще до того, как Тинкет рассказал и половину, и с ходу предложил пару усовершенствований. В «коллекции» старика имелось все необходимое, чтобы подготовить реквизит, включая дюжину рыбакских острог, которые решили использовать вместо копий, и тумбочку, где должна была прятаться ассистентка.

Томка в обсуждении не участвовала, сосредоточившись на деликатесах. Сейчас каждый кусочек ветчины или копченой рыбы казался ей подобнымnectару и амброзии, и она не собиралась тратить время на болтовню. Поэт Гораций сказал бы — вот человек, который понимает, что такое «*carpe diem*».

— Но ведь это не все, — сказал Бруно, когда с деталями фокуса было покончено. — Вы же явились не только ради чемоданов с резиновыми вставками.

— Твоя правда, стариk, — согласился Тинкет. — Ты ведь все знаешь о зеркалах?

— Так, так... — проговорил Бруно, переменившись в лице. — О зеркалах, говоришь?

— Да. Тебе не знаком такой мастер... Как его звали?

— Аретти, — подсказала Томка. — Пьетро Аретти.

Как раз в этот момент Бруно глотнул из стакана с граппой. Слова Томки подействовали так, словно она с размаху ударила старика по спине, и выпивка попала не в то горло. Бруно громко закашлялся...

— Знаком?! Еще как знаком, — проговорил Бруно, тяжело дыша. — Но вы-то откуда о нем знаете?

Тинкет вытащил из сумки осколок зеркала и протянул старику. Некоторое время Бруно разглядывал свое отражение, затем перевернулся осколок и посмотрел на печать мастера.

— Давненько я не видел ничего подобного.

— Значит, ты знаешь этого Аретти?

— Да... Мастер Аретти. Настоящий зеркальщик, последний, кто с полным правом носил этот титул.

— Титул? — удивилась Томка.

— Именно. Во времена Республики «зеркальщик» — это была не просто профессия. Зеркальщиков принимали в самых лучших домах. Их дочери имели право выходить замуж за аристократов.

— И дочь Аретти тоже? — предположила Томка.

— Не было у него детей, — вздохнул Бруно. — Только маленький и глупый ученик, жалкий трусишка, который не смог защитить своего мастера...

— Защитить? — удивилась Томка.

Бруно кивнул, потягивая граппу.

— Темная история, — сказал он.

— А она имеет отношение... к египетской амальгаме? — Томка заерзала на стуле.

Бруно ответил не сразу.

— Для обычной правнучки, — наконец сказал старьевщик-изобретатель, — ты слишком много знаешь.

— Я и не говорила, что я обычная правнучка, — парировала Томка.

— И то верно, — согласился Бруно. — Будь ты обычной правнучкой, было бы легче. Откуда ты знаешь про египетскую амальгаму?

— Слышала от кое-кого, — уклончиво ответила Томка.

— А разве это не сказки? — спросил Тинкет. — Истории про Клеопатру, атлантов и прочее?

— Карлито, Карлито, — покачал головой старик. — Для волшебника ты слишком мало веришь в волшебство.

Тинкет, казалось, обиделся.

— Я не волшебник. Я иллюзионист.

Он щелкнул пальцами, и на подушечке указательного волчком закрутилась монета.

— Может, в дремучем средневековье подобное могло сойти за волшебство, — сказал фокусник, — но ничего сверхъестественного здесь нет. Только ловкость рук и долгие тренировки.

— В дремучем средневековье прекрасно понимали, в чем разница между колдовством и ловкостью рук, — буркнул Бруно. — Нечего считать людей идиотами только потому, что они жили пятьсот или тысячу лет назад. Во многих вещах они разбирались куда лучше, чем те, кто живет сейчас. Египетская амальгама — не сказка, можешь поверить.

— Я верю. Я просто хочу понять, каким образом она заставляет вещи выглядеть лучше, чем они есть на самом деле, — Тинкет заставил монету исчезнуть. — Чисто профессиональный интерес. Сам понимаешь, чего можно добиться, если в арсенале фокусника появятся такие зеркала. У меня уже есть идеи на три иллюзии...

— Не стоит, — резко оборвал его Бруно. — Поверь на слово, ничего хорошего из этого не выйдет. С такими вещами не шутят.

— Кто говорит о шутках? Я к своему искусству отношусь серьезно.

— Все равно у тебя ничего не получится. В наше время только один... хм... человек знает этот секрет. И он сделает все возможное, чтобы тайна осталась тайной. Не советую становиться у него на пути.

— Доктор Коппелиус, — тихо сказала Томка.

Старьевщик-изобретатель печально посмотрел на девушку.

— Но боюсь, с советами я опоздал.

— Вы что-нибудь про него знаете? — спросила Томка.

Она сидела на краешке стула, ломая пальцы. Как только в разговоре всплыла тема жуткого карлика, у нее пропал всякий аппетит.

— Эх... — покачал головой Бруно, щедро посыпая пол табачными крошками из бороды. — Я быолжизни отдал, чтобы про него не знать, а это, поверь, не мало.

— Кто он такой?

— Никто не знает... Кто он, откуда появился и чего на самом деле хочет — вопросы, на которые я не нашел ответов.

— Он похищает души, — шепотом сказала Томка, удивляясь тому, что Бруно этого не знает. — И заключает их в зеркала. А потом... Не знаю, мне кажется, он показывает их в своем «Театре Кошмаров» как в шоу уродов или кабинете восковых фигур. Я сама не видела, только афиши, но мне кажется...

Бруно прервал ее взмахом руки.

— Когда я узнал о Коппелиусе, никакого «Театра Кошмаров» не было и в помине. Он появился много позже... Как же он тогда назывался? «Удивительные и ужасные фигуры, представленные посредством волшебного фонаря», вот. Потом доктор свернул лавочку, затем открыл под новым названием. Но на самом деле театр ему не нужен. Это такая же маска, как и его птичья морда, а что под ней скрывается — никому не известно.

— Он всегда ходит в «докторе чумы»?

— Да. Никто не видел его без маски. Когда-то я даже думал, что их несколько — не масок, а Коппелиусов... Очень удобно, когда никто не видит твоего лица.

От мысли, что существует целое тайное общество, состоящее сплошь из кошмарных карликов в масках, Томке сделалось дурно. Она представила, как они собираются вокруг круглого стола, в комнате, освещенной лишь тусклыми свечами, качают птичьими головами... К счастью, Бруно развеял ее страхи.

— Но он такой один, — сказал старик. — Земля бы не вынесла второго доктора Коппелиуса.

В этом вопросе Томка была согласна с ним на тысячу процентов.

— Но если не ради театра, — спросила она, — зачем же он похищает души?

— Если бы я только знал! — с тоской в голосе сказал старьевщик-изобретатель. — Я много лет бьюсь над этой тайной, но не приблизился к разгадке ни на шаг.

— А освободить их можно?

— Для этого нужно понять, как он это делает... Я видел десятки зеркал с тайной амальгамой и сами по себе они души не

забирают. Думаю, они в состоянии их хранить и удерживать, как рыбок в аквариуме. Но чтобы поместить их туда, нужно какое-то средство, которым владеет только доктор Коппелиус. И вот это, друг мой Карлito, и есть настоящее колдовство, с которым в дремучем средневековье церемониться бы не стали.

Тинкет хмыкнул.

— Ты что-нибудь знаешь про его амулет? — задал он вопрос, не дававший ему покоя.

— Какой еще амулет?

— У него есть трость с фигуркой птички, — объяснила Томка. — Кажется, Голубя. Возможно, с ее помощью он и проворачивает свои делишки.

— А... Помню я эту трость. Думаешь, душу можно похитить при помощи волшебной фигурки? — Бруно покачал головой.

— А чем этот метод хуже прочих? — сказал фокусник. — Или, по-твоему, его жертвы подписывают контракт кровью?

По тому, каким взглядом Бруно наградил Тинкета, было видно, что именно так он и считал. Все же старьевщик-изобретатель был человеком стереотипов.

— Зачем же обязательно кровью? — сказал он, насупившись. — Достаточно личного согласия... Колдуны в Вест-Индии прекрасно обходятся безо всяких волшебных амулетов. Посыплют на голову особого порошка — и готово.

— В Вест-Индии? — переспросила Томка. — Разве они похищают души?

— Конечно, это любой дурак знает. Похищают души, засовывают их в тряпичных кукол, а людей превращают в живых мертвецов. Как это называется, Карлito?

— Вуду, — услужливо подсказал фокусник. — А живые мертвецы — это зомби.

— Точно, — обрадовался Бруно. — Именно вуду-юду.

Томка не собиралась обсуждать тонкости вест-индийской лингвистики. Но кое-что в этом вопросе ее заинтересовало:

— Погодите... Так значит, душу можно заключить и в куклу?

— Наверное, раз эти колдуны так делают, — сказал старьевщик-изобретатель. — Граппу ведь можно налить и в стакан, и хрустальный бокал, и в мыльницу. Был бы сосуд. Так и здесь... Правильное отражение может быть таким сосудом. Но не вижу причин, почему им не может стать кукла. Или... Карлito, как звали того типа, душа которого хранилась в портрете?

— Дориан Грей? Это вымышенный персонаж.

— Правда? — изумился Бруно. — Хотя, какая разница? Главное принцип.

— Получается, — задумчиво сказала Томка, — можно вытащить душу из зеркала и поместить ее в куклу? Перелить граппу из стакана в бокал?

— Или в портрет, — подсказал Бруно, которого эта мысль зацепила. — Я бы не советовал. Зазеркалье — та еще темница, но оно не сравнится с куклой. Представь, какой это кошмар — торчать внутри куклы, не имея возможности пошевелить рукой или, там, ногой...

Томке потребовалось ровно шестнадцать секунд, чтобы решить задачку.

— А если кукла механическая? — предложила она. — С шестеренками внутри и всякими пружинами. Я знаю одного человека, который делает кукол, которых нипочем не отличить от живых людей... Так он говорил.

Бруно медленно оглядел Томку сверху вниз и обратно. Затем повернулся к фокуснику.

— Где ты ее нашел? Не на Сен-Клементе? Помнится, там была больница для таких девиц с безумными идеями.

— Там давно шикарный отель.

— Правда? — Бруно почесал затылок. — Кому в голову пришло устраивать гостиницу в сумасшедшем доме?

— Надо же где-то размещать туристов? Бывший дурдом не так плох. Моя ассистентка, например, живет в бывшем...

— Я знаю! — громко сказала Томка. — Лучше скажите, что не так в моей идее?

— Если начать с начала... — Бруно наступил брови. — Я не знаю. Звучит совсем нелепо.

— Не нелепее карлика, похищающего души и заключающего их в зеркала, — парировала Томка и была права. — Есть другие возражения?

Тинкет, добрая душа, заступился за друга.

— Не бывает таких механических кукол, — сказал он. — Тут нужна сложная электроника. А механика — это чересчур. Такие куклы есть только в рассказах Гофмана.

Однако Бруно, как выяснилось, его убежденности не разделял.

— Не скажи, — проговорил старьевщик-изобретатель, поглаживая бороду. — Знавал я одного типа... Кукольника. Так он делал механических кукол, которых от живых людей вовек не отличишь.

— Ага! — вскричала Томка. — Вот видите!

Бруно пожевал нижнюю губу.

— Как же его звали? Джузеппе, вроде... Со странностями был тип, как и все кукольники. Он еще женился на цыганке из бродячего цирка. Я со стула упал, когда ее увидел... Вот ты, Карлито, дурень дурнем, а привел такую красотку. А Джузеппе этот, представляешь, обвенчался с настоящей бородатой женщиной!

Слова Бруно подействовали на девушку похлеще его сыра. Томка подскочила, будто кто-то запустил ей за шиворот паука. И если существует такой вид спорта, как вскакивание со стула, олимпийское золото ей было бы гарантировано.

Беда в том, что вскакивая, она зацепилась за ножку стула. Чтобы сохранить равновесие, схватилась за столешницу и зачем-то дернула ее вверх — как ковбой из дешевого вестерна перед началом драки в салуне. Томка вообще была девушкой талантливой.

Стол и без того раскачивался под грузом деликатесов, подобного же обращения он не вынес. Что-то треснуло, стол отлетел

к стене, с грохотом ударившись о дверцу одного из холодильников. Деликатесы покатились по полу. И это было лишь первым актом развернувшейся трагедии, ибо на сцену выступил Снуппи.

Не родилась на земле собака, способная вынести, когда вокруг нее разбрасывают колбасу, ветчину и копченую рыбу. Что-то одно — пожалуйста, но не все вместе. Снуппи держался, как мог, но когда его по носу ударила палка салями, в голове его что-то щелкнуло. Глаза заволокло туманом.

Состояние, в которое скатился Снуппи, викинги охарактеризовали бы словом «берсерк». Как и древние воины, пес думал лишь о том, как крушить врагов — и не важно, что врагами оказались колбасы, сыры и ветчина. С хриплым лаем он бросился на противника, жалея лишь о том, что не может разорваться на части и вцепиться зубами в каждого.

Бруно оказалось не по силам пережить вторжение ополоумевшего пса. Редкий человек сохранит самообладание, оказавшись в тесной комнате с собакой, с клыков которой брызжет белая пена. Бруно не стал и пытаться. Повторив Томкин трюк «прыжок со стула», старик отскочил к стене... И врезался спиной в холодильник.

С грохотом и звоном на Бруно посыпались лежавшие сверху ржавые кастрюли и сковородки. Какого черта он их там хранил, оставалось загадкой, но попадали они знатно. Те, что потяжелее — прямо на голову старьевщика-изобретателя.

Последовавший за этим монолог Томка рискнула бы воспроизвести лишь предварительно ударив себя молотком по пальцу или еще раз попробовав вонючего сыра.

Единственный, кто остался спокоен среди этого разгрома, был Тинкет. Глотнув вина из бутылки, он с шотландской невозмутимостью произнес:

— Как мило...

Томка вырвала у него бутыль и за два глотка осушила ее наполовину. Нервы звенели как струны арфы, по которым кто-то

с размаху врезал длинной палкой. С горящим взором девушка уставилась на старика.

Проклятье! Этот тип знает Лауру и наверняка знает, где ее искать! С этого и надо было начинать!

— Ох... — простонал Бруно, потирая макушку. — Карлито, что же я тебе такого сделал?

— Мне? Ничего плохого...

— Зачем же ты тогда привел эту женщину? Она хотела меня убить.

— А! Не преувеличивай, — отмахнулся Тинкет. — Просто тебе на голову упала сковородка. С кем не бывает?

— Со мной — еще не было, — заметил Бруно. Подняв большую сковороду, он осмотрел ее на предмет вмятин. — Ха! Ой...

— Приложи лед, — посоветовал Тинкет. — Говорят, помогает. Еще помогает кусок сырого мяса.

Стон, сорвавшийся с губ старьевщика-изобретателя, видимо, должен был показать, что он думает о льде и сыром мясе. В углу кухни Снуппи, громко чавкая, поглощал исполинских размеров окорок, спеша съесть, как можно больше, пока его не отташили от еды. На его счастье, Томка была не состояния заниматься этим вопросом.

— Вы... — проговорила девушка охрипшим голосом. — Вы знаете Лауру?

— Что? О чем вы, синьорина? Только посмотри, что ты наделала! Даже твоя прабабка...

Сбить Томку с главной темы было невозможно.

— Вы знаете Лауру! — сквозь хрипы стали пробиваться металлические нотки. — Я о женщине с бородой, которая женилась на кукольнике!

Бруно опешил. Сперва его пытаются убить посредством кастрюль и сковородок, а когда коварный план проваливается, на него еще и орут? Все-таки женщины — существа странные и нелогичные — Бруно пожил на этой земле достаточно, чтобы увериться в этом окончательно и бесповоротно.

— Лауру? Ну да. Вроде так ее и звали...

— Вот дрянь, — выдохнула Томка.

Бруно решил заступиться за синьору.

— Не скажите. Женщина она была эксцентричная, но... Она не громила мой дом и не швыряла мне на голову тяжелых сковородок...

— Вы знаете, где она живет? — несколько грубо перебила его Томка.

— Пф... Очень давно о ней не слышал. Полагаю, где-то на Сан-Микеле.

— А конкретней? Улица, дом?

Тинкет покашлял в кулак, чтобы привлечь ее внимание.

— Что?!

— Прости, — сказал фокусник. — Ты здесь недавно и не все знаешь...

— И?

— На Сан-Микеле находится старое городское кладбище.

— В смысле? — спросила Томка, когда до нее дошел смысл сказанного. — Какое еще кладбище?

— Обыкновенное. По приказу Наполеона остров Сан-Микеле был преобразован в место захоронения венецианцев и там их теперь хоронят, я ничего не путаю?

— Если только самую малость, — подтвердил Бруно.

На Томку новость подействовала вроде ледяного душа. Мысль о том, что старьевщик-изобретатель знаком с Лаурой, вспыхнула в ее голове как римская свеча, шипя и разбрызгивая искры. И Томка была абсолютно уверена, что теперь-то точно выведет бородатую женщину на чистую воду. Кладбище в эту концепцию никак не вписывалось.

— А что она делает на кладбище? — спросила Томка, сама понимая, что глупее вопроса не придумаешь.

— В этих вопросах я не специалист, — Бруно развел руками. — Я там никогда не был.

— Но... Не может быть! Я же видела ее позавчера.

— Прости? — растерялся Бруно.

— Даму с бородой, Лауру, и ее мужа-кукольника — я встретила их позавчера в поезде из Милана, — сказала Томка. — Не знаю, какие порядки в Италии, но в России людей, которые ходят, разговаривают и воруют чемоданы, на кладбище не отправляют. В худшем случае — в тюрьму.

Бруно коротко булькнул.

— Встретила? — переспросил он. Девушка кивнула.

— В поезде из Милана? — Томка кивнула еще раз.

Старьевщик-изобретатель схватил себя за бороду.

— Позавчера? — предпринял он третью попытку. — Высокая женщина с бородой и ее муж, кукольник Джузеппе? Он похож на... гнома, лицо такое хитрое, как у хорька?

— Именно. Только представился он Джеппетто...

Пару секунд Бруно растеряно моргал, а затем вдруг взревел так, что все холодильники на кухне разом подскочили, а лампочка под потолком замигала.

— Джеппетто! Ах ты... Мерзкий кукольник! Двуличная гадина! Да чтоб собаки вырвали твой поганый язык, да чтоб... — тут у Бруно кончились слова. Лицо его пошло красными пятнами.

Томка недоуменно посмотрела на Тинкета. «И часто с ним такое?» — спросила она одними губами. Фокусник дернул плечом, мол, не исключено, хотя и ему в новинку.

— Так вот зачем он вокруг меня вертелся! — выдохнул Бруно, когда к нему вернулся дар речи. — Да чтобы черти его печенку... Выходит, они были заодно! Проклятье! Обвели меня, как последнего...

— Кто? — не поняла Томка.

— Кто?! Ха-ха! Джеппетто, мерзкий сын гадюки, и это исчадье ада — доктор Коппелиус!

— С чего вы взяли, что они как-то связаны?

— Да это же последнему ослу ясно! — Бруно с размаху ударил по дверце холодильника. — Кто еще мог помочь этому двуличному гаду столько прятнуть? Да я последние зубы поставлю на то, что за этим стоит Коппелиус!

— «Столько» это сколько? — тихо спросила Томка.

— А который сейчас год? — нахмурился Бруно.

— Две тысячи девятый...

— Тогда получается, — старьевщик принялся загибать пальцы, — последний раз мы виделись без малого сто лет назад. Как раз тогда, когда здесь появилась твоя прабабка.

Томка замерла с раскрытым ртом. Не то чтобы новость о знакомстве Бруно с ее прабабкой сильно удивила девушку. Старик отпускал столько намеков, что к финальному аккорду Томка была подготовлена. Но все же, прямое чистосердечное признание ее несколько ошарашило.

— И знаешь, что самое главное? — сказал старьевщик-изобретатель, вытирая со лба пот. — Это же я их познакомил!

— В смысле?

— Во всех. Впервые твоя прабабка и Джеппетто встретились под крышей этого дома.

— А... Э... Что значит встретились? Они были знакомы?

Бруно осуждающе посмотрел на Тинкета.

— Знаешь, — сказал он фокуснику, — я не вправе осуждать твой выбор. Но почему ты не мог найти себе кого-нибудь более сообразительного?

Тинкет пожал плечами. К счастью для фокусника, Томка была не в том состоянии, чтобы отвлекаться на мелочи. Девушка чувствовала себя как Алиса, которая по совету Черной Королевы попыталась поверить в десяток невозможностей до завтрака, но ее подвело отсутствие опыта.

— Разумеется, они были знакомы! — сказал Бруно. — Как же иначе? Я их представил друг другу. Твоя прабабка и эта бородатая ведьма, жена Джеппетто, очень сдружились. Обе были из цирка, это их и сблизило. Они, вроде, думали что-то делать

вместе, но меня, конечно, в детали не посвятили... Проклятье! Если б я знал, что она работает на Коппелиуса, да я бы ее и близко к своему дому не подпустил!

— А? — отозвалась Томка, пытаясь выстроить в голове цельную картину происходящего.

Беда этой истории в том, что все в ней оказывались не теми, за кого себя выдают. Это уже не просто маскарад, а маскарад в квадрате, а то и в кубе. Стоило сорвать с кого-нибудь маску, как под ней обнаруживалась другая, а под той — третья. Взять ту же Лауру... Когда Томка с ней познакомилась, та была обычновенным театральным агентом, затем обернулась жуликом-грабителем, потом таинственной гадалкой, а теперь выясняется, что она сообщница отвратительного карлика Коппелиуса и прожила на свете более ста лет. К тому же Лаура оказалась в приятельских отношениях с Томкиной прабабкой. Раз так, она не могла не узнать Томку... Узнала, поди, еще по тому интернет-ролику.

Игра, которую вела эта женщина, с каждым новым открывающимся фактом становилась все более запутанной. А что, если встреча в поезде не была случайной? И даже вся ее необдуманная поездка в Венецию — часть некоего грандиозного и зловещего плана? Внутри все сжалось от острого приступа паранойи. И как это часто бывает с девушками, Томка окончательно убедилась в том, что мать всегда права. Надо было не упрямиться, не закатывать глаза, а тихо и безропотно сломать себе ногу.

— Наверняка это Лаура и виновата в том, что случилось с твоей прабабкой, — Бруно озвучил мысль, которая Томке и самой пришла в голову. — Думаю, они с Джеппетто заманивают к Коппелиусу людей... А что он с ними делает, ты знаешь.

— Что он с ними делает, я видела, — мрачно заметила Томка. — Собственными глазами. И вот что я скажу: я сделаю все, чтобы это прекратить.

Бруно с нежностью посмотрел на девушку.

— Эх, видела бы тебя твоя прабабка! Это все мой сыр, он всегда так действует на людей!

— Думаю, надо придерживаться первоначального плана, — сказал Тинкет спустя некоторое время.

— Был какой-то план?

Старьевщик-изобретатель остановился рядом со Снуппи, раздумывая, как отнять у пса палку колбасы. Снуппи лежал, охватив ее передними лапами, и смотрел на старика с таким видом, словно заранее знал о его коварных планах и собирался пресечь их на корню.

— Разумеется, — сказал Тинкет. — И первым пунктом в нем — выступление у Маркиза ДеМорта. Там будут люди, которые знают о таинственных фигурках... Думай, что хочешь, но я уверен, что именно они — ключ к тайнам Коппелиуса.

— Не стал бы я связываться с этим Маркизом, — покачал головой Бруно. — Ничего личного, но я знал его деда... Вернее, кое-что о его деде.

— Он работал на тайную полицию Муссолини?

— Не исключено, — сказал Бруно. — Но знаменит он не этим. Этот дед вообразил себя турецким султаном. Толстый был, маленький... И ходил в чалме и расшитом халате. Вернее не ходил — его по городу в паланкине носили. Говорили, что у него в городе спрятан настоящий дворец — как это бывает в Венеции, за фасадом не узнаешь, что же находится внутри. И там целые комнаты завалены золотом и жемчугами, а заодно и гарем на триста жен. Если он замечал в городе какую-нибудь красавицу, вечером она оказывалась у него в спальне. Неважно, венецианка она или иностранка, богатая или бедная, знатная или нет... Поговаривали, что ему даже удалось заполучить одну знаменитую актрису — его люди похитили ее прямо из Голливуда. А тех, кому такое было не по нраву, в мешках топили в Лагуне.

— Слишком похоже на обычную городскую легенду.

— Пф! — фыркнул Бруно. — Если б за каждую вещь, которая слишком похожа на городскую легенду, мне давали по медному сольдо, я бы стал миллионером.

— Разбогател бы на антикварных монетах? — усмехнулся фокусник.

— Тоже вариант, — не стал спорить старьевщик-изобретатель. — Но ты осторожнее будь. Яблочко от яблони недалеко падает.

— Спасибо, — сказал Тинкет с самым серьезным видом. — Приму к сведению.

— Ох, — покачал головой старик. — Тебе было бы гораздо легче, если бы ты не был таким самоуверенным.

— А тут — извини. Иллюзионист должен быть уверен в себе. Сомнения недопустимы.

— Иллюзионист! — скорбно сказал Бруно. — Слово-то какое... В мое время таких, как ты, называли шутами. А то и мошенниками или жуликами.

— Заметь, — Тинкет потер кончик носа. — Мы друг другу не противоречим. А теперь, может, займемся делом?

На то, чтобы подготовить необходимый реквизит, ушло почти два часа. Пока Тинкет с Бруно что-то мастерили, резали, строгали, пилили и орали друг на друга, Томка сидела на кухне. Она, конечно, рада была помочь, но толку от нее было не много. Могла разве что постоять со свечкой за спиной у Тинкета, и, восхищенно охая, смотреть, как он натягивает пружины. А подобные вещи раздражают не меньше, чем слашающее сюсюканье.

Чтобы себя занять, Томка решила изучить осколок зеркала работы Пьетро Аретти. Таинственная надпись, проявившаяся в ванной комнате, не шла у девушки из головы, и Томка подумала: нельзя ли сделать так, чтобы она появилась снова? Когда пытаешься кого-то спасти из зазеркального плена, неплохо бы установить контакт. Оставался вопрос — как?

Томка начала с того, что подышала на зеркало. Когда амальгама запотела, девушка всмотрелась в нее, дожидаясь появления

новых надписей, но с мертвой точки дело не сдвинулось. Дыхание растяло, но никаких признаков того, что в зеркале есть кто-то еще. Томка постучала ногтем по стеклу, и опять без результата.

Томка плохо представляла, чего она хочет добиться. Что ее прабабка вдруг появится внутри? Встанет рядом с ее отражением и дружески похлопает по плечу? Хотя Томка дважды видела, как зеркало отражает то, чего не должно, девушка рациональная, она не могла с этим смириться. И все же... Должен существовать способ достучаться до той стороны?

Томка провела рукой по волосам, поправляя прическу. То же самое сделало и ее отражение. Затем она отвела взгляд и осмотрела комнату. Потом опять посмотрела в зеркало... Это напоминало старинную игру «Найди десять отличий».

Томка любила эту игру, и в детстве у нее неплохо получалось справляться с двумя картинками. Сейчас же она не видела ни одного отличия. Видимо, нужен был наметанный взгляд фокусника, чтобы заметить хоть что-нибудь. Но Тинкет был занят, и Томке не хотелось его отвлекать. Конечно, он с радостью придет ей на помощь — в этом Томка не сомневалась. Только последствия этого шага могут быть весьма печальными. Что, если он съется и перепутает что-нибудь в аппаратуре для иллюзии? И в самый ответственный момент Томка не сможет выбраться из чемодана? Она будет плохо выглядеть с рыбакской острогой, торчащей из груди.

— А ты что думаешь? — спросила девушка, показав осколок Снуппии. Пес отвернулся морду, мол, даже связываться с этим не желаю.

Томка вздохнула.

— Всегда с тобой так. Никакой помощи, одни убытки...

Пес смерил ее взглядом, словно хотел сказать: «Кто бы говорил!».

— Умел бы ты разговаривать! Ты же наверняка все видел... Знаешь все коварные планы этой бородатой ведьмы.

Снуппи засопел. Томка напряглась; на мгновение ей показалось, что сейчас пес и впрямь заговорит, как это случилось в поезде из Милана. Но нет — Снуппи лишь громко сглотнул и повернулся мордой к стене. Секунды не прошло, а он уже храпел.

— Не очень-то и хотелось! — надулась Томка.

Вот было бы здорово, если бы существовала такая штука, которая позволяла бы заглядывать животным в голову. Но об этом оставалось только мечтать. Томка вздохнула и снова посмотрела в зеркало.

Из глубины амальгамы на нее смотрела девушка с усталыми припухшими глазами и насмешливо вздернутым носом. Взъерошенные кудри почти не прикрывали оттопыренные уши, а сладки в уголках губ выглядели так, будто еще чуть-чуть и эта девица расхохочется... В общем: там была Томка Кошкина собственной персоной и никого больше.

От досады Томка едва не швырнула осколок в стену. Она-то знала, что это не так! Наверняка ее прабабка сейчас глядит на нее с той стороны. Бывают же прозрачные зеркала? В любом полицейском боевике обязательно есть сцена, где подозреваемого рассматривают через такое одностороннее зеркало...

Томка поежилась. Роль «подозреваемого» ей не нравилась, да и вообще неприятно, когда за тобой подглядывают. Девушка быстро отложила осколок и откинулась на спинку стула. А что, если кроме прабабки, через этот осколок за ней следит жуткий карлик доктор Коппелиус?

Томка представила, как Коппелиус стоит по ту сторону стекла и в глазницах маски вспыхивают багряные отблески. Вот он поднимает трость с набалдашником в виде фигурки Голубя... Томка отпрянула так, что едва не свалилась со стула. Что ни говори, а воображение у нее было чересчур богатым.

Когда Томка снова рискнула посмотреть на зеркало, то уже не сомневалась, что кто-то за ней наблюдает. Есть у человека особое, шестое чувство, позволяющее безошибочно определить, что на него смотрят. И это шестое чувство сейчас прямо вопило:

«Эй, сестра, на тебя точно глядят! Можешь поверить мне на слово. Я хоть раз тебя подводило?».

Томка ближе и ближе склонялась к зеркалу. Всматривалась в него что было сил, так что заболели глаза, а по вискам поползли капли пота. Еще немного и она увидит...

Голос фокусника развеял наваждение.

— Можно тебя на минутку? — Тинкет заглянул в кухню.

— А? — Томка вздрогнула.

От резкого движения показалось, что в глубине амальгамы что-то мелькнуло, но скорее всего, просто показалось. Девушка так себя накрутила, что уже шарахалась от любой тени.

— Что-то случилось?

— Пойдем, проверим аппаратуру, — сказал фокусник. — У нас кое-что готово, но нужно провести испытания... Без ассистентки тут никак.

— Уф, конечно... Я сейчас.

Повинуясь внезапному порыву Томка схватила осколок, дыхнула на него, и быстро написала пальцем: «Ау?». Ничего лучше не пришло в голову.

— Вы уже все сделали? — сказала Томка, вслед за фокусником проходя в комнату.

— В основном, — кивнул Тинкет. — Осталось отрепетировать номер и навести последний лоск. Подкрасить, наклеить блестки и прочие мелочи, на которые в первую очередь обращают внимание зрители.

— Отвлекающие маневры? — Томка подмигнула фокуснику.

— Они самые. Кстати, об отвлекающих маневрах... А другой одежды у тебя нет? — Тинкет критически оглядел девушку. — Для номера лучше подобрать что-нибудь более... хм...

— Откровенное? — без обиняков спросила Томка.

— Я бы сказал — более обтягивающее.

— Чарльз Уилмот Тинкет! — всем своим видом Томка изобразила возмущение.

— Исключительно в целях безопасности! — Тинкет поднял руки. — Одежда ассистентки фокуснику должна быть красивой, легкой и удобной. Но главное — она не должна ни за что цепляться.

— Всегда выкрутишься, — покачала головой Томка. — Скользкий, как угорь! Но ничего у тебя не получится — нет у меня более обтягивающего. Вампирский костюм остался в отеле.

Она показала фокуснику язык.

— Так я и думал, — сказал Тинкет. — Потому попросил Бруно подобрать тебе что-нибудь подходящее.

— Что?!

Томка догадывалась, что за костюм способен подобрать старьевщик-изобретатель. Наверняка что-нибудь, истлевшее до состояния паутины и украшенное дырами, прогрызенными молью. Наденешь такой костюм, и он прямо на ней и развалится.

Решив, что Томка не в настроении обсуждать сценические костюмы, Тинкет сменил тему:

— А правда, что для того, чтобы кости достигли нужной гибкости, артистов-клишников с младенчества вымачивают в горячем молоке?

— Не припомню, чтобы мать меня в чем-то вымачивала, — Томка задумалась. Возможно, она не все знала о своем детстве.

— Я почему спрашиваю, — сказал Тинкет. — Чемодан мы нашли, но он не такой большой, как хотелось бы. Придется постараться, чтобы незаметно из него выбраться.

— Он зеленый? — спросила Томка.

— Скорее, болотного цвета.

— Тогда никаких проблем. Не существует такого зеленого чемодана, из которого я бы не смогла выбраться.

Однако когда девушка увидела чемодан, уверенности у нее поубавилось. Цвета он был, конечно, подходящего, но тут Томка задумалась, может, дело не только в цвете? Томка сомневалась

даже в том, сможет ли она в него забраться. Но отступать было поздно.

— Смотри, — сказал Тинкет, показывая ей внутреннее устройство. — Вот в этой стенке отверстие. Видишь резиновую прокладку? Твоя задача по моему сигналу пролезть через него в тумбу...

— Что за сигнал? — спросила Томка.

— Я дважды стукну по крышке. Ага, вот и Бруно...

Томка повернулась и на мгновение зажмурилась от яркого серебристого блеска. Старьевщик-изобретатель нес на вытянутых руках нечто сверкающее и переливающееся, сшитое не иначе как из осколков зеркал и солнечного света. Если бы не рукава, которые Томка разглядела сквозь блеск, ни за что не поверила, что это нечто может называться одеждой.

— Знал же, что он еще пригодится, — с гордостью сказал старик, протягивая девушке серебристое одеяние. — Держи... Это, как говорится, твое наследство.

— Наследство? — Томка совсем растерялась.

— Конечно. Это сценический костюм твоей прабабки.

— О, Господи... Откуда он у вас? — Томка, наконец, сообразила, что это за вещь. Разумеется, тот самый костюм, который она видела на афише.

— Так, — отмахнулся Бруно. — Лежал с тех пор, когда я делал всякие штуки для ее выступлений.

— Погодите! — воскликнула Томка. — Вы и для моей прабабки разрабатывали сценическое оборудование?

— У меня это неплохо получается.

— Конечно, — сказала Томка, беря костюм с тем благоговением, с которым и положено брать реликвию. — Я сейчас...

И она упорхнула в поисках места, где переодеться. Когда же она вернулась во всем сиянии и блеске, мужчины так и замерли. И было с чего: Томкина прабабка отлично разбиралась в одежде и знала, как произвести впечатление. Костюм же сел идеально, именно так, как нужно. Прекрасно понимая, что выглядит

потрясающе, Томка из-под челки посмотрела на Тинкета. И что он на это скажет?

— Отлично, — с трудом проговорил фокусник. — То, что надо...

— То, что надо?! — Бруно дернул себя за бороду. — Ты что не видишь? Это же она!

— Кто она? — Томка крутанулась на носках, давая присутствующим возможность увидеть ее со всех сторон. Сделала она это не иначе, как назло фокуснику, и своего добилась. Тинкет заметно вздрогнул.

— Гуттаперчевая Принцесса, — с придаханием сказал Бруно. — Она вернулась.

— Принцесса... — повторил Тинкет. Видимо, в это слово он вкладывал куда больше, чем старьевщик-изобретатель. Но он взял себя в руки. — Раз все готово, можно начинать репетицию. У нас осталось не так много времени.

Голос прозвучал несколько холодно, и Томка обиженно надула губы. Но спорить не стала, признавая правоту фокусника. Одного серебристого костюма мало, чтобы вступление прошло удачно.

— Итак, начнем... Вступительную речь опустим, сразу переходим к сцене, в которой ты забираешься в чемодан...

Чтобы поместиться в чемодане, Томке пришлось чуть ли не завязаться узлом. К счастью, у нее был опыт размещения в чемоданах, и это здорово помогло. Но все равно, когда над ее головой закрылась крышка, Томка чувствовала себя не лучше, чем сардина в банке. Дальше было хуже: чтобы пробраться к отверстию, ей пришлось извиваться змеей, ежесекундно рискуя свернуть себе шею. И когда она почти добралась до заветной цели, послышался голос Тинкета.

— Стоп!

— Что-то не так? — спросила Томка, выглядывая из чемодана.

— Все не так, — сказал фокусник. — Твои движения должны быть совершенно незаметны снаружи. А этот чемодан трясеться

как желе. Никуда не годится. Когда будешь перелезать сквозь отверстие, постарайся не так сильно оттопыривать свою...

— Я поняла! — резко сказала Томка, обиженная тем, что ее усилия не оценили по заслугам.

— Вот и отлично. Тогда сначала.

Вторая попытка также провалилась. Как и третья с четвертой. На пятой попытке Томке удалось перебраться из чемодана в тумбу, но заняло это слишком много времени. Тинкет совсем ее не щадил, заставляя раз за разом повторять трюк. И за все это время Томка так и не увидела одобрения в его взгляде. Фокусник стоял, скрестив руки на груди, и то и дело раздраженно поджимал губы. Единственные слова, которые срывались с его языка, это «давай сначала». Сперва Томка обижалась, потом стала злиться, пока не дошла до состояния гранаты с выдернутой чекой — могла взорваться в любой момент. Тинкет же, словно не догадываясь, что отплясывает чечетку на минном поле, продолжал над ней издеваться.

Первым не выдержал Бруно.

— Пойду-ка я промочу горло. Смотреть больно, как он тебя гоняет. Перфекционист шотландский. Разве можно так обращаться с принцессами?

— Точно, — тихо поддакнула Томка.

— Если бы ты знала, как на самом деле обращаются с принцессами, ты бы не возмущалась.

— И как же? — язвительно спросила Томка. — Подкладывают горошины в постель?

— Это тоже, — спокойно сказал Тинкет. — Еще усыпляют на сто лет, заточают в башнях, скармливают драконам, превращают в лягушек и оленей... Тебе грех жаловаться. Так что давай сначала.

Томка клацнула зубами, словно где-то рядом щелкнули кастаньеты. Все слова, которые она хотела сказать Тинкету, застряли в горле. Пробормотав что-то неразборчивое, Бруно поспешил убраться из комнаты.

Однако не прошло и трех минут, как старьевщик-изобретатель вернулся. Бегом ворвался в комнату, держа в руках осколок зеркала. Выглядел он как человек, который разом повстречал с десяток фамильных привидений: лицо бледное, глаза навыкате, волосы стоят дыбом.

— Что... Что...

— Успокойся, друг, — мягко сказал Тинкет. — Что-то случилось?

Бруно разразился такими ругательствами, что у человека впечатлительного завяли бы уши. Но Томка выдержала и даже смогла понять, о чем говорит старик. Если вычеркнуть три четверти слов, фраза звучала так:

— Что вы сделали с зеркалом?!

— Ничего... Что с ним? — напряглась Томка. Выбравшись из чемодана, она подошла к старьевщику-изобретателю.

Бруно молча протянул ей осколок. Через все зеркало протянулась надпись, сделанная чем-то темно-красным.

В глазах у девушки защипало. Зеркальный осколок едва не выпал из задрожавших рук. Кровь? Не может быть, чтобы она писала кровью...

Всего два слова, по-русски: «Я здесь!».

Слова были написаны с той стороны стекла.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ДМИТРИЙ КОЛОДАН

Родился 20 ноября 1979 года в Ленинграде. Закончил биологический факультет РГПУ им. А.И. Герцена. За время обучения успел сменить огромное количество странных специальностей — от лаборанта на складе химических реактивов до ночного

сторожа в магазине игрушек. Писал книги-прохождения к компьютерным играм. Сейчас работает дизайнером в нескольких рекламных изданиях. Женат, отец двух дочерей.

Литературный дебют состоялся в 2005 году: в журнале «Если» был опубликован рассказ «Покупатель Камней», выдержавший позднее ряд переизданий. Вышедшая три года спустя дебютная книга Дмитрия «Другая сторона» была признана лучшим отечественным фантастическим романом года. С тех пор успел стать лауреатом и номинантом множества литературных премий, таких как «Роскон», «Большая книга», «Звездный мост», «Национальный бестселлер», EuroCon (ESFS Awards) и многих других.

С 2007 года — действительный член семинара Бориса Стругацкого.

АВТОР О «ЗЕРКАЛАХ»

Начнем с места в карьер... Так зачем же Коппелиус похищает души?

Вопрос, на который нет однозначного ответа. Во-первых, конечно же, первая догадка Томки верна, и доктор похищает души для своего «Театра Кошмаров». Не буду сейчас раскрывать всех карт, и говорить, зачем же ему собственно понадобился именно «Театр», но, как сказал Винни-Пух: «Это «Ж-ж-ж» — неспроста!...»

Об истинной причине Коппелиус обмолвился при встрече с Аретти. Человек ведь не только душа, но и тело...

В общем, причины есть.

Получается, похищенные души могут жить в «Зазеркалье» сколько угодно долго?

Ну, слово «жить» здесь не совсем уместно. Все-таки жизнь подразумевает какое-то развитие и изменение. А здесь скорее имеет место что-то вроде «живой фотографии» или, вернее, голограммы. Более правильным будет слово «пребывать», в неком

состоянии безвременья, оставаясь такими же, какими их взяли. В чем-то это напоминает классический «день сурка». Время есть снаружи, но не внутри.

Об этом состоянии безвременья более полно рассказано в другой серии «Этногенеза», собственно, в «Пангее».

**Души в зеркалах могут «общаться» с реальным миром?
Писать оттуда кровью, «показываться» людям... Зачем?**

Могут. Ну а зачем — вопрос простой. Нет ничего приятного в том, чтобы бесконечно пребывать в заточении. Все они, так или иначе, хотят выбраться. И готовы ради этого на что угодно. Так что надписи кровью — еще цветочки... Подкину очень странную подсказку: и Кровавая Мэри и Пиковая Дама упоминаются не просто так.

Души могут контактировать с реальным миром через осколок зеркала... А если этих осколков много?

Здесь действует приблизительно тот же механизм, как и с обычной голограммой. Если разбить голограмму, то каждая ее часть будет хранить информацию обо всем изображении. Но при этом, она хранит информацию с собственным углом обзора. Для примера представьте себе окно, которое замазали черной краской. Если сделать в ней несколько «глазков», то через каждый можно будет увидеть то, что происходит снаружи, но в разной перспективе. В какой-то мере осколки «изначального» зеркала и являются такими вот «глазками».

В книге много отсылок и намеков на известных литературных персонажей: героев итальянской комедии масок, персонажей «Пиноккио», Дориана Грея и т.д... Это попытка «объяснить» эти истории или просто, что называется, для колорита...

Немножко того, немножко другого. Но в первую очередь это, конечно же, подсказки. Как по синему цвету кусочка пазла можно догадаться, что это, например, море или небо. Так и здесь — та или иная отсылка упрощает решение задачи.

А как связаны зеркала в вашей книге с зеркалом Медеи в «Блокаде 3»?

Напрямую. То зеркало, которое использовала для ритуала Мария Фон Белов — «огромное, в два человеческих роста, в массивной раме из черного дерева» — как раз одно из тех ста-ринных венецианских зеркал с «египетской» амальгамой. Не исключено, что даже работы Пьетро Аретти — только никто не посмотрел на клеймо. Правда Мария использовала его для другого ритуала... И здесь мы вплотную подходим к тому, кем и для чего изначально была создана эта амальгама.

Может ли Коппелиус или кто-нибудь другой уходить в разбитое зеркало?

Куда? «Зазеркалье» не параллельный мир в привычном его понимании, а зеркало не телепорт и не дверь. Хотя, если имеется в виду не физическое перемещение... Коппелиус может «наведываться» в зеркала, назовем это так. Плюс еще существуют механизмы перемещения между зеркалами.

Что за тени появляются в прологе во время встречи Коппелиуса и Аретти?

Аретти же не первый, к кому пришел доктор. К тому времени у Коппелиуса собралась неплохая «коллекция похищенных». А в комнате полной зеркал, где одно отражение накладывается на другое, да еще и Коппелиус принес свое собственное зеркало — не удивительно, что они встретились.

А правда, что Томка Кошкина — родственница того самого майора Кошкина из «Блокады»?

Да, правда. Она об этом даже говорит прямым текстом.

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (My-My), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново,ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. За, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ»,3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Дмитрий Колодан

ЗЕРКАЛА

Книга первая

Маскарад

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Полина Волошина

Корректор Антон Нелихов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоеv, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 14.03.12 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,4 pt

Условных печатных листов — 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32